

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

67

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

67

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА — 1957

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор — *А. Д. Удальцов*
Зам. ответственного редактора — *Т. С. Пассек*

Члены редколлегии:

А. В. Арциховский, С. Н. Бибилов, М. П. Грязнов, Л. А. Евтюхов,
А. Ф. Медведев (отв. секретарь), Г. Б. Федоров

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

А. И. ТЕРЕНОЖКИН

ЛУЖИЦКАЯ КУЛЬТУРА И КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕГО
ПОДНЕПРОВЬЯ

Изучая лужицкую культуру, возникшую в бассейне Одры и Вислы в эпоху средней бронзы (около начала XIII в. до н. э.), многие польские и чешские археологи пришли к выводу, что культура эта — праславянская, а ее первоначальная территория должна рассматриваться в качестве родины славян. Появление славян в Среднем Поднепровье и расселение их по другим землям Восточной Европы они объясняют «лужицкой экспансией», начавшейся в первых веках I тысячелетия до н. э. Таким образом, создалась внешне стройная система взглядов на происхождение славян и распространение их из одного центра по всему тому пространству, которое они занимали в эпоху раннего средневековья. Гипотеза эта нашла поддержку и со стороны языковедов-славистов.

Однако такая постановка проблемы лужицкой культуры не подтверждается фактическими данными археологии. В украинской лесостепи к западу от Днепра в течение позднего бронзового и начала раннего железного века обитали оседлые земледельческие племена, в материальной культуре которых не обнаруживается таких ярких признаков влияния лужицкой культуры, какие ей приписываются. Исключение составляют только крайние западные области УССР, частично входившие в пределы основной территории, занятой лужицкой культурой, где, кроме того, к северу от Львова существовала сильно окрашенная лужицкими элементами высокая культура.

О необоснованности гипотезы «лужицкой экспансии» на Украине в I тысячелетии до н. э. уже писалось неоднократно¹, однако эта гипотеза неоправданно продолжает пользоваться большой популярностью в зарубежной науке. В качестве ее защитника продолжает выступать в своих недавних работах, посвященных вопросам происхождения славян, известный юльский языковед Т. Лер-Сплавинский². Он считает, «что кристаллизация праславянского языка в области его распространения произошла на зоне языковой экспансии, имеющей своим источником западные полужиц-

¹ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 81, 82; А. И. Тереножкин. Некоторые актуальные вопросы скифоведения. Доклады VI научной конференции Института археологии. Киев, 1953, стр. 152 и сл.

² Т. Лер-Сплавинский. Новая попытка освещения проблемы происхождения славян. «Вопросы языкознания», 1955, вып. 1, стр. 152 и сл.; T. Lehr-Spławinski. Wspólnota językowa bałto-słowiańska a problem etnogenezy Słowian. «Slavia antiqua», t. IV, oznaj—Wrocław, 1953, стр. 10 и сл.

кие области, параллельно с распространением на восток и других культурных элементов из тех же источников». Поэтому Т. Лер-Сплавинский видит главный недостаток труда П. Н. Третьякова по древнейшей истории восточных славян в том, что в нем решительно отвергается возможность «лужицкой экспансии» на восток и, в противовес, подчеркивается преобладающая роль восточных племен, входивших в состав скифского объединения, влияние которых — военное, хозяйственное и культурное — распространялось очень широко не только в бассейне Одры, но и на Эльбе.

С точки зрения Т. Лер-Сплавинского во всем этом обнаруживается досадная недооценка важнейших достижений науки. Он пишет, что в результате археологических исследований польских (И. Костшевского, Л. Козловского, Т. Сулимирского) и, частично, чешских ученых (Я. Филип) давно было указано на распространение во второй четверти I тысячелетия до н. э. элементов лужицкой культуры далеко на восток, в области Воыни, Подолии и даже центральной Украины. Здесь широко бытовали и смешивались местные лужицкие формы керамики и лужицкие орнаменты и, что особенно важно, на Воыни, в Подолии и Поднепровье распространялся близкий к лужицкому обряд трупосожжения; этот обряд с течением времени стал преобладающим в культуре полей погребений, благодаря чему она сблизилась с культурой ямных погребений, господствовавшей в последних веках до нашей эры в бассейне Одера, Вислы и верхнего Днестра. Экспансия лужицких элементов около VII в. до н. э. привела к образованию на Воыни и в Подолии на местной комаровско-белопотоцкой (этнически — фракийской) основе висоцкой культуры, насыщенность которой лужицкими элементами бросается в глаза. Со ссылкой на статью М. И. Артамонова подчеркивается, что поднепровские формы могил с трупосожжением развились на основе скрещивания с лужицко-висоцкими формами.

И далее, в интересующем нас месте, Т. Лер-Сплавинский пишет: «Эта экспансия . . . не была очень сильной количественно, так как не вытеснила древнего населения комаровского типа с его воыньских поселений, а закрепила среди него много важных, проявляющихся в висоцкой культуре элементов лужицкой, указывающих на ее перевес над культурой местного населения. С этим, по всей вероятности, общественно-хозяйственным перевесом было связано и проникновение языка, которое в конце концов привело к тесной языковой связи этих областей со складывающейся уже в течение нескольких веков на территории лужицкой культуры в бассейне Одры, Вислы и верхнего Днестра праславянской языковой общности. Дальнейшее распространение к востоку на территории Среднего, а с течением времени и Верхнего Поднепровья культурных и языковых элементов из области висоцкой культуры значительно расширило область этническо-языкового праславянского массива и привело к его окончательному формированию»³.

Из изложенного совершенно очевидно, что выводы о существовании «лужицкой экспансии» и ее большой исторической роли на востоке опираются преимущественно на данные археологии. Все же прочие виды источников, а также и выводы сравнительно-исторического языкознания несут в построении лишь вспомогательную роль. Следовательно, проверка правильности археологической аргументации имеет здесь первостепенное значение. Для этого нам необходимо остановиться на работах Т. Сулимирского, который пытался обосновать рассматриваемую историческую проблему путем анализа памятников материальной культуры.

В своем исследовании вопросов «лужицкой экспансии» на Украине Т. Сулимирский приходит к следующим выводам: лужицкая культура, продвигаясь с Вислы на восток, достигает в IV периоде бронзы (1100—900 гг.

³ Т. Лер-Сплавинский. Новая попытка. . ., стр. 158—160.

до н. э.) Западного Буга, а вслед затем к востоку от него образует смешанную фракийско-лужицкую высококую культуру (рис.1); подобные ей насыщенные лужицкими элементами культуры возникают в северной Украине и далее на восток вплоть до Днепра; главное сосредоточение находок предметов лужицких типов расположено в Поднепровье южнее Киева; лужицкая культура на Украине, особенно на Волини и в северной части Киевщины — культурный фактор большого исторического значения. При этом продвижению лужицкой культуры в более южные части лесостепи серьезное сопротивление оказала местная культура, кото-

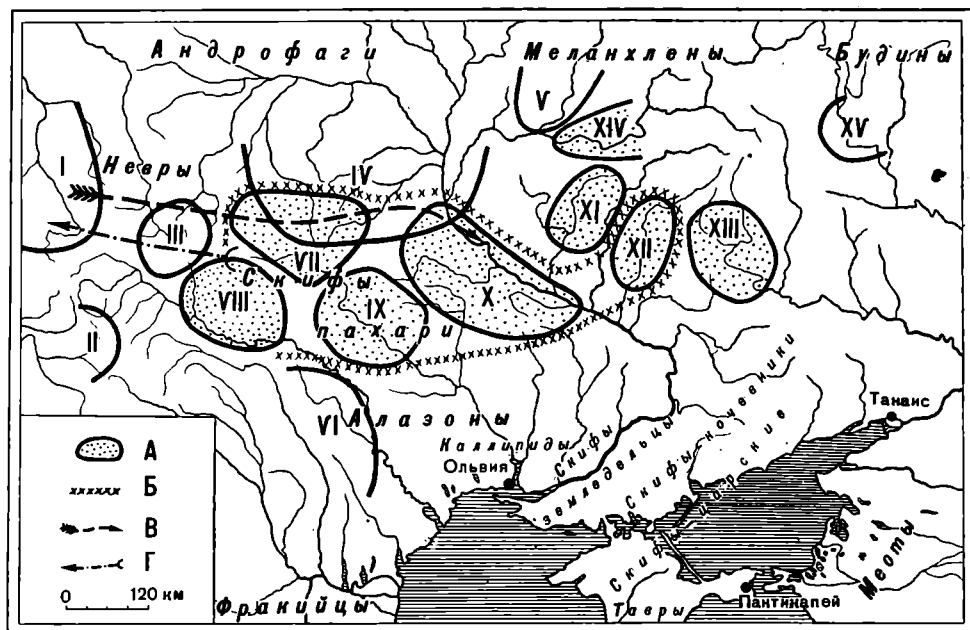

Рис. 1. Карта Скифии по Геродоту и археологическим данным.

I — лужицкая культура; II — куштановицкая; III — высококая; IV — милоградско-подгорцевская; V — южновская; VI — молдавская культурная группа; VII — волинская; VIII — западнородольская; IX — восточнородольская; X — киевско-черкасская; XI — посульская; XII — ворсклинская; XIII — северодонецкая; XIV — сейминская; XV — воронешская; А — лесостепные группы; Б — область чернолесской культуры; В — «лужицкая экспансия» по Т. Сулимирскому; Г — восточное влияние.

рая у Т. Сулимирского называется «украинским гальштатом» и связывается в этническом отношении с фракийцами⁴.

Работа, на которую мы ссылаемся, была написана Т. Сулимирским на основании изучения найденных на территории УССР бронзовых изделий, которым автор приписывает лужицкое происхождение. Количество предметов невелико, причем оказывается, что часть из них характерна не только для лужицкой культуры, а потому не может служить доказательством ее влияния на культуру Волини и Среднего Поднепровья. К числу таких изделий принадлежат, например, браслеты со спирально закрученными концами, булавки с закрученными головками и наконечники копий⁵. Вопрос о происхождении первых двух вообще еще не решен в науке, а наконечник

⁴ T. Sulimirski. Zagadnienie ekspansji kultury łuzyckiej na Ukrainie. «Wiadomości Archeologiczne», t. XIV, Warszawa, 1936, стр. 49, 50; его же. Die thrako-kimmerische Periode in Südostpolen. «Wiener Prähistorische Zeitschrift», Bd. XXV, 1938, стр. 131.

⁵ Там же, табл. XII, 3, 4; табл. X, 3—8; табл. XI, 4.

Рис. 2. Металлические изделия, относящиеся к чернолесской культуре.

1 — железный кинжал с бронзовой рукояткой из с. Головатинно Смелянского района Черкасской области; 2 — бронзовый кельт с Субботовского городища в Чигиринском районе той же области; 3 — железный кинжал с бронзовой рукояткой из Софиевки Черкасского района той же области.

копья «лужицкого» типа слишком прост и не имеет черт, которые позволили бы уверенно отличать его от подобных же наконечников эпохи поздней бронзы, известных в материалах, относящихся к другим культурам на огромной территории вплоть до Кавказа⁶.

Так же решительно приходится возражать и против использования Т. Сулимирским в качестве доказательства лужицкого влияния в Поднепровье стройных одношукковых кельтов с елочным орнаментом⁷. Кельты такого рода, по его мнению, — лужицкого происхождения, и автор называет их кельтами «лужицко-украинского» типа. Однако кельты с елочным орнаментом наиболее развитого типа в различных вариантах богаче всего представлены находками в Среднем Поднепровье, точнее — на Киевщине.

При раскопках на Субботовском городище⁸ в Чигиринском районе Черкасской области, проведенных Институтом археологии Академии наук УССР и Московским государственным университетом в 1955 г., был найден хорошо сохранившийся экземпляр кельта такого типа (рис. 2—2). Это позволило уточнить дату и культурную принадлежность кельтов с елочным орнаментом. Таким образом, устанавливается, что они связываются с чернолесской культурой и относятся примерно к концу IX в.—первой половине VII в. до н. э. А. М. Тальгрэн был вполне прав, указывая, что кельты с елочным орнаментом в Поднепровье местные, а не импортные, лишь стоящие в связи с западными и северными типами⁹.

⁶ А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА, № 23, 1951, стр. 111 и сл., рис. 40.

⁷ T. Sulimirski. Zagadnienie ekspansji..., стр. 47 и 48, табл. XI, 7, 8, 10, 11 и табл. XIII, 1.

⁸ А. И. Тереножкин. Культура предскифского времени в Среднем Поднепровье. «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1954, стр. 94 и сл.

⁹ A. M. Tallgren. La Pontide préscythique après l'introduction des métaux. ESA, II, Helsinki, 1926, стр. 182, 184, рис. 105, 9, 10, 14.

Казалось бы, если следовать Т. Сулимирскому, то кельты подобного типа должны быть особенно многочисленными в западных областях УССР, через которые пролегла линия связи населения лужицкой культуры с Поднепровьем. Так, в Верхнем Поднестровье они найдены в количестве всего 4 экземпляров (с упрощенной орнаментацией), причем К. Журовский, присоединяясь к взгляду А. М. Тальгрена, определенно признает их среднеднепровское происхождение¹⁰. Уместно напомнить, что А. М. Тальгрэн считал кельты такого рода, найденные в Польше, экземплярами, проникшими туда из Поднепровья.

Количество находок бронзовых изделий средневропейского происхождения первых веков I тысячелетия до н. э. в Среднем Поднепровье невелико. Характерно, что они концентрируются на Киевщине, т. е. там, где самостоятельность местной культуры, особенно в чернолесское время, выступает ярче всего. Стойкость культуры «украинского гальштата» по отношению к лужицким влияниям, как упомянуто выше, подчеркивает и Т. Сулимирский. Вещи средневропейского происхождения, находимые на территории лесостепных племен, представляют собой обычный импорт, поступавший в порядке обмена. Среднеднепровский центр культуры конца бронзового века был связан обменом не только с Западом, но и с более отдаленным Кавказом, о чем свидетельствуют бронзовый гравированный пояс закавказского производства, обнаруженный в Подгорцах, бронзовые клепаные сосуды, снабженные литыми ручками со звериными головками, а также другие изделия кавказских мастеров, находимые на Киевщине¹¹. Кстати, следует отметить, что в средневропейском импорте из украинской лесостепи, в том числе и с Волыни, преобладает семиградский, а не лужицкий металл. Находки западных бронзовых изделий в УССР так же ошибочно были использованы А. М. Тальгреном в качестве свидетельства фракийской экспансии из стран Дунайского бассейна¹², как и Т. Сулимирским для доказательства «лужицкой экспансии» в Поднепровье.

Наименование культуры конца эпохи бронзы и начала железа лесостепной полосы в междуречье Днестра и Днепра «украинским гальштатом», употребляемое Т. Сулимирским, оказалось совершенно искусственным и не привилось в советской археологии. В настоящее время предскифский период на указанной территории делится на два исторических этапа: белоградудовский, датируемый XI—IX вв. до н. э., и чернолесский, восходящий к концу VIII — первой половине VII в. до н. э.

Предскифская культура земледельческих племен правобережной лесостепи, по-видимому, берет свое начало от комаровской и тшинецкой культур Северной Украины и Восточной Польши¹³. В белоградудовское время¹⁴ жизнь протекала в неукрепленных поселениях, разбросанных в различных местностях лесостепи. Только на Уманщине, судя по концентрации памятников, происходило какое-то большое сосредоточение населения.

Простая керамика характеризуется местными формами с заметными традициями комаровской культуры. Особенно типичны горшки тюльпано-

¹⁰ K. Żurowski. Zabytki brązowe z młodszej epoki brązu i wczesnego okresu żelaza z dorzecza górnego Dniestru. «Przegląd Archeologiczny», t. VIII, Poznań, 1949, стр. 181, табл. XIV, 7—5.

¹¹ А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947, стр. 42 и сл.

¹² А. М. Тальгрэн. Указ. соч., стр. 217.

¹³ А. И. Тереножкин. К вопросу об этнической принадлежности лесостепных племен Северного Причерноморья в скифское время. СА, XXIV, 1955, стр. 7—28.

¹⁴ А. И. Тереножкин. Скифская днепровская правобережная экспедиция. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 122 и сл.; его же. Поселения білоградудівського типу біля Умані. «Археологія», т. V, Київ, 1951, стор. 172 и сл.; С. С. Березанская и Г. Т. Титенко. Поселение предскифского времени в с. Собковка. КСИА, вып. 1, Киев, 1952, стр. 78 и сл.; С. С. Березанская. Памятники предскифского времени на Уманщине и их историческое значение (автореферат диссертации), Киев, 1953.

видной формы, украшенные гладким валиком, идущим по плечу сосуда, и миски с отогнутым наружу краем. Лощеная керамика представлена черпаками с гладкой дуговидной ручкой, низкими широкими кубками, биконическими сосудами. Лощеная посуда украшалась простыми узорами, наносившимися гребенчатым штампом, иногда с белой инкрустацией.

В Среднем Поднепровье некоторое развитие получило бронзолитейное производство, техника которого (отливка в каменных формах из двух половинок) была заимствована у племен позднесрубной культуры Северного Причерноморья. От срубных же племен заимствованы и господствовавшие в лесостепи формы бронзовых орудий и предметов вооружения: обоюдоострые ножи срубного типа, копьевидные кинжалы киммерийского типа, с кольцевидным утолщением в основании черешка, кинжалы срубно-хвалынского типа, крюкастые степные серпы, двушковые кельты и др. Возможно, что частично эти изделия в готовом виде попадали к белогрудовским племенам с Нижнего Поднепровья, где находился главный бронзолитейный центр срубной культуры¹⁵. Из-за недостатка бронзы белогрудовские племена продолжали употреблять каменные шлифованные проушные топоры и серпы с кремневыми вкладышами. Имеются некоторые указания (находка шлака), что с белогрудовской поры началась в лесостепи местная обработка железа. Излюбленным и характерным украшением у белогрудовцев были бронзовые двуспиральные височные кольца локального типа.

Чернолесская пора¹⁶ отмечена крупными сдвигами в развитии местной культуры, подъемом производства и расширением внешних связей. Увеличивалась концентрация населения на отдельных территориях, особенно на днепровском Правобережье, на Киевщине. На юге территории, которую занимали эти племена, — кажется, главным образом, на Тясмине, — возникло много небольших родовых городищ. Городище в Черном лесу в верховьях р. Ингульца, отличающееся обширными размерами, можно считать одним из племенных центров. Большое развитие получило бронзолитейное дело; отливка изделий производилась в глиняных формах по восковой модели. Впервые значительные успехи были достигнуты и в местной обработке железа.

С этого времени большинство изделий в Среднем Поднепровье имеет локальные формы, типичные только для чернолесской культуры. Из их числа в настоящее время известны упомянутые выше одношковые кельты с елочным орнаментом; бронзовые кинжалы с ажурной ручкой и подобные же железные кинжалы с бронзовой ажурной ручкой; железные кинжалы и мечи с бронзовой рукояткой, имеющей полукруглое навершие и крестовидный и сердцевидный эфес (рис. 2—1, 3); большая серия различных бронзовых браслетов со сложным запором, украшавшихся спиральным и геометрическим орнаментом, и др. К чернолесскому времени относятся железные одношковые кельты, сделанные в точности по бронзовым образцам; к этому же времени восходят наиболее древние железные теса с боковыми выступами.

Почти совсем прекратилось применение кремневых и каменных шлифованных орудий. Большое распространение получили различные изделия

¹⁵ А. А. Иессен. Указ. соч., стр. 26 и сл.

¹⁶ О. І. Тереножкін. Розвідки і розкопки 1949 р. в північній частині Кіровоградської обл. «Археологія», т. VII, Київ, 1952, стор. 117 и сл.; его же. Поселения и городища в бассейне р. Тясмина. КСИИМК, вып. XLIII, 1952, стр. 80—98; его же. Культура предскифского времени в Среднем Поднепровье. «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1954, стр. 94—111; Е. Ф. Покровська. Поселения VII—VI ст. до н. е. на Тясмині. «Археологія», т. VII, Київ, 1952, стор. 43 и сл.; ее же. Кургани передскифського часу в басейні р. Тясмин. «Археологія», т. VIII, Київ, 1953, стор. 128 и сл.

из кости, в том числе псалии для конских удил, втульчатые и черешковые наконечники для стрел, различные бляшки, пронизи и т. д.

Богаче стал ассортимент глиняной посуды, разнообразнее ее орнаментация. В чернолесское время тюльпановидные горшки часто украшались проколами по краю и валиком с пальцевыми вдавлениями, идущими по плечу (рис. 3—1, 2). Появились корчаги виллановского типа; стройнее стали лощеные кубки, встречаются и другие лощеные сосуды. Черпаки (во всяком случае, — в Приднепровье) попадают в небольшом количестве; чаще всего они делались в виде простой кружечки с гладкой дугообразной ручкой.

В орнаментации, наряду с зубчатым штампом, постоянно можно видеть и резной орнамент. Композиция узоров становится сложнее, но в общем сохраняется прежняя простота: преобладает поясной орнамент из заштрихованных фигур, вдоль нижнего края которого идут свисающие треугольники.

На чернолесской основе складывалась культура оседлых племен, обитавших в лесостепи к западу от Днепра в скифское время (конец VII в.— III в. до н. э.), которые, по Геродоту, называются скифами-пахарями¹⁷. Политическое господство над этой территорией ираноязычных царских скифов, а также и их близкое соседство отразились здесь в широчайшем распространении почти всех форм скифской степной культуры: скифских мечей и кинжалов, лука со стрелами, снаряжения верхового коня, личного мужского и женского убора и произведений искусства, выполненных в скифском зверином стиле. В порядке обмена в лесостепе в большом количестве проникали изделия ремесла античных городов Северного Причерноморья. Все это, конечно, сказывалось сильнее на юге и слабее — к северным окраинам земли скифов-пахарей. Прермственность их культуры от чернолесской лучше всего прослеживается в эволюции местной лепной керамики. Время скифской арханки отмечено высшим расцветом чернолощенной посуды с пышной резной орнаментацией, которая в значительной степени, кажется, обогащалась за счет некоторых заимствований в круге днестро-дунайских культур.

Культура скифского периода изучена лучше, чем предыдущая эпоха, что позволило для нее на Правобережье выделить несколько локальных групп — западноподольскую, восточноподольскую и киевскую, краткое описание которых недавно было приведено в работе Б. Н. Гракова и А. И. Мелюковой¹⁸.

По Т. Сулимирскому, основной путь влияния лужицкой культуры на восток проходил в северной части Украины через Волинь (см. рис. 1), где, как упоминалось выше, по его мнению, должна была возникнуть смешанная лужицко-комаровская культура, похожая на лужицкую. Раньше это положение было трудно проконтролировать, так как археологические памятники интересующей нас поры на Волини оставались почти не изученными. Культура их начала выясняться лишь в течение последних лет. В верховьях Южного Буга у с. Сандраки Хмельницкого района Винницкой области Е. Ф. Лагодовская обследовала укрепленное поселение IX—VIII вв. до н. э.¹⁹ Близ хутора Ворошиловка несколько южнее Житомира в бассейне р. Тетерева Е. В. Махно, С. С. Березанской и Г. Т. Титенко

¹⁷ П. Д. Либеров. К вопросу о скифах-пахарях. ВДИ, 1951, № 4, стр. 178—185; В. А. Ильинская. О скифах-пахарях и буднях Геродота. КСИИМК, вып. XL, 1951, стр. 28—33.

¹⁸ Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 82 и сл.

¹⁹ О. Ф. Лагодовська. Поселення часу пізньої бронзи в с. Сандраки. «Археологія», т. IX, Київ, 1954, стр. 133 и сл.

были произведены раскопки на большом селище VIII в. до н. э.²⁰ В результате разведки, произведенной в 1952 г., на р. Горыни около с. Нетишино в Хмельницкой (бывш. Каменец-Подольской) области, близ ее границы с Ровенской, были обнаружены два поселения VII—VI вв. до н. э.²¹

Ранние памятники Волини характеризуются простыми сосудами тюльпановидной формы, украшенными наколами по краю и гладким (или расчлененным пальцевыми вдавлениями) валиком, идущим по плечикам. Подобные сосуды с поселений VI в. до н. э. также украшены по краю сквозными проколами. В некоторых случаях на венчик же переносится и расчлененный пальцевыми вдавлениями валик (иногда валик — гладкий). Для всех поселений обычны миски с округленным и загнутым внутрь под острым углом краем, а для поселений VI в. до н. э., кроме того, — миски с отогнутым наружу краем, украшенные наколами изнутри, образующими снаружи ряд выпуклин-горошин. Черпаки все время сохраняют архаическую форму: они имеют вид кружки с гладкой дуговидной ручкой. И на тех, и на других поселениях Волини постоянно встречаются крупные кремневые вкладыши для серпов.

В общем культура, с которой знакомят нас памятники позднего бронзового и раннего железного века Волини, не отличается от одновременной культуры более южных районов лесостепи. Можно отметить, конечно, некоторые частные, локальные особенности (например, острый загиб края мисок). Облик ее более консервативный, свидетельствующий о культурном отставании местного населения от приднепровского. Вероятно, Волинь может быть выделена в качестве локальной культурной группы наряду с другими группами этой поры в украинской лесостепи. Памятники Волини органически связаны с белогородовско-чернолесской культурой и культурой скифов-пахарей, составляя их северную окраину. Представление о культуре начала железного века на Волини хорошо дополняют находки глиняных сосудов при скорченных погребениях, обнаруженных в курганах около с. Сивки в Ровенской области С. В. Любой-Радзиминским в конце прошлого столетия²². В них вместе с простыми сосудами оказался хорошо орнаментированный черпак, отчетливо восходящий по типу к комаровским сосудам. Ближайшей аналогией черпаку из раскопок С. В. Любы-Радзиминского является черпак из кургана VI в. до н. э. у с. Ленковцы в Черновицкой области²³.

Приблизительно на широте Ровно—Киев территория, населявшаяся племенами раннего железного века украинской лесостепи, граничила с областью, где жили полесские племена — носители милоградской и подгорцевской культур, выявленных в результате исследований последних лет²⁴. Для этой культуры более всего типичны лепные круглодонные

²⁰ Є. В. Махно. Дві пам'ятки бронзової доби в басейні р. Тетерева. Археологічні пам'ятки УРСР, т. II, Київ, 1949, стор. 209 и сл.; С. С. Березанська. Поселення раннього залізного віку в Житомирській області. Археологічні пам'ятки УРСР, т. VI, Київ, 1956, стор. 48—51.

²¹ В. И. Канивец и А. П. Савчук. Археологическая разведка по р. Горыни в 1952 г. (Архив Института археологии Академии наук УССР).

²² С. В. Люба-Радзиминский. Памятники каменного века части Западной Волини. Труды IX АС, т. II, М., 1897, стр. 79—82, рис. 1—4; Z. L. Radziwiński. Dalsze poszukiwania archeologiczne w pow. Ostrogorskim na Wołyniu, dokonane w r. 1878. «Zbiór wiadomości do antropologii krajowej», II, Kraków, 1879, стр. 65, 66, табл. VI, 1, 4—6.

²³ А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени на среднем Днестре. КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 64, рис. 30—3.

²⁴ В. Н. Даниленко. Памятники ранней поры железного века в южной части Полесья УССР. Доклады на VI научной конференции Института археологии. Киев, 1953, стр. 197 и сл.; его же. Дослідження пам'яток підгірського та бобриського типів на Київщині в 1950 р., Археологічні пам'ятки УРСР, т. VI, Київ, 1956, стор. 5—14; О. И. Мельниковская. Памятники раннего железного века Верхнего Поднепровья. КСИИМК, вып. 7, 1957, стр. 46—48.

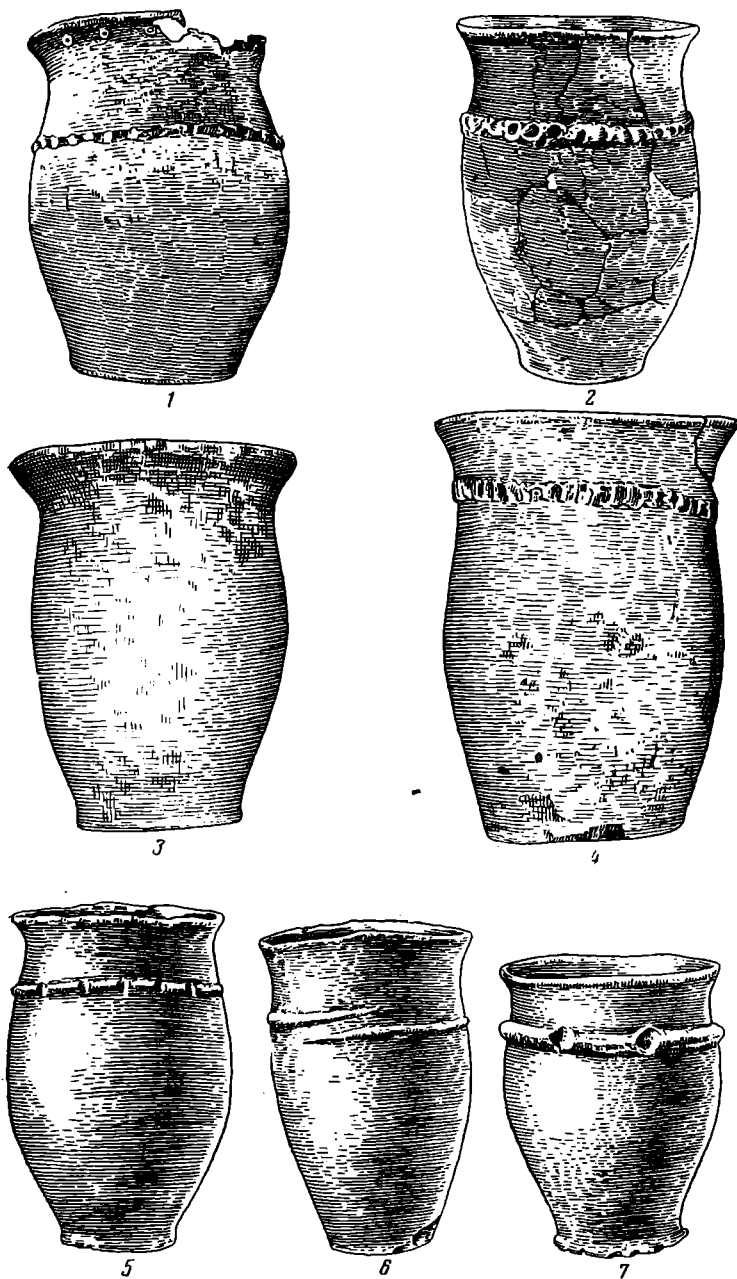

Рис. 3. Глиняные сосуды белогрудовского и чернолесского типов.
 1 — Оситвяжка Златопольского района Черкасской области; 2 — Субботовское городище;
 3 — Высоцкий могильник Львовской области; 4 — могильник в Ясинове Львовской об-
 ласти; 5—7 — могильник в Явовицах Козеницкого повята (на р. Сане, Польша).

сосуды (в районе Киева — плоскодонные) с шейкой, украшенной рядом наколов, ямок или выпуклин-горошин.

Совокупность данных, которыми мы располагаем, убедительно свидетельствует о том, что в северной части Украины не существовало никаких культур, находившихся, подобно висоцкой, под сильным воздействием лужицкой культуры. Археология Волыни также не подтверждает гипотезы о существовании «лужицкой экспансии» на Украине.

В одной из своих более поздних статей Т. Сулимирский пишет о «лужицкой экспансии» на Украине в более осторожной форме: он уподобляет ее инфильтрации. Однако и в данном случае его выводы остаются весьма категоричными. По его мнению, этой инфильтрации следует придавать большую роль, так как в изменениях, происходивших под влиянием лужицких элементов в украинской (этнически — фракийской) «гальштатской культуре» в течение предскифского и скифского времени, следует видеть начало славизации местного фракийского населения и даже начало отделения восточных славян от западных²⁵.

Рассмотрим доказательство, на основании которых делаются такие выводы. Т. Сулимирский считает, что влияния эти были не прямые, а через посредство висоцкой культуры. Как было установлено Т. Сулимирским, лужицкие элементы в висоцкой культуре представлены следующими видами глиняных сосудов: мисками с отверстием в дне, остродонными судушками, судушками в виде рога, биконическими сосудами, глиняными фигурками птиц. Отчетливо сказываются лужицкие черты и в орнаментации определенных типов висоцких сосудов²⁶. Признаки лужицкого влияния обнаруживаются в культуре лесостепных племен, но лишь в зоне ее контакта с висоцкой²⁷.

Однако Т. Сулимирский пытается доказать лужицкое влияние на востоке не на основании распространения собственно лужицких форм, а на аналогиях таким висоцким сосудам, которые вообще не свойственны лужицким комплексам. С этой целью исследователь привлекает висоцкие черпаки с дуговидной ручкой, относительно которых в другой его же работе есть указание, что эти черпаки не очень похожи на лужицкие²⁸. Так же используются и тюльпановидные сосуды, украшенные расчлененным валиком (рис. 3—4), совсем чуждые лужицкой культуре. По убеждению Т. Сулимирского, черпаки и тюльпановидные сосуды не были известны в культуре украинской лесостепи в предскифское время и получили распространение здесь только в эпоху скифского господства в результате воздействия висоцкой культуры²⁹. Такой вывод крайне ошибочен. Все, что известно о предскифском периоде в правобережной лесостепи, решительно свидетельствует против этого вывода.

Как видно из приведенного выше краткого обзора истории развития белогрудовского и чернолесского этапов, черпаки и особенно тюльпановидные сосуды наиболее характерны и, в прямом смысле слова, служат руководящими древнейшими формами местной керамики. В то время, когда Т. Сулимирский писал интересующие нас в данном случае статьи, предскифский период на Украине был еще очень слабо освещен в археологии, но памятники белогрудовской культуры были уже известны³⁰ с на-

²⁵ T. Sulimirski. Kultura łużycka a Scytowie. «Wiadomości Archeologiczne», t. XVI, Warszawa, 1939.

²⁶ T. Sulimirski. Kultura wysocka. Kraków, 1931, стр. 150—157.

²⁷ Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова. Указ. соч., стр. 82—84, 87; Г. И. Смирнова. Археологические культуры лесостепной Правобережной Украины и Молдавии в VII—V вв. до н. э. (автореферат диссертации). Л., 1954, стр. 8, 9.

²⁸ T. Sulimirski. Kultura wysocka, стр. 152.

²⁹ T. Sulimirski. Kultura łużycka a Scytowie, стр. 89 и сл.

³⁰ Коротке звітання ВУАК за археологічні дослідження року 1925. Київ, 1926, стор. 72—74; Коротке звітання ВУАК за археологічні дослідження року 1926. Київ, 1927, стор. 79—83, 173.

чала 20-х годов текущего столетия. Белогрудовская культура (с типичными для нее простыми сосудами, украшенными валиками и черпаками) старше высоцкой. Следовательно, перечисленные формы посуды появились на востоке совершенно независимо, вне всяких влияний высоцкой культуры, начало которой датируют VIII в. до н. э. В. И. Канивцу удалось выявить ее более раннюю ступень, представленную могильником у с. Гончаривки (Бельзец) Золочевского района Львовской области³¹. Исследователь относит этот могильник к X—VIII вв. до н. э. Но и Гончаривский могильник не подтверждает мнения о культурной зависимости племен украинской лесостепи эпохи поздней бронзы и начала железного века от высоцкой культуры. Попытка доказать инфильтрацию лужицкой культуры в Среднее Поднепровье через посредство высоцкой оказалась неудачной.

Остановимся на вопросе распространения лужицкого обряда трупосожжения, затронутым Т. Лер-Славинским. История погребального обряда у оседлых племен лесостепной полосы Украины в I тысячелетии до н. э. очень сложна и еще далеко не полностью выяснена. Для белогрудовской и чернолесской поры в лесостепи между Днестром и Днепром известны погребения в урнах без курганов и в курганах, с вытянутым труположением в плоских могилах и курганах и, наконец, скорченные захоронения на боку и такие же захоронения, сожженные вместе со склепом, в котором они положены, под курганной насыпью. В скифское время господствовал курганный обряд с захоронением умершего в вытянутом положении в деревянном склепе, который иногда сжигался вместе с погребенным и сопровождавшим его инвентарем.

Приблизительно с III в. до н. э. получили распространение поля погребений с сожжением и труположением зарубинецкого типа³². Мысль Т. Лер-Славинского о том, что сходство обрядов, характерных для культуры полей погребений и культуры ямных погребений на Одре, Висле и верхнем Днестре было обусловлено распространением лужицкого влияния на восток, не подтверждается фактическими данными. Роль высоцкой культуры в передаче лужицких элементов погребального обряда в Среднее Поднепровье и в данном случае не может быть принята во внимание. Напомним, что трупосожжения в могильниках высоцкой культуры составляют всего только 7—10% от всех остальных погребений³³, а как уже было упомянуто выше, сожжения с захоронениями в урнах были достаточно обычными в областях к западу от Днепра еще в предскифский период. Кроме того, глубочайшая древность обряда трупосожжения в Поднепровье доказывается открытием могильников энеолитического времени в районе Киева³⁴.

Признание существования «лужицкой экспансии» на Украине направило разработку вопросов взаимоотношений культур Средней и Восточной Европы по неправильному руслу. Мы имели случай убедиться в том, что эта ошибочная точка зрения самым отрицательным образом отразилась на результатах ряда работ такого серьезного исследователя, как Т. Сулимирский, и с ней связано неправильное истолкование происхождения славян в трудах многих зарубежных ученых. Далее, этой же точкой зрения обусловлено то, что до сих пор нет правильной оценки роли восточных влия-

³¹ В. И. Канивец. Вопросы хронологии высоцкой культуры. КСИА, вып. 4, Киев, 1955, стр. 94—96.

³² Из новейших работ укажем: П. Д. Либеров. К вопросу о связи культуры полей погребений с культурой скифского времени на Киевщине. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950; А. И. Тереножкин. Поселения и городища в бассейне р. Тясмина. КСИИМК, вып. XLIII, 1952, стр. 90 и сл.; Ф. Покровська. Кургани передскифського часу в басейні р. Тясмин; М. И. Артамонов. Археологические исследования в Южной Подолии в 1952—1953 гг. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 113—115.

³³ Т. Sulimirski. Kultura wysocka, стр. 10.

³⁴ Ю. М. Захарук. Софіївський тілопальний могильник. Археологічні пам'ятки УРСР, т. IV, Київ, 1952, стор. 112 и сл.

ний в формировании культур позднего бронзового века и начала железа в Средней Европе. Мы не ставим здесь целью детально осветить этот вопрос, так как он нуждается в специальном исследовании; ограничимся лишь некоторыми, наиболее доступными нам сведениями.

Отдельные находки восточного происхождения в западных областях СССР получили неправильное истолкование. Так было, как это мы отметили выше, с кельтами чернолесского типа, украшенными елочным узором, которые Т. Сулимирский назвал лужицко-украинскими. Кельты такого рода (рис. 4 — 2), как известно, не являются единственными среди находок восточных бронзовых изделий в западных областях Украины. Бронзовые предметы восточного происхождения, обнаруженные на этой территории, неоднократно описывались в работах польских ученых. Назовем, например, кинжал с прорезанной рукояткой и круглым навершием сосновомазинского типа, найденный в Рожубовиче, близ Перемышля (рис. 4 — 4), киммерийского типа клепаемый котел на ножке (рис. 4 — 3), кинжал киммерийского типа с черешковым насадом для рукоятки (рис. 4 — 1)³⁵. Все подобные изделия были обычны для позднего бронзового века в украинской лесостепи, откуда они, очевидно, и попали на запад. Как далеко проникало культурное влияние Поднепровья в Среднюю Европу, можно судить по находкам бронзовых кинжалов, отлитых по чернолесским образцам кинжалов с железным клинком и бронзовой крестовидной рукояткой, из которых один был найден в Силезии (рис. 4 — 5), а другой — в Словакии³⁶.

В настоящее время трудно сомневаться в том, что тюльпановидные сосуды с проколами по краю и расчлененным валиком не были заимствованы в культурах украинской лесостепи от висоцкой, как думал Т. Сулимирский, а, наоборот, переняты носителями висоцкой культуры от своих восточных соседей. Эти керамические формы проникали на запад и далее, в южную часть Польши. Здесь они с полной отчетливостью обнаруживаются в тарнобжегской группе памятников лужицкой культуры в бассейне р. Сана, в материалах которой, наряду с обычными лужицкими формами, известны тюльпановидные и баночные сосуды, украшенные проколами по краю, а также гладким и расчлененным валиком, идущим по плечу (рис. 3 — 5—7)³⁷. Некоторым из них можно найти прямые аналоги среди белогрудовских и чернолесских сосудов.

Историческая роль висоцкой культуры как юго-восточной ветви лужицкого массива чрезмерно преувеличивается многими польскими учеными. В действительности же этой культурой представлено небольшое этнокультурное образование, сложившееся в зоне контакта обширнейшей по территории группировки лужицких племен с племенами конца эпохи бронзы и раннего железа в украинской лесостепи. Такому положению вещей вполне соответствует состав висоцкой культуры, в которую, с одной стороны, входят элементы лужицкие, а с другой — элементы, заимствованные из белогрудовской, чернолесской и культуры скифов-пахарей.

Во второй четверти I тысячелетия до н. э., к которой зарубежные ученые относят «лужицкую экспансию» на Украину, в культуре украинской лесостепи произошел большой сдвиг. Он сказался в резком подъеме местных производительных сил, в переходе от бронзы к железу, в появлении многочисленных и хорошо укрепленных городищ; с этим периодом связан

³⁵ L. Kozłowski. Zarys pradziejów Polski południowo-wschodniej. Lwów, 1939, стр. 74, табл. XX, 1—6, 22.

³⁶ S. Podkowińska. Miecze brązowe z Wojciechowie w pow. Jedrzejewskiem w woj. Kieleckiem. «Światowit», т. XV, 1933, стр. 120—124, рис. 2 и 3.

³⁷ W. Demetrykiewicz. Cmentarzyska i osady przedhistoryczne w okolicy Tarnobrzega i Razwadowa nad Sanem. «Materiały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne», т. II, Kraków, 1897, стр. 135 и сл., рис. 1; R. Jakimowicz. Sprawozdanie z działalności Państwowego Muzeum archeologicznego za 1927 r. «Wiadomości archeologiczne», т. XIII, Warszawa, 1935, стр. 224, рис. 7, 8, 10.

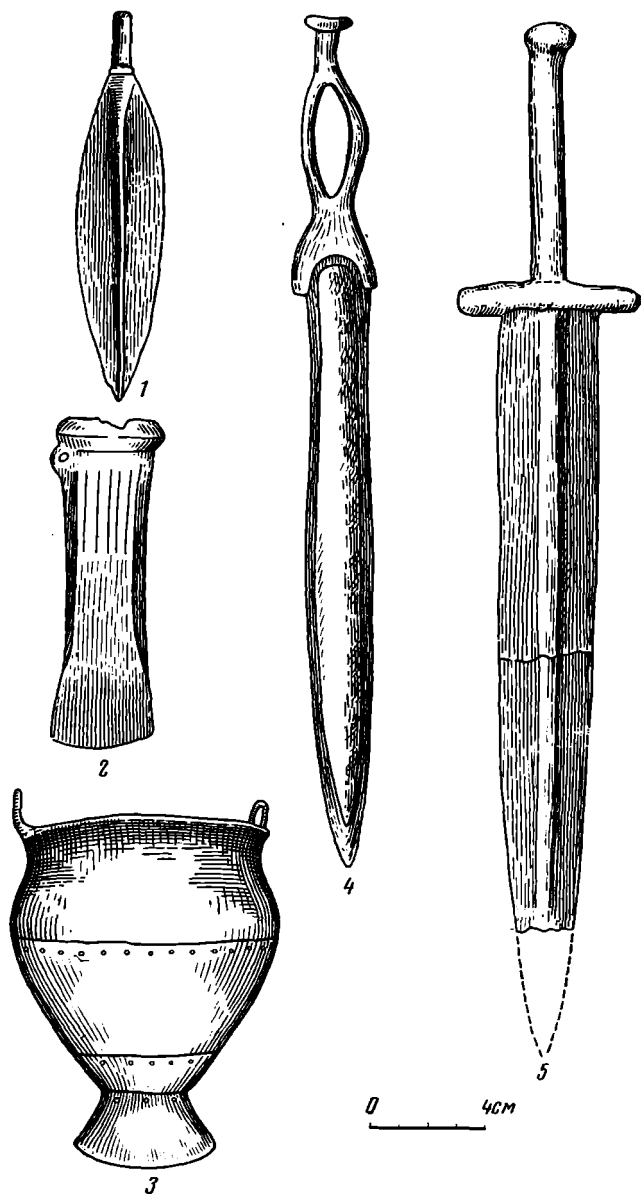

Рис. 4. Бронзовые изделия восточных типов из западных областей УССР и из Польши.

- 1 — нож-кинжал из Ожесц Святянского района Станиславской области;
 2 — кельт из Баюдников Галицкого района Станиславской области;
 3 — котел из с. Антошины (на Волыни), Хмельницкой области;
 4 — кинжал из Рожубович Нижанковичского района Дрогобычской области; 5 — кинжал из Нонидорфа в Силезии (Польша).
 (Котел 3 изображен сильно уменьшенным).

небывалый рост военной сплоченности лесостепных племен. На их территории открыто много погребений VI—III вв. до н. э. прекрасно вооруженных воинов и родо-племенных вождей. По уровню социально-экономического развития скифы-пахари лишь в малой степени должны были уступать кочевым, собственно скифским, племенам Северного Причерноморья. Во всех этих отношениях скифы-пахари, несомненно, превосходили своих северных и северо-западных соседей, — племена Полесья, верховьев Днестра и Вислы. Вот почему мы считаем совершенно правильной мысль П. Н. Третьякова, что «характер взаимоотношений скифского объединения с лужицкими племенами, а именно более активная роль юго-восточных племен, является одним из важнейших доказательств ошибочности представлений об «экспансии» лужицких племен на восток в I тысячелетии до н. э., распространенных до сих пор в зарубежной науке»; «их военная активность исключает какую-либо возможность такого расселения»³⁸. Могильники, относящиеся к висоцкой культуре, не богаты; захоронения почти не различаются между собой по количеству и материальной ценности сопровождающих вещей. Даже наиболее богатые из них уступают рядовым погребениям скифского времени в лесостепи. Почти то же самое можно сказать и о лужицких могильниках.

Высоцкая культура, как это достоверно выяснено новейшими исследованиями, закончила свое существование еще в VI в. до н. э.³⁹, а не во II в. до н. э., как считал Т. Сулимирский. С VI в. до н. э. на бывшей территории распространения висоцкой культуры появились поселения, не отличавшиеся по культуре от поселений скифов-пахарей в Поднестровье, на Южном Буге и в Среднем Поднепровье. Такие селища обнаружены в недавнее время около сел Княже и Хильце в Золочевском районе и на месте древнеславянского городища Плишеск в Олесском районе Львовской области. Мы еще не знаем, как происходила смена культур, — связана ли она была с передвижением на запад скифов-пахарей, или висоцкая культура утратила свое лицо под сильным восточным влиянием; ответ на это могут дать только дальнейшие исследования. В данном случае для нас важен прежде всего тот неоспоримый факт, что висоцкая культура исчезла и сменилась культурой скифов-пахарей в то самое время, к которому Т. Лер-Сплавинский относит продвижение висоцкой культуры на восток, вместе с чем якобы распространились там лужицкие элементы и завершилось на лужицкой основе формирование праславянского этническо-языкового массива. Археологические источники убеждают нас в том, что никакой экспансии лужицкой культуры в I тысячелетии до н. э. на востоке не было. Нет никаких данных, которые могли бы подтвердить представление о продвижении лужицких племен на Вольнь и в Поднепровье; ничто не свидетельствует и о возможности их инфильтрации; нет даже достаточно серьезных данных о распространении лужицкого влияния в культурах украинской лесостепи. Значительно яснее обнаруживаются признаки, указывающие на распространение элементов культуры белогрудовско-чернолесских племен и племен скифов-пахарей на запад. Однако ввиду того, что вопрос о роли восточных влияний в Средней Европе остается еще не изученным, целесообразнее воздержаться пока от каких-либо ответственных выводов об их культурном, этническом и историческом значении.

Так как «лужицкая экспансия» на восток не подтверждается, польским и чешским археологам, а также языковедам-славистам придется переосмотреть свой подход к проблеме происхождения славян и связи с ней как лужицкой, так и среднеднепровской культур земледельческих племен эпохи поздней бронзы и раннего железного века.

³⁸ П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 82.

³⁹ В. И. Канивец. Указ. соч., стр. 95.

Б. А. ШРАМКО

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ
НА СЕВЕРНОМ ДОНЦЕ

За последние годы была проделана значительная работа в области исследования памятников раннего железного века (скифского времени) в лесостепной части бассейна Северного Донца. Широкие археологические разведки дали возможность открыть целый ряд новых селищ, городищ, курганных могильников этого времени и уточнить облик ранее известных памятников. В настоящее время в бассейне Северного Донца зафиксировано около ста памятников скифского времени и подавляющее большинство их — в лесостепной полосе. Раскопки нескольких поселений и могильников (селище и могильник у с. Островерховка, городище и могильник у с. Б. Гомольша, городище у с. Караван, Люботинский могильник и др.)¹, а также обобщение и изучение ранее накопленного материала позволили установить основные черты, характерные для хозяйства, культуры и общественного строя племен, обитавших на рассматриваемой территории в раннем железном веке².

Однако разрешение некоторых проблем истории раннего железного века, в частности вопроса о происхождении племен скифского времени, затруднялось, да и сейчас затрудняется, очень слабой изученностью местных памятников позднего бронзового века. Эти памятники исследовались преимущественно в южной, степной части бассейна Северного Донца, причем здесь раскапывались главным образом курганы. Исследования В. А. Городцова в Изюмском и Бахмутском уездах бывш. Харьковской и Екатеринославской губерний³ дали ему возможность выделить культуры, очень важные для изучения бронзового века на всей территории юга Восточной Европы, — древнеямную, катакомбную и срубную, а кроме того, еще одну, хронологически более позднюю группу памятников — впускные курганные погребения в насыпях и на горизонте.

¹ С. А. Семенов-Зусер. Археологічні досліді ХДУ в 1945 р. «Археологія», т. III, Київ, 1948, стор. 219; его же. Археологические раскопки на территории с. Б. Гомольша в 1949 г. Рукопись. Архив Института археологии Академии наук УССР; Б. А. Шрамко. Кафедра древней истории и археологии ХГУ. ВДИ, № 4, 1951, стр. 236; его же. Новые поселения и жилища скифского времени в бассейне Северного Донца. КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 105.

² Б. А. Шрамко. Памятники скифского времени в бассейне Северного Донца (автореферат диссертации). М., 1953.

³ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии. Труды XII АС, т. I, М., 1905; его же. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии. Труды XIII АС, т. I, М., 1907.

Предшествующие и последующие раскопки курганов Н. Е. Бранденбургом, С. А. Локтюшевым, А. С. Федоровским и др.⁴ производились в меньших масштабах. Благодаря этим работам были несколько расширены представления о территории распространения в бассейне Северного Донца открытых В. А. Городцовым культур бронзового века, об инвентаре, характерном для отдельных типов погребений, и т. п., — но каких-либо существенных изменений в основные выводы В. А. Городцова указанные исследования не внесли⁵.

Что касается поселений бронзового века, то раскопкам их дореволуционной археологии уделяли очень мало внимания. В. А. Городцов в 1901 г. произвел разведки на песчаных дюнах у Чернецкого озера и выяснил, что некоторые поселения здесь относятся к эпохе срубной культуры⁶. Долгое время наши знания о поселениях бронзового века в бассейне Северного Донца исчерпывались этими материалами.

Советские археологи, начиная с 20-х годов, стали систематически заполнять этот серьезный пробел. Исследования А. С. Федоровского показали, что в бассейне Донца еще в бронзовом веке существовали разработки медных руд и на этой базе развивалось местное металлургическое производство⁷.

Очень интересные материалы дали также исследования экспедиции ГИМ и ГАИМК на берегах р. Оскола — левого притока Северного Донца⁸. Н. В. Сибилев в результате многолетних разведок открыл большое количество новых пунктов с поселениями, относящимися к бронзовому веку, и собрал разнообразный подъемный материал⁹. Наконец, результаты последних работ И. Ф. Левицкого на многослойном поселении у г. Мереры¹⁰ очень интересны для нашей темы.

Таким образом, обзор проделанного показывает, что памятники бронзового века в лесостепной части бассейна Северного Донца и сейчас еще изучены недостаточно. Не ясны многие самые общие вопросы. Например, остается неизвестным, какая археологическая культура была распространена здесь в самом конце бронзового века, в предскифское время, каковы характерные черты ее и отношение к местным памятникам скифского времени и т. д. Некоторые исследователи высказывали мнение,

---

⁴ Н. А. Федоровский. Могильник кургана слоб. Сеньково Купянского уезда. Сборник Харьковского историко-филологического об-ва, т. 12, Харьков, 1900; А. Спицын. Раскопка кургана в г. Валуйках. ИАК, вып. 35, 1910; Е. Мельник. Дневники раскопок. Труды XII АС, т. I, М., 1905; А. С. Федоровский. Археологические раскопки в окрестностях г. Волчанска. «Волчанский земский листок», 1916, № 47—48; Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга, изд. Н. Печенкиным. СПб., 1908; С. А. Локтюшев. Среднедонецкие курганные погребения бронзовой эпохи с оригинальной бытовой индустрией северокавказского и средиземноморского влияний. «Праці наукового товариства на Донеччині в м. Луганському», збірник № 1, 1928 р.; Д. Я. Телегин. Погребения эпохи бронзы на р. Деркул. КСИА, вып. I, 1952, и др.

⁵ В данном случае я не касаюсь, несомненно, очень важных частных и общих выводов, которые были сделаны на основании исследований памятников ямной, катакомбной и срубной культур на других территориях.

⁶ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде. . . , стр. 209, 250 и сл.

⁷ А. С. Федоровский. Доисторические разработки медных руд и металлургия бронзового века в Донецком бассейне. Воронежский историко-археологический вестник, 1921, № 2.

⁸ М. Е. Фосс. Курская область, Валуйский район, 1935 г.; Старо-Оскольский район, 1934 г. В сб. «Археологические исследования в РСФСР, 1934—1936 гг.». М.—Л., 1941, стр. 161—164.

⁹ Н. В. Сибилев. Древности Изюмщины, вып. I, Изюм, 1926; вып. II, 1926; вып. III, 1928; вып. IV, 1930.

¹⁰ Материалы раскопок И. Ф. Левицкого не опубликованы, хранятся в Харьковском ист. музее. Во время написания статьи автор еще не мог ознакомиться с неопубликованными материалами раскопок Д. Я. Телегина и В. А. Ильинской.

что в ту эпоху здесь еще существовала позднерубная культура, якобы генетически связанная с последующей местной культурой скифского времени¹¹.

Однако такое предположение мало вероятно, хотя бы потому, что оно противоречит ранее установленным и никем пока не опровергнутым фактам. Еще В. А. Городцов, как уже указывалось, на курганном материале доказал, что между скифской эпохой и эпохой распространения памятников рубной культуры существовал какой-то, — археологически вполне ощутимый, — промежуток времени; тогда в бассейне Северного Донца жило население, хоронившее умерших в насыпи или на горизонте. Мы не знаем, было ли это население однородным и только ли оно заселяло в предскифское время берега Северного Донца, но отрицать его существование или смешивать его с племенами собственно рубной культуры невозможно. Кроме того, необходимо учитывать возможность существования в степной и лесостепной частях бассейна Северного Донца различных по своему происхождению и по облику культур предскифского времени.

Недостаточная изученность и спорность многих вопросов заставляют с большим вниманием относиться к каждому новому памятнику, который может в какой-либо мере помочь в их разрешении. Настоящая работа ставит своей целью охарактеризовать материалы, найденные недавно в двух пунктах (селище у с. Большая Даниловка и селище у с. Шмаровка), и установить, хотя бы ориентировочно, их место в развитии культур племен, обитавших в конце бронзового века в лесостепной части бассейна Северного Донца¹².

Селище у с. Большая Даниловка (Харьковского района) расположено на песчаных дюнах пойменной террасы правого берега р. Харьков. Небольшая река делает здесь крутой поворот, и селище имеет в плане вид треугольника, который с северо-востока, востока и юга омывается рекой, а с запада ограничен небольшим оврагом и с. Большая Даниловка. С северо-западной стороны, в направлении к высотам правого берега реки, селище не имеет естественных границ. До недавнего времени песчаная поверхность селища была обнажена.

Вследствие движения песков верхняя часть культурного слоя во многих местах нарушена, и древние остатки лежали прямо на поверхности. Сейчас песок закреплен лесопосадками и почти везде задерновывается. Поэтому в последнее время здесь уже не удастся собирать такой обильный подъемный материал, как в предыдущие годы. В южной части селища культурный слой обнажен береговым обрывом.

Селище известно еще с начала XX в. Здесь перед XII Археологическим съездом собирал подъемный материал П. П. Ефименко¹³; в 1928 г. произведены разведки сотрудником Археологического музея ХГУ И. Н. Луцкевич¹⁴. Однако подробного анализа материалов эпохи поздней

¹¹ В. А. Ильинская. Керамика скифских погребений Посулья. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 182—185. Против этого вывода я возражал еще в своем выступлении на той же конференции ИИМК в 1952 г.

¹² Материалы эти хранятся в Археологическом музее ХГУ. Инвентарные номера музея: № 1299, 1357—1361, 1441—1443 (Большая Даниловка), 1300—1305 (Шмаровка).

¹³ П. С. Уварова. Стоянка на берегу р. Харьков близ с. Большая Даниловка Харьковской губернии и уезда. «Каталог выставки XII Археологического съезда в г. Харькове. Отдел древностей, добытых из раскопок и случайных находок». Харьков, 1902, стр. 99 и сл.; Д. И. Багалея. Объяснительный текст к археологической карте Харьковской губернии. Труды XII АС, т. I, М., 1905, стр. 11 и 12, № 10.

¹⁴ И. Луцкевич. Материалы к карте распространения памятников культуры полей погребений на территории Харьковской области. «Археология», т. II, Киев, 1948, стр. 168.

бронзы не было сделано. В 1950—1954 гг. разведки провел автор настоящей статьи¹⁵. Все исследования показывают, что селище многослойное и содержит отложения, относящиеся к позднему бронзовому веку, позднескифскому времени и культуре полей погребальных урн черняховского типа. Лишь в некоторых случаях встречаются места, где локализируются находки только одного времени. Для выяснения стратиграфии селища и для получения хронологических комплексов в нескольких пунктах заложены шурфы. Один из них (№ 1) дал совершенно однородный материал, относящийся к позднему бронзовому веку.

Шурф № 1 заложен у берегового обрыва на южной окраине селища и был доведен до глубины одного метра. Установлено следующее чередование слоев: до глубины 0,1 м — серый задернованный песок; ниже (0,24—0,26 м) — серый наносный песок без культурных остатков; далее (0,8—0,85 м) наблюдался культурный слой в виде черного, сильно гумированного песка с различными культурными остатками, относящимися к эпохе бронзы. Этот слой подстилался желтым материковым песком; в верхней части он имел сероватый оттенок. В культурном слое встречались кости домашних животных (крупного рогатого скота, овцы, свиньи), отщепы камня (песчаника, кварца и кремня), не представляющие собой каких-либо орудий производства, и фрагменты керамики, к сожалению, небольших размеров. Среди черепков — гладкие, без всякого орнамента венчики сосудов баночной формы; обломок стенки большого сосуда, украшенного двумя параллельными горизонтальными валиками с пальцевидными вдавлениями. Очень интересен обломок венчика небольшого сосуда баночной формы с гладким, слегка заостренным краем, ниже которого нанесен резной орнамент в виде различных черточек (рис. 5 — 11).

На глубине 0,6 м, т. е. в нижней части культурного слоя, замечено очень слабо выделяющееся пятно овальной формы. При дальнейших раскопках была вскрыта могильная яма. От скелета сохранились главным образом крупные кости. Эпифизы некоторых трубчатых костей совершенно истлели; кроме того, погребение было несколько потревожено ходами грызунов. Однако можно полагать, что покойник лежал скорченно на левом боку, головой на восток (с небольшим отклонением к югу). К северу от черепа стоял раздавленный горшок баночной формы, без орнамента (рис. 6 — 4) и лежало несколько костей коровы. Юго-восточный угол погребения разрушен.

Материалы, полученные из шурфа № 1, дополняются подъемными сборами. Среди находок на поверхности можно отметить 2 бронзовых шильца (рис. 5 — 17), точильный брусок из песчаника со следами точки подобных шильцев (рис. 5 — 19) и довольно большое количество фрагментов керамики, причем один сосуд восстанавливается полностью¹⁶. Это большой широкогорлый горшок с гладким, слабо отогнутым венчиком и слегка выступающими плечиками. Плечи опоясаны горизонтальным валиком, украшенным пальцевидными вдавлениями. От валика вниз идут вертикальные гладкие и более тонкие наклепные полосы, которые упираются в 2 горизонтальных валика, опоясывающих сосуд у самого дна (рис. 6 — 5). Внутренняя поверхность сосуда заглаживалась, очевидно, пучком травы и поэтому покрыта характерной штриховкой.

Остальные фрагменты не дают возможности восстановить полностью форму сосуда. Можно лишь сказать, что все сосуды плоскодонные и что

¹⁵ Б. А. Шрамко. Отчет о работе Северодонецкой археологической экспедиции ХГУ в 1951 г., стр. 5—12; его же. Отчет об археологических исследованиях ХГУ в 1952 г., стр. 19—24; его же. Краткий отчет об археологических исследованиях ХГУ в 1954 г. Все отчеты хранятся в Архиве Института археологии Академии наук УССР.

¹⁶ Фрагмент такого же сосуда был найден и в шурфе № 1.

среди них есть простые горшки со слабо отогнутым венчиком и горшки баночной формы, с прямым или даже слегка вогнутым краем. Преобладают венчики с закругленным или плоским краем (рис. 5—5, 12), реже по-

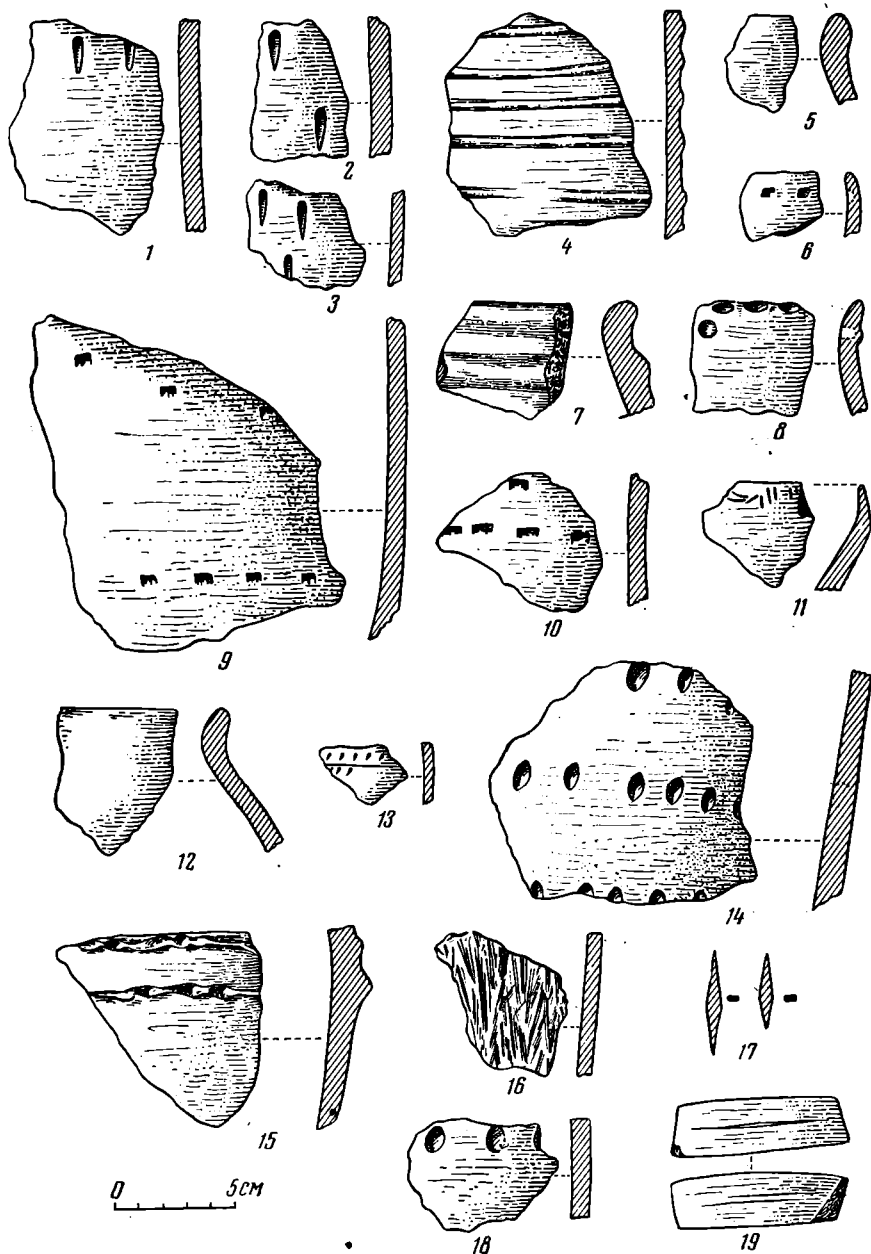

Рис. 5. Находки на селище у с. Большая Даниловка.

1—16, 18 — керамика; 17 — бронзовые четырехгранные шильца; 19 — точильный брусок.

падают с гладким валиком ниже края или венчики, украшенные по краю пальцевыми вдавлениями, а ниже — сделанными изнутри наколами с «горошиной» (рис. 5—6—8). Более разнообразна орнаментация стенок. Кроме уже упомянутых горизонтального и вертикальных валиков, встре-

чается орнамент из одного или двух наlepных горизонтальных валиков, расчлененных пальцевыми вдавлениями или насечками (рис. 5—15). У 2 фрагментов вся поверхность покрыта горизонтальными или наклонными рядами гладких валиков (рис. 5—4). Очень распространен прием орнаментации при помощи вдавлений, нанесенных концом плоской палочки и расположенных в один или несколько горизонтальных рядов (рис. 5—9, 10, 13). Довольно часто встречаются также вдавления, нанесенные кон-

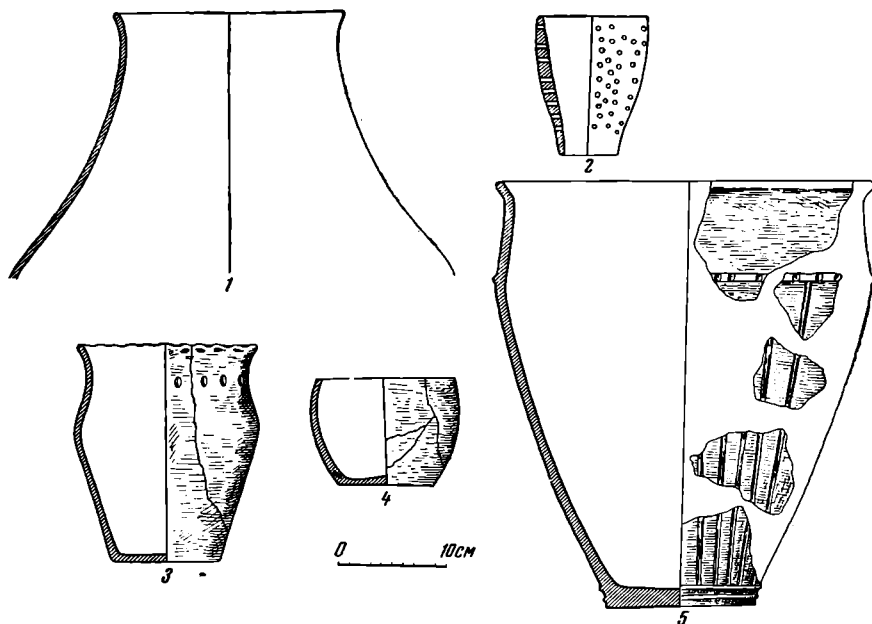

Рис. 6. Керамика с селища у сел Шмаровка и Большая Даниловка.

1 — реконструкция верхней части сосуда типа корчаги; 2 — сосуд с отверстиями в стенках; 3 — горшок; 4 — бавочный горшок; 5 — большой сосуд. (1, 2, 3 — с селища у с. Шмаровка; 4 — из погребения; 5 — с селища у с. Большая Даниловка).

цом круглой палочки и образующие горизонтальный ряд или треугольники (рис. 5—1—3). Наконец, часть фрагментов орнаментирована горизонтальными рядами пальцевых вдавлений или двойных зашипов (рис. 5—14, 18). Изредка попадаются фрагменты стенок со следами заглаживания пучком травы (рис. 5—16).

В небольшом количестве собраны обломки сосудов для процеживания, в стенках которых много круглых отверстий, проткнутых палочкой в сырой глине¹⁷. Обжиг всех сосудов довольно слабый, реже средний; глина — с примесью песка и шамота, но в небольшом количестве.

Таким образом, находки в шурфе и подъемный материал довольно однородны и датируются в пределах позднего бронзового века. Не останавливаясь, — во избежание повторов, — на некоторых общих выводах и аналогиях, отметим пока лишь полное отсутствие в материалах у с. Большая Даниловка лощеной керамики.

Селище у с. Шмаровка Харьковского района открыто нами в 1951 г. Оно расположено на левом берегу р. Уды, в седловине между двумя высокими песчаными дюнами. Здесь, благодаря движению песков, обнажились остатки жилища скифского времени (IV—II вв. до н. э.) и лежащий зна-

¹⁷ Форма большинства таких сосудов, к сожалению, не определяется.

чительно ниже культурный слой позднебронзового века¹⁸. Остатки жилища были исследованы экспедицией ХГУ полностью, а нижний слой, отделенный от верхнего желтовато-серой стерильной прослойкой (толщиной около 0,3 м), вскрыт лишь частично — в разведочном раскопе площадью 25,5 кв. м. Темный, сильно гумированный песок культурного слоя, относящийся к бронзовому веку, обнаружен не на всей площади раскопа, а только в северо-восточной части, в углублении, извилистая граница которого хорошо видна на фоне подстилающего желтовато-белого песка. Возможно, здесь мы имеем дело с углублением жилища бронзового века, но о форме и размерах его пока судить трудно. Следует лишь указать, что в нижнем культурном слое никаких перекопов не замечено и материал совершенно однородный. При раскопках найдены, кроме многочисленных фрагментов керамики, кремневые отщепы, камень от зернотерки и раздробленные кости животных, среди которых можно определить кости коровы, лошади, овцы и свиньи. В нескольких местах попадались отдельные кусочки обожженной глиняной обмазки и небольшие скопления древесных угольков.

Наиболее интересна среди находок керамика. В большинстве это разной величины обломки сосудов, однако удалось найти и почти целый сосуд, имеющий форму высокого плоскодонного горшка со слабо отогнутым венчиком (так называемая тюльпановидная форма). Высота сосуда — 20,5 см, диаметр дна — 9,8 см. Край венчика и верхняя часть корпуса украшены пальцевидными вдавлениями (рис. 6 — 3).

Большинство отдельных черепков принадлежит горшкам со слабо выраженными плечиками и незначительно отогнутым венчиком. Орнаментация венчиков довольно разнообразна: встречаются и просто закругленные, и венчики, украшенные по краю пальцевыми вдавлениями или насечками (рис. 7 — 1, 2, 10). У некоторых ниже края идет горизонтальный валик, причем венчик и валик бывают гладкими (рис. 7 — 11, 14), а в некоторых случаях валик и край венчика украшены пальцевыми зашипами (рис. 7 — 1, 5, 7), иногда же валик гладкий, но край венчика украшен косыми насечками, расположенными попарно в разных направлениях (рис. 7 — 3). Наконец, найден венчик, у которого ниже края сделан ряд наколов, образующих изнутри выпуклые «горошины» (рис. 7 — 9).

Стенки сосудов чаще всего орнаментированы горизонтальным рядом пальцевых или палочных вдавлений (рис. 7 — 1, 4, 7, 10 — 12). В большом количестве встречается также орнамент в виде треугольников, составленных из вдавлений, нанесенных концом палочки (рис. 7 — 2, 5). Типичным надо считать и узор из треугольников, образуемых вдавлением одного угла плоской палочки (рис. 7 — 3, 6). Некоторые фрагменты стенок — совсем без орнамента, но вследствие их небольшого размера трудно сказать, был ли лишен орнамента весь сосуд, или только его часть. Один небольшой фрагмент украшен горизонтальным и вертикальным валиками с косыми насечками (рис. 7 — 13). Также лишь в одном случае встретилась комбинация рядов узких палочных вдавлений, разделенных линией мелкозубчатого штампа.

Некоторые фрагменты необходимо рассмотреть особо. К ним относятся обломки большого сосуда типа корчаги с узким горлом и сильно расширяющимся туловом (рис. 6 — 1). Сосуд не орнаментирован, но поверхность его в некоторых местах носит следы слабого лощения коричневого цвета. Найдено также несколько фрагментов стенок небольшого сосуда, на поверхности которого — хорошее темно-серое лощение. На одном из таких фрагментов сохранился геометрический орнамент в виде врезных линий, инкрустированных белой пастой (рис. 7 — 8).

¹⁸ Б. А. Шрамко. Новые поселения и жилища скифского времени в бассейне Северного Дона, КСИИМК, вып. 54, 1954

Кроме глиняной посуды, при раскопках обнаружены часть льячки с отломанной втулкой для деревянной ручки (рис. 7—16) и часть ковша. Другая глиняная поделка имеет вид бездонного конуса с многочисленными

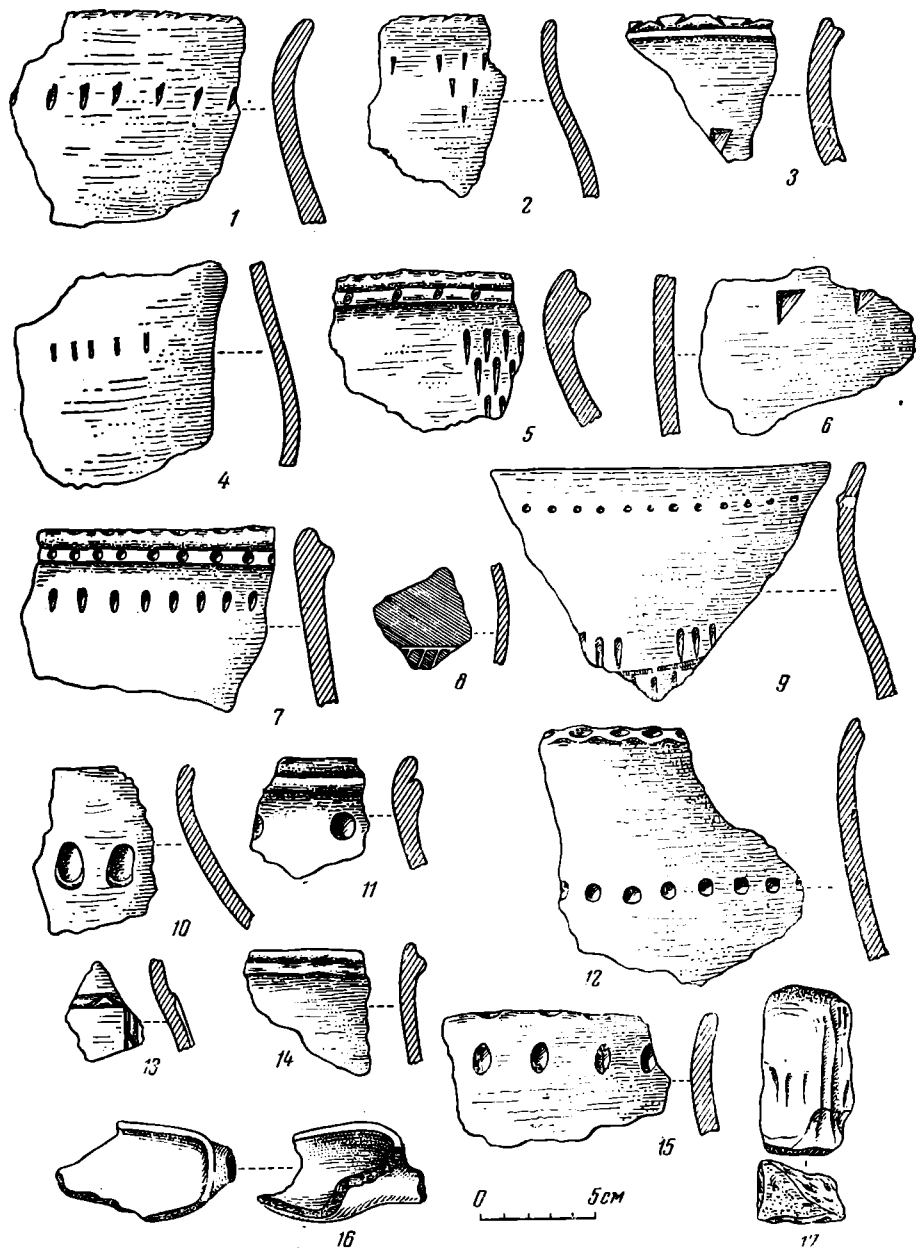

Рис. 7. Находки на селище у с. Шмаровка.

1—15 — керамика; 16 — обломок глиняной льячки; 17 — обломок терочника из кварцита.

отверстиями в стенках; в нижней, более узкой части конуса — довольно ясно выраженная шейка без сквозных отверстий (рис. 6—2). Трудно сказать, для чего мог предназначаться такой конус. Похожий глиняный сосуд, напоминающий стакан без дна и с отверстиями в стенках, известен в кол-

лекции Б. Н. и В. И. Ханенко, которые полагали, что сосуд предназначен для выделки сыра (очевидно, для отделения творога от сыворотки)¹⁹. При таком использовании к нижней части конуса должен был привязываться кусочек материи. Наличие как раз в этом месте узкой шейки без сквозных отверстий, по-видимому, подтверждает такое предположение.

Вся керамика изготовлена из сравнительно чистой глины с примесью песка. Очень редко встречаются другие примеси. Так, в глиняной массе некоторых фрагментов из Шмаровки хорошо заметны золотистые блестящие слюды. Изредка заметна небольшая примесь шамота. Обжиг большинства черепков средний. Керамика с темно-серым лощением — более тонкостенная и обожжена сильнее.

Приведенная выше характеристика материалов селищ у сел Большая Даниловка и Шмаровка ясно показывает, что эти селища не однородны и, видимо, хронологически разновременны. Более ранним памятником следует считать селище у с. Большая Даниловка. Впрочем, датировать его не легко, так как немногочисленные бронзовые и каменные поделки не дают определенных оснований для датировки. Ромбические шильца возникли еще в эпоху неолита и существовали до самого конца бронзового века, когда появились подражания им из железа²⁰. Приблизительную датировку помогает установить керамика. В керамическом комплексе селища у с. Большая Даниловка наблюдается влияние срубно-хвалынской культуры юга Восточной Европы. Это выражается в наличии сосудов баночной формы со слабо отогнутым или даже слегка загнутым внутрь венчиком, в наличии фрагментов венчика с плоско срезанным краем, в своеобразной обработке поверхности сосудов пучком травы или каким-то гребенчатым инструментом²¹. В этих же памятниках эпохи степной поздней бронзы можно найти отдельные сходные элементы орнаментации, например, — горизонтальные валики с зашипами или насечками и даже треугольники из вдавлений концом круглой палочки²².

Наличие сосудов баночной формы и венчиков с гладким валиком ниже края сближает керамику селища близ с. Большая Даниловка с керамикой, обнаруженной В. А. Городцовым в погребениях на горизонте или в насыпи курганов²³.

Однако в целом комплекс селища у с. Большая Даниловка значительно отличается от памятников срубно-хвалынской и других степных культур эпохи поздней бронзы. Здесь совершенно нет сосудов, украшенных шнуровым орнаментом и орнаментом, нанесенным зубчатым штампом, и, наоборот, очень распространен прием орнаментации горизонтальными рядами вдавлений, сделанных пальцем или концом палочки. Очень своеобразна

¹⁹ Б. Н. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. I. Киев, 1899, табл. V, б. Место находки — «Приднепровье».

²⁰ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде..., табл. II, 1; И. В. Силины. Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья. СА, X, 1948, стр. 154, рис. 18. Железное шильце найдено при раскопках В. А. Ильинской и А. И. Тереножкина на селище эпохи поздней бронзы в урочище Бондариха около Изюма (1953 г.).

²¹ Т. М. Минаева. Керамика Покровского селища. ТСА РАНИОН, т. IV, 1928, стр. 318; Н. Я. Мерперт. Курганы эпохи бронзы у села Ягодного. КСИИМК, вып. XLIV, 1952, стр. 35, 36; егo же. Археологические памятники у села Хрящевки. КСИИМК, вып. L, 1953, стр. 49, рис. 20; Своеобразный степной вариант поздней бронзы см. О. А. Кривцова-Гракова. Поселение бронзового века на Белозерском лимане. КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 76.

²² И. В. Силины. Поселение эпохи бронзы степных районов Заволжья. СА, XI, 1949, стр. 217, рис. 26. Но этот же орнамент есть и в предскифских памятниках лесостепи, см. Е. Ф. Покровська. Поселення VIII—VI ст. до н. е. на Тясмині. «Археологія», т. VII, Київ, 1952, стор. 51, табл. II, б, 8.

²³ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде..., табл. XI.

форма больших сосудов, украшенных по всему корпусу рядами гладких вертикальных, наклонных или горизонтальных валиков. Эта форма характерна для памятников лесостепи²⁴. Наконец, совсем не «срубный», бескуржанный обряд погребения также подчеркивает своеобразие памятника.

Кстати говоря, бескуржанный погребение в Большой Даниловке не одиночно. В лесостепной части бассейна Северного Донца известны и другие бескуржанные погребения, относящиеся к эпохе поздней бронзы. Одно из них обнаружено на селище у Мерефы, на глубине 1,3 м в слое песка, расположенном под культурными наслоениями бронзового века. Захороненный лежал головой на юго-восток. «Ноги были несколько согнуты в коленях и развернуты в стороны»²⁵. Другое погребение обнаружено мной в 1951 г. на южной окраине с. Островежовка в обрыве оврага. Большая часть могилы была уже разрушена водой. Сохранился лишь северо-восточный угол погребения. Могильная яма, судя по остаткам, имела в плане форму прямоугольника с закругленными углами. Дно ее находилось на глубине 1 м от современной поверхности. От скелета сохранились лишь несколько позвонков, ключица, обломки ребер и остатки локтевой и лучевой костей. По расположению их можно было только выяснить, что покойник лежал на правом боку и был ориентирован головой на юго-восток. Из инвентаря уцелело несколько фрагментов керамики; к сожалению, все это обломки стенок. На одном из них заметны остатки орнамента в виде вдавлений и косых налпных валиков.

Некоторые своеобразные черты археологического комплекса селища у с. Большая Даниловка позволяют считать, что в эпоху позднего бронзового века в лесостепной части бассейна Северного Донца жило население не срубной, а какой-то иной, еще очень мало исследованной культуры. Датировать ее, судя по приведенным аналогиям, можно ориентировочно первыми двумя столетиями I тысячелетия до н. э.

В керамическом комплексе селища у с. Шмаровки уже совсем нет ничего общего с керамикой различных вариантов срубной культуры. Наоборот, керамику, которая орнаментирована аналогичными приемами и имеет подобную форму, можно найти в памятниках предскифского времени в лесостепной полосе Поднепровья. Мы встречаем здесь высокие горшки со слабо стогнутым венчиком, так называемые тюльпановидные. Здесь же отмечаются венчики, украшенные косыми насечками или наколами с «горошиной», сочетание насечек по венчику с рядами вдавлений концом палочки, широкое распространение треугольников из рядов вдавлений концом палочки, горизонтальные ряды палочных или пальцевых вдавлений на стенках и т. п.²⁶ Некоторые из этих приемов орнаментации продолжали бытовать и в скифское время. Правда, полного совпадения комплексов предскифского времени в Поднепровье и в бассейне Северного Донца нет, но хронологическая одновременность и культурная связь несомненны.

Важным датировующим признаком нужно считать появление больших узкогорлых корчаг, характерных для предскифского и раннескифского вре-

---

²⁴ М. Рудинский. Археологічні збірки Полтавського музею. Збірник Полтавського держ. музею ім. В. Г. Короленка, т. I, Полтава, 1928, табл. VI, 1. Много таких сосудов в фондах Полтавского музея (инв. № 110, 123, 988 и др.); С. С. Березанская и Г. Т. Титенко. Поселение предскифского времени в с. Собковка. КСИА, вып. I, 1952, стр. 80, рис. 2, 3; В. А. Ильинская. Городище скифского времени на р. Сейм. «Археологія», т. VIII, Київ, 1953, стор. 113, табл. I, 5 б.

²⁵ И. Ф. Левицкий. Мерефянское поселение. Харьков, 1949. Рукопись. Архив Института археологии Академии наук УССР, ф. эксп. № 1051, стр. 18, 19.

²⁶ А. И. Тереножкин. Разведки и раскопки 1949 г. в северной части Кировоградской области. «Археологія», т. VII, Київ, 1952, стор. 131 и сл.; Е. Ф. Покровская. Указ. соч., стор. 50 и др.

мени²⁷. Наконец, большое значение для уточнения датировки комплекса имеет находка фрагментов керамики с темно-серым лощением и геометрическим орнаментом, инкрустированной белой пастой. Лощение керамики и инкрустация белой пастой, правда, встречаются и в некоторых вариантах позднесрубной культуры²⁸, но там фактура черепка и характер орнамента совершенно иные. Наличие лощеной керамики с инкрустацией в комплексе селища у с. Шмаровки следует сопоставлять с аналогичным явлением в предскифских памятниках лесостепного Поднепровья²⁹. Все это дает возможность считать, что селище относится к предскифскому времени и датируется VIII—VII вв. до н. э.

Таким образом, исследования последних лет позволили выделить в лесостепной полосе бассейна Северного Донца новые памятники предскифского времени. Дальнейшие исследования должны уточнить территорию распространения их, выяснить основные черты хозяйственного и общественного строя племен, живших здесь в ту эпоху.

Сейчас можно лишь сказать, что памятники предскифского времени (типа Б. Даниловки и Шмаровки) весьма своеобразны и отличаются от памятников степной позднесрубной культуры и от близких последним погребений в насыпи или на горизонте. В этих предскифских памятниках мы не видим черт, которые указывали бы на генетическую связь их с культурой, развивавшейся здесь в раннем железном веке.

---

²⁷ А. А. Иессен и Б. Б. Пиотровский. Моздокский могильник. Л., 1940, табл. VII; М. И. Артамонов. Третий Разменный курган у станицы Костромской. СА, X, 1948, стр. 177, рис. 4. В. А. Городцов отмечает находку узкогорлых сосудов в погребениях в насыпи или на горизонте (Результаты археологических исследований в Изюмском уезде. . . , стр. 241, курган № 1, погребение 2 и др.).

²⁸ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 85, рис. 34; сб. «Археологические исследования в РСФСР, 1934—1936 гг.», М.—Л., 1941, стр. 167, табл. XXVI; Н. Я. Мерперт. Археологические памятники у села Хрящевки, стр. 51.

²⁹ А. И. Тереножкин. Культура предскифского времени в Среднем Поднепровье (чернолесский этап). «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1954, стр. 99.

С. С. БЕРЕЗАНСКАЯ

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА В БАСЕЙНЕ СЕЙМА

Район левобережного Украинского Полесья в археологическом отношении исследован чрезвычайно слабо. В первую очередь это следует сказать о периоде бронзы, представляющем в древней истории района еще непрочтенную страницу. Для полесских районов Украины нет даже самой общей картины того, что представляла собой на этой территории культура эпохи бронзы, отсутствуют схема культурной последовательности и хронологические данные, которые могли бы помочь в определении места и времени немногих, уже известных памятников. Поэтому создалось впечатление о запустении, бедности и отсталости Украинского Полесья в сравнении с более южными и западными областями.

Однако первые стационарные работы, проведенные здесь Институтом археологии Академии наук УССР по исследованию памятников эпохи бронзы, противоречат подобному мнению и дают основание думать, что левобережное Полесье в эпоху бронзы не только не было отсталой провинцией Среднего Поднепровья, но представляло собой густо заселенный район с высокой культурой, с развитым земледелием и скотоводством, с собственной металлургией и широкими обменными и торговыми связями, охватывавшими значительную территорию.

Исследование периода бронзы в районе Украинского Полесья тем более интересно, что с этим связывается целый ряд других важных проблем, например, — вопрос о связи культур поздней бронзы Полесья с распространенной в раннем железном веке на территории Южного Полесья так называемой подгорцевской культурой, славянская принадлежность которой находит все больше сторонников. С исследованием эпохи бронзы Полесья связано и выявление путей сложения, с одной стороны, культуры скифского типа, известной по памятникам Сулы и Ворсклы, с другой — путей сложения юхновской культуры, распространенной в середине I тысячелетия до н. э. в бассейне Десны и к востоку от нее. При этом следует отметить, что хронологические рамки юхновской культуры (главным образом верхняя граница) совершенно не ясны.

В предлагаемой статье приводятся результаты раскопок двух поселений эпохи бронзы в бассейне р. Сейм Левобережной Сейминской экспедицией Института археологии Академии наук УССР в 1953 г. и некоторые соображения, возникшие в связи с проведенным исследованием¹.

¹ Оба поселения обнаружены Д. Т. Березцовым во время его прежних работ на Сейме.

ПОСЕЛЕНИЕ ГОРОДОК

Поселение находится в 3 км на юго-восток от с. Волинцево Путивльского района Сумской области. Оно расположено в пойме р. Сейм на песчаной, сильно задернованной дюне (длиной 220 м, шириной 110 м), возвышающейся над заливным лугом на 4,5 м.

Подобные дюны — характерное явление для полесского ландшафта. Они расположены в поймах рек, обычно тянутся вдоль русла и сложены из песчанистых или лёссовых пород, в зависимости от того, являются ли они результатом наносов, отложенных ледниковыми водами, или остатками коренных участков древних террас.

Шурфовкой было установлено, что поселение занимало центральную часть возвышенности площадью около 900 кв. м. Мощностъ культурного слоя на поселении Городок достигала 0,65—0,70 м. Находки залежали, главным образом, в толще сильно гумированного песка, и только землянки, отдельные хозяйственные и очажные ямы были углублены в светло-желтый песок. Наслоения, вскрытые на поселении, относятся к 3 хронологическим периодам: ранней и средней бронзы и раннему железу.

Во многих местах стратиграфия поселения нарушена позднейшими ямами, и лишь на некоторых участках удалось проследить четкое разграничение хронологических горизонтов и уловить стерильные прослойки. Главным основанием для выделения и характеристики различных периодов в жизни поселения служила керамика, четко разделявшаяся на 3 группы.

Нижний горизонт залегал на глубине 0,6—0,7 м, в основании гумированного песка. Он связан с 9 углубленными в светлый песок кострищами круглой или овальной формы, от 0,8 до 1,2 м в диаметре. Вокруг почти всех кострищ, на уровне их верхнего края, лежала керамика, в большинстве случаев — развалы сосудов, вкопанных в землю. Среди обломков посуды в небольшом количестве встречались кремневые скребки и отщепы. Для керамики нижнего горизонта характерно однообразие форм и орнаментации. Сосуды, наиболее типичные для этой группы, имеют круто расширяющиеся кверху стенки, короткие прямые или слегка отогнутые венчики и маленькие неустойчивые доньшки. Наиболее выделяющейся особенностью керамики следует считать ее орнаментацию, состоявшую в основном из 2 элементов: наколов и оттиска намотанной на палочку веревки. Цвет поверхности сосудов — темно-желтый и серый; в изломе черепка — черная полоска. В глине — небольшая примесь песка. Стенки и дно тонкие (рис. 8—1, 2).

По общему облику эта керамика еще очень близка к ямочно-гребенчатой неолитической, широко распространенной в северных областях Украины, РСФСР и Белоруссии. Ее главное отличие от неолитической состоит в том, что сосуды имеют не круглое, а маленькое, неустойчивое, но уже всегда плоское днище. Интересно отметить, что по орнаменту описываемая керамика ближе к ямочно-гребенчатой, известной в северо-восточных областях СССР, чем к ямочной, преобладающей на территории Южного Полесья Украины. Следует ли это объяснять изменениями самой местной неолитической керамики, или влиянием культуры племен, обитавших в более северо-восточных районах СССР и, возможно, позднее продвинувшихся сюда, — еще не ясно. Не ясна также близость обнаруженной нами керамики по времени к неолитической. Несмотря на то, что эта керамика, получившая название «марьяновской» по месту первой опубликованной находки, известна уже из многих мест², датирующего материала с ней не найдено. Поэтому о времени нижнего горизонта поселения, как и

² Н. П. Амбургер. Нові дані про пам'ятки доби бронзи на Сеймі. Археологічні пам'ятки УРСР, VI, Київ, 1956; Д. Я. Телегін. Дослідження поселень епохи бронзи на Дінді. Там же.

вообще о времени всей «марьяновской» керамики³, можно судить пока только на основании ее близости к ямочно-гребенчатой поздненеолитической и, — в какой-то мере, — на том основании, что на поселении Городок она залегала ниже слоя, датируемого позднекатакомбным временем.

Средний горизонт, прослеженный не на всей площади поселения, а только в нескольких местах, связывался с 4 ямами, очевидно, жилого характера и большими скоплениями керамики, залежавшими рядом. Все 4 ямы — одинаковой четырехугольной удлиненной формы, с закругленными углами — близки по размерам (4 × 6 м, глубина — 0,8—0,85 м). Находки концентрировались не в ямах, а возле них на глубине 0,35—0,40 м от дневной поверхности.

Главная масса находок, как и в нижнем слое, состояла из обломков посуды; кроме того, здесь собрано большое количество кварцитовых и кремневых орудий.

Наиболее типичны для керамики среднего слоя реберчатые сосуды с небольшими днищами и прямыми высокими венчиками, диаметр которых почти равен диаметру средней части тулова. Довольно часто встречаются сосуды, у которых ребристость смягчена, благодаря чему они приобретают форму округлых биконических горшков. Очень характерна богатая и разнообразная орнаментация. У сосудов обычно украшено все тулово от горла до дна, причем нижняя и верхняя половины, как правило, — различным орнаментом. Основные элементы орнаментации — тонкий, треугольный в сечении валик и глубоко прочерченные линии. Глиняная масса, из которой сделаны сосуды, плотная, жесткая с очень большой примесью песка. Обжиг хороший, цвет наружной поверхности кирпичный и бурый, внутренней — черный (рис. 8—3—5).

Вместе с описанной т. н. «валиковой» керамикой встречается иная, для которой характерны совершенно другие формы и орнаментация. Это высокие баночные сосуды с очень тонкими стенками и маленьким дном. Они — желтого или розоватого цвета, хорошо обожжены; в глине заметна небольшая примесь кварца. Для орнаментации наиболее типичны ряды наколов, сделанных косо поставленной палочкой, прочерченные линии, образующие треугольники, и зубчатый штамп (рис. 8—6). В этих сосудах заметно определенное сходство с керамикой нижнего горизонта.

В приведенной группе посуды можно, очевидно, видеть дальнейшее развитие местной керамики периода ранней бронзы, представленной сосудами так называемого марьяновского типа. И если прямой преемственности во времени нет и бытование одной группы керамики отделено от другой значительным промежутком времени, то генетически это, по-видимому, все же единая линия, идущая от неолитической ямочно-гребенчатой посуды.

Совершенно иным представляется путь появления в Полесье острореберных биконических сосудов, орнаментированных рядами налепных валиков и прочерченных линий. Эта керамика не находит себе местных прототипов и, очевидно, должна быть связана с продвижением в Полесье каких-то южных степных племен. На основании общей близости катакомбным сосудам (некоторые формы, богатство и характер орнаментации) многоваликовую керамику обычно датируют средним периодом бронзы. Она настолько типична и своеобразна по форме, орнаменту и технике обработки, что легко выделяется из любых комплексов, но культурная принадлежность и ареал распространения ее еще не ясны. Создается впечатление, что в наиболее архаичном виде она известна на юге левобережной Украины и в районе Днепровских порогов. Среди наиболее известных пунктов следует

³ М. Рудинський. Марьянівська стація. «Антропологія», III, Київ, 1930, стор. 179; Я. Морачевський. Кераміка Марьянівської стації. Там же, стор. 191.

Рис. 8. Керамика с поселений Городок и Попова Левада.

1, 2 — из нижнего горизонта поселения Городок; 3—6 — из среднего горизонта; 7, 8 — из верхнего горизонта; 9—11 — с поселения Попова Левада.

назвать сад Шевченко (бывш. Потемкинский) в Днепропетровске⁴. О ранней дате этой керамики свидетельствует встречающийся в довольно большом количестве шнуровой орнамент, образующий все тот же наиболее характерный елочный узор, иногда расположенный на самих валиках.

Поселение с аналогичной керамикой обнаружено в недавнее время в с. Бабино Верхне-Рогачикского района Херсонской области⁵. Исследование его, очевидно, значительно расширит представление об этой культурной группе. Несколько пунктов с такой керамикой известно на Донце. Встречается она и севернее — в Сумской области (с. Кириковка и с. Брусилы Ахтырского района). Известна она также в окрестностях Чернигова, Воронежа, Курска и Житомира. Эти местонахождения, вероятно, являются наиболее северными точками. Из правобережных пунктов, где такой керамики встречается значительно меньше, следует назвать нижний слой поселения Собковка⁶ и Сандраки⁷, где она залегает под культурным слоем предскифского времени.

Основную массу каменного инвентаря, который удалось связать со вторым горизонтом поселения Городок, составляют изделия из кварцита, выходы которого имеются вблизи, на берегах Сейма.

Особенно много встречено кварцитовых орудий, по форме напоминающих позднетрипольские кремневые топорики. Размеры их — при одинаковой форме — очень различны: большие достигают в длину 15—18 см, маленькие — 5—8 см. Целевое назначение этих орудий не ясно; не исключена возможность, что наиболее крупные служили мотыгами для обработки земли, а меньшие могли употребляться для работы по дереву (рис. 9—7). Обнаружены обломки шлифованных и просверленных топоров (рис. 9—3).

Кремневых орудий вообще собрано очень немного. Кроме скребков округлой формы, найдены 2 наконечника копий, наконечник стрелы, кремневая проколка и несколько ножевидных пластинок (рис. 9—1, 4—6).

Типы каменных и кремневых орудий, обнаруженных во втором горизонте поселения, также не противоречат тому, чтобы относить его существование к середине II тысячелетия до н. э.

Верхний горизонт, относящийся к поре раннего железа, залегал на глубине 0—0,25 м. С ним были связаны землянка, 2 большие хозяйственные ямы и несколько кострищ. Землянка маленькая (3,2 × 4,3 м), глубиной 1,6 м, прямоугольной формы. Стенки ее оплыли, особенно южная, где, по-видимому, находился вход.

Как и в нижележащих горизонтах, среди находок было больше всего обломков глиняной посуды, в основном однородной по формам и орнаментации. Наиболее типичны тюльпановидные и баночные сосуды, бедно и однообразно орнаментированные. Почти единственным украшением служит идущая под венчиком линия наколов. В ряде случаев край венчика орнаментирован косыми насечками или пальцевыми вдавлениями.

Цвет сосудов красно-бурый, в изломе черепка — черный, в глине — примесь слюдистого песка и кварца (рис. 8—7—8).

В особую группу следует выделить чернолощеную посуду, близкую по формам и орнаментации к лесостепной керамике Украины раннего железного века. Эта посуда составляет здесь очень незначительный процент и представлена несколькими обломками глубоких мисок с широко отогнутым

⁴ Н. Е. Макаренко. Археологические исследования в 1907—1909 гг. ИАК, вып. 43, 1911, стр. 104, 107.

⁵ Д. И. Блитель. Отчет о раскопках Верхнерогачикской экспедиции за 1951 г. Архив Института археологии Академии наук УССР.

⁶ С. С. Березанская и Г. Т. Титенко. Поселение предскифского времени в с. Собковка. КСИА, вып. I, Киев, 1952.

⁷ О. Ф. Лагодовська. Поселения часу пізньої бронзи в с. Сандраки. «Археологія», т. IX, Київ, 1954, стор. 133.

наружу краем и маленьких горшочков с выпуклым туловищем. В небольшом количестве обнаружены миниатюрные сосуды и пряслица.

Металлических вещей найдено очень немного: 2 железных ножа с горбатой спинкой, обломок железного серпа, маленькая бронзовая спираль и

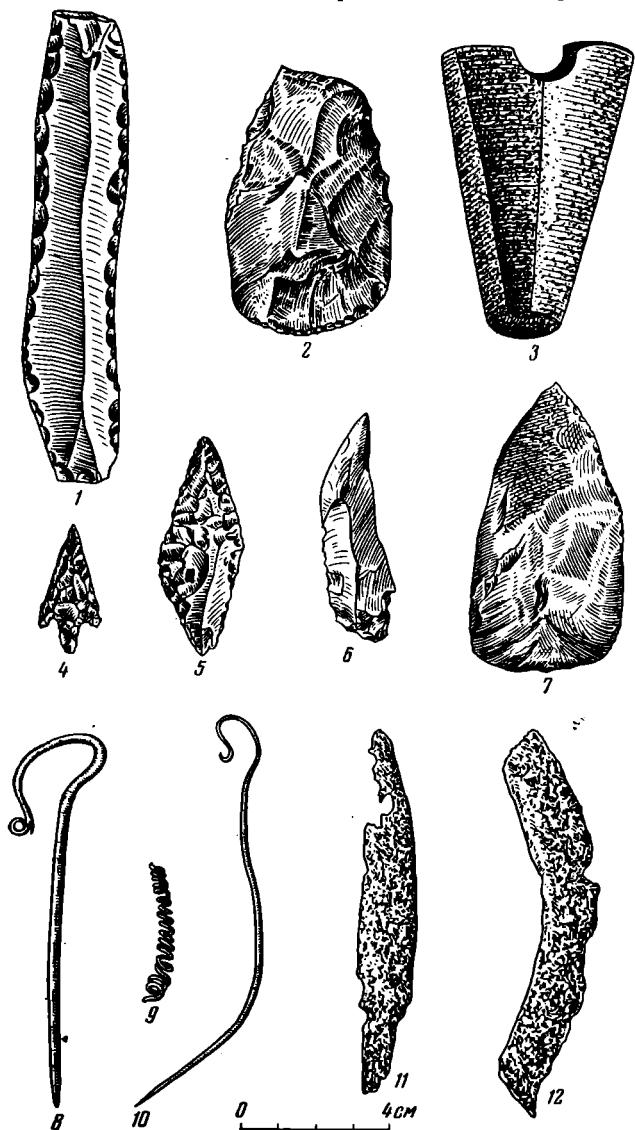

Рис. 9. Находки с поселения Городок.

1—7 — из среднего слоя; 8—12 — из верхнего слоя. (1, 4—6 — кремнь; 2, 3, 7 — кварцит; 8—10 — бронза, н/в; 11, 12 — железо).

несколько бронзовых булавок с головками в виде буквы S (рис. 9 — 8—12).

Наиболее ранним комплексом, в котором обнаружены подобные булавки, является урновое трупосожжение в Черске Маневичского района Волынской области, где, кроме того, найдены браслет и тюльпановидные сосуды высоцкого типа, датируемые VII в. до н. э.⁸ Близки по форме и

⁸ Фонды Луцкого музея.

булавки из поселения у с. Жаботин из раннего слоя, который относится к VII в. до н. э.⁹ Очень интересен тот факт, что подобные булавки широко распространены в сочетании с керамикой, характерной для подгорцевской культуры, выделенной В. Н. Даниленко для раннего железного века на территории Южного Полесья¹⁰.

Таким образом, металлические вещи датируют верхний слой поселения Городок VII—VI в. до н. э. Такой дате не противоречит и керамика, также находящая близкие аналогии в подгорцевской культуре.

В керамике верхнего слоя наблюдается определенное сходство с керамическим комплексом юхновской и окской культур раннего железного века. Однако здесь совершенно отсутствует так называемая сетчатая или рогожная керамика, типичная для юхновских и городецких городищ.

Принадлежность или, точнее, близость исследованного поселения подгорцевским памятникам интересна в том отношении, что значительно расширяет границы распространения этой культуры и дает возможность составить о ней более четкое представление, чем это можно сделать на примере поселений, исследованных под Киевом, где уже сильно сказывается влияние лесостепной скифской культуры.

ПОСЕЛЕНИЕ ПОПОВА ЛЕВАДА

Поселение находится в 0,5 км на восток от с. Волянцево. Оно расположено на останце коренного берега р. Сейм, в том месте, где останец мысом врзается в болото.

Разведочными траншеями обнаружено жилище — землянка, опущенная в гумированный песок и суглинок. Землянка имела форму неправильного прямоугольника длиной 11 м, шириной 8 м. Дно жилища ровное, хорошо утрамбованное, слегка наклонное к центру. Глубина в центре достигала 1,1 м. На полу жилища обнаружены остатки глинобитного очага, предочажная яма, заполненная золой, и несколько ям от столбов, поддерживавших крышу. Возле двух стен (северо-восточной и юго-восточной) выявлены продолговатые выступы материка, высотой 0,65 м, возможно, служившие нарами. Подобное устройство спальных сооружений известно во многих землянках, относящихся к срубной культуре¹¹. Находок было немного. Основная их часть находилась на полу жилища возле очага и в причаженной яме, среди золы, углей и костей животных.

Для керамики наиболее характерны сосуды баночных и тюльпановидных форм. Стенки и доньшки сосудов тонкие, цвет поверхности темно-коричневый и красный; стенки хорошо заглажены, иногда залощены. В глине — примесь толченого кварца. Эта группа посуды орнаментирована рядами широких проглаженных линий, заштрихованными треугольниками и наколами различных размеров, сделанными и с наружной, и с внутренней стороны (рис. 8—10, 11).

Обращает на себя внимание некоторое сходство с сосудами комаровской и тшинецкой культур, особенно ее северо-восточных волянских вариантов, в которых уже отсутствуют специфические тшинецкие формы¹².

⁹ М. И. Вязьмитина. Памятники раннего железного века в окрестностях с. Жаботин Кировоградской области. КСИА, вып. I, Киев, 1952, стр. 59—66.

¹⁰ В. Н. Даниленко. Памятники ранней поры железного века в южной части Полесья УССР. Доклады VI научной конференции Института археологии Академии наук УССР. Киев, 1953.

¹¹ Н. В. Грубникова. Поселение эпохи бронзы у деревни Воскресенской. КСИИМК, вып. L, 1953, стр. 22.

¹² І. Левицький. Стація в ур. Піщаному біля Народич. «Антропологія», IV. Київ, 1931.

В чем следует искать истоки и причины такой близости, — сказать еще трудно. Не исключена возможность, что для Левобережья, как и для западных областей Украины, Восточной Польши и Восточной Пруссии, общность культур эпохи бронзы объясняется единым влиянием племен — носителей культуры шнуrowой керамики, место и роль которых на Левобережье еще очень слабо изучены.

Меньшую группу составляют обломки баночных сосудов, орнаментированных налепным валиком и прочерченными линиями. На дне землянки, возле очага стоял целый сосуд, близкий по форме к срубным (рис. 8—9).

Кроме керамики, в землянке и шурфах обнаружены несколько обломков каменных просверленных молотков, а также небольшое количество кварцитовых орудий, близких по форме и технике изготовления к орудиям, описанным при характеристике каменных изделий поселения Городок.

Особо остановимся на находке фрагмента глиняной формочки для отливки вислообушного топора. Сохранившаяся часть не дает возможности полностью представить себе форму орудия, однако, судя по обушной части, оно наиболее близко топорам фатьяновского типа. Обломки формочек топоров такого же типа встречены в районе р. Воронеж¹³.

Керамический комплекс, находящийся аналогии в материалах комаровской и срубной культур, а также находка вислообушного топора дают основание отнести время существования поселения Попова Левада к концу периода средней бронзы.

Небольшой объем проведенных работ не позволяет сколько-нибудь полно охарактеризовать хозяйственную жизнь населения эпохи бронзы в Полесье. Однако можно предполагать, что в период ранней бронзы материальная культура этого населения была родственна культуре населения более северных, лесных областей в период позднего неолита и ранней бронзы¹⁴. К середине II тысячелетия до н. э., в связи с развитием земледелия, возникновением местной металлургии, а также в результате тесного общения и межплеменного обмена уже не с северными, а с южными и юго-западными соседями, культура местного населения, сохранив некоторые черты предшествующего времени, значительно изменила свой облик. Не исключена также возможность, что в этот период происходило проникновение степного населения в лесостепные и полесские области, следами чего и являлись поселения с многоваликовой керамикой.

В середине I тысячелетия до н. э. пути развития хозяйства и культуры Полесья и более южных областей, с которыми оно раньше было более тесно связано, расходятся. Степная и лесостепная часть Украины попадают в орбиту скифского влияния и соответственно с этим изменяют свое хозяйство и быт, в Полесье же продолжают развиваться местная культура и мирный земледельческо-скотоводческий тип хозяйства.

Сходство подгорцевской культуры, известной теперь не только по обоим берегам верхнего Днепра, но и на Десне и Сейме, с культурой раннего железного века на Волыни еще раз подчеркивает различие, существовавшее в то время между правобережной лесостепью, тяготевшей по своей культуре к фракийскому кругу памятников, и левобережным Полесьем, тяготевшим к районам Оки, частично даже Волги, где возникли дьяковские городища.

¹³ Н. Н. Валукинский. Разведки в Воронеже. СА, IV, 1937, стр. 309; В. Подгаецкий. Раскопки в Воронеже. «Археологические исследования в РСФСР, 1934—1936 гг.» М.—Л., 1941.

¹⁴ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 72—82 и др.

Т. А. БУНЯТОВ

ИЗ ИСТОРИИ ХОЗЯЙСТВА В ДРЕВНЕМ АЗЕРБАЙДЖАНЕ

(К вопросу об изготовлении молочных продуктов)

До настоящего времени в литературе по археологии и древнейшей истории Азербайджана, как и всего Закавказья, нет ни одной специальной работы, посвященной детальному изучению хозяйства местных племен в древности. Между тем вопрос этот для истории Азербайджана — один из важных. Накопленный за последние десятилетия многочисленный археологический материал позволяет охарактеризовать многие стороны развития древнего хозяйства местных племен, в частности вопрос об изготовлении молочных продуктов.

Предлагаемая статья представляет собой первую попытку освещения данного вопроса, причем он рассматривается нами на общем фоне развития хозяйства племен Кавказа и особенно Закавказья. Для этой цели нами использованы материалы, хранящиеся в музеях Москвы, Ленинграда, Баку, Тбилиси, Ханлара, Степанакерта и др. Кроме археологических памятников привлечены этнографические материалы и письменные источники.

Прежде чем характеризовать процесс изготовления молочных продуктов, необходимо вкратце сказать о скотоводстве.

Установить точно время возникновения скотоводства в Азербайджане пока невозможно, но допустимо предположение о наличии его еще в неолите. Форма скотоводства сначала, по всей вероятности, была оседлой; домашние животные постоянно содержались при поселениях. Такая форма впоследствии потеряла ведущее значение, что было связано с увеличением поголовья скота и нехваткой кормов. Приходилось перегонять стада в более отдаленные места. Возникло яйлажное или отгонное скотоводство. Однако местами пережитки оседлого скотоводства сохранились в эпоху бронзы и в более позднее время.

Топографические условия в отдельных частях Азербайджана благоприятствовали развитию оседлой формы скотоводства. Такая форма характерна для предгорий, где зимой можно было пасти скот в низменных районах, а летом — в горных, причем и те, и другие находились недалеко от места поселения. Обычно в таких условиях в составе стада первое место занимает крупный рогатый скот, менее подвижный по сравнению с мелким рогатым скотом. Одно из таких древних предгорных поселений открыто у г. Ханлара. В процессе раскопок Я. И. Гуммель обнаружил здесь обильный остеологический материал, среди которого преобладают кости крупного рогатого скота. Отгонное скотоводство обяза-

тельно предполагает использование двух различных районов — яйлага и кишлага.

Яйлаг расположен на высоких плоскогорьях, где сосредоточены большие площади лугов и пастбищ, преимущественно субальпийского и альпийского типов с богатейшей растительностью. Кишлаг представляет собой обширные степи, покрытые обильной растительностью.

Яйлажное или отгонное скотоводство зародилось на территории Закавказья, в частности в Азербайджане, еще в эпоху ранней бронзы¹ и окончательно оформилось в начале I тысячелетия до н. э.²

Сопоставление археологических данных с этнографией Азербайджана дает возможность судить также о способе движения на яйлаг и о форме жилища в древности на яйлаге. Население укладывало имущество в арбы и двигалось вместе со стадами; когда колесная дорога переходила в тропы, имущество нагружалось на вьючных животных³. Такое передвижение на яйлаг, вполне возможно, существовало и в эпоху развитой бронзы. Ярким доказательством этого может служить находка в Мингечауре глиняной модели арбы. Длина модели — 20 см, высота — 10 см, ширина — 8 см.⁴

Найденная там же глиняная фигурка животного с вьюками подтверждает использование домашних животных в эпоху бронзы и в качестве вьючных⁵. Три глиняные модели двухколесной арбы очень напоминают конусообразные кибитки — временные жилища населения на яйлаге. Такая же форма кибитки существовала в Азербайджане в недалеком прошлом.

Обычно, говоря о древнем скотоводческом хозяйстве, особое внимание уделяют происхождению и соотношению различных видов домашних животных. Что же касается изучения производства и использования продуктов животноводства, то этот вопрос мало освещен; однако он играет большую роль в выяснении экономической эффективности животноводства и характера скотоводства вообще.

Исследованные в Закавказье энеолитические памятники не дали материалов, свидетельствующих об изготовлении молочных продуктов (сыра, масла, творога и др.). Очевидно, это объясняется тем, что в энеолите еще не было специальных глиняных сосудов для изготовления и хранения молочных продуктов, но допустимо предположить, что древние племена, обитавшие в Азербайджане, уже употребляли в пищу молоко и молочные продукты. Ф. Энгельс писал, что «на востоке средняя ступень варварства началась с приручения животных, дающих молоко и мясо»⁶. В памятниках несколько более позднего времени (т. е. примерно с конца II тысячелетия до н. э.) мы находим достаточно материалов, свидетельствующих об изготовлении молочных продуктов. Об этом можно судить по многочисленным керамическим находкам при их сравнении с этнографическими параллелями из недавнего прошлого Азербайджана. Среди этих материалов можно выделить сосуды для доения, глиняные маслбойки, сосуды для изготовления сыра, творога и др.

¹ Б. Б. Пиотровский. Поселения медного века в Армении. СА, XI, 1949, стр. 180.

² Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 75.

³ Д. Колесников. Кочевое скотоводство. Известия общества обследования и изучения Азербайджана, 1926, № 3, стр. 75.

⁴ Археологический фонд Института истории и философии Академии наук Азербайджанской ССР, сер. № 7, 45.

⁵ Т. И. Голубкина. О зооморфной керамике из Мингечаура. МКА, II, Баку, 1951, стр. 112, рис. 8.

⁶ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1953, стр. 23.

Представление о доении домашних животных в глубокой древности дают нам изобразительное искусство древнего Двуречья⁷ и археолого-этнографические материалы Азербайджана.

Среди обнаруженной во время археологических раскопок на территории Азербайджана керамики, относящейся к эпохе развитой бронзы, как нами установлено, некоторые глиняные кувшины — «с е р н и ч» — предназначались для доения коров. Подобного типа, сделанный из сероватой глины сосуд с двумя ручками и широким высоким горлышком найден (в конце XIX в.) в Арналы⁸ (Нагорный Карабах; рис. 10—1); другой обнаружен в с. Баян в 1901 г. в кургане Парсега (могила 17)⁹. Высота этого сосуда — 30 см, диаметр венчика — 18 см, длина — 14 см. Подобной же формы двуручный сосуд из серой глины обнаружен в Мингечауре¹⁰ (рис. 10—2).

Количество примеров можно было бы значительно увеличить. Для выделения сосудов, употреблявшихся при доении коров в эпоху бронзы и позднее, достаточные основания дает сравнение археологического материала с этнографическим. Подобные металлические и глиняные сосуды широко используются в Азербайджане¹¹ и других областях Закавказья и в настоящее время (рис. 10—3, 4). Очень возможно, что некоторые другие сосуды, близкие по форме описанным, предназначались также для доения коров.

Хорошо выделяется группа глиняных сосудов — «к о д у ш», которые, вероятно, предназначались для хранения кислого молока. Достаточно привести в качестве примера сероглиняный сосуд шаровидной формы, найденный в Мингечауре и относящийся к началу I тысячелетия до н. э. Высота его — 28,5 см, диаметр венчика — 19 см, дна — 12,5 см¹² (рис. 11—1). Много аналогичных сосудов обнаружено в Азербайджане при раскопках, а в горных районах подобные встречаются и сейчас, выполняя те же функции.

Значительно лучше по археологическим находкам известны глиняные маслобойки — «н е х р а». Сбивание масла впервые могло получиться естественным путем из кислого молока. Во время кочевки на яйлаг или обратно молоко сливали в кожаный бурдюк, в котором при длительном взбалтывании получалось масло.

Для сбивания масла в древности использовали относительно большие сосуды. Найденные глиняные маслобойки можно разделить в основном на 2 группы. Необходимо отметить, что первоначально в глубокой древности для сбивания масла не было специальных сосудов. Вероятно, сливки наливали в какой-нибудь сосуд и начинали взбивать руками или палочками. Позднее, по мере накопления навыков, начали делать специальные сосуды — маслобойки.

К наиболее примитивным маслобойкам следует отнести сосуды с яйцевидным корпусом и крутыми плечиками, хорошо выраженным горлом и плавно отогнутым венчиком. На плечах имеется сквозное отверстие — в специальной округлой припухлости на поверхности корпуса. К этой

⁷ Б. Б. Пиотровский и Н. Д. Флиттнер. История техники древнего Двуречья. Сб. «Очерки по истории техники древнего Востока». Л., 1940, стр. 42, рис. 17.

⁸ Хранится в Музее антропологии и этнографии Академии наук СССР в Ленинграде, инв. № 2049—49.

⁹ ГИМ, инв. № 41968.

¹⁰ Без паспорта, хранится в Археологическом фонде Института истории и философии Академии наук Азербайджанской ССР.

¹¹ М. И. Атакишиева. Народная утварь в селениях и окрестностях Мингечаура и Самухского района Аз. ССР. «Вопросы этнографии Кавказа». Тбилиси, 1952, стр. 207—212, табл. 3, рис. 2 и табл. 6, рис. 5.

¹² Археологический фонд Института истории и философии Академии наук Азербайджанской ССР, № 1009, находка в кв. X, 1946 г.

группе относятся всего лишь несколько экземпляров глиняных маслоек из Азербайджана. Одна маслбойка без ручек найдена в Кировабадском

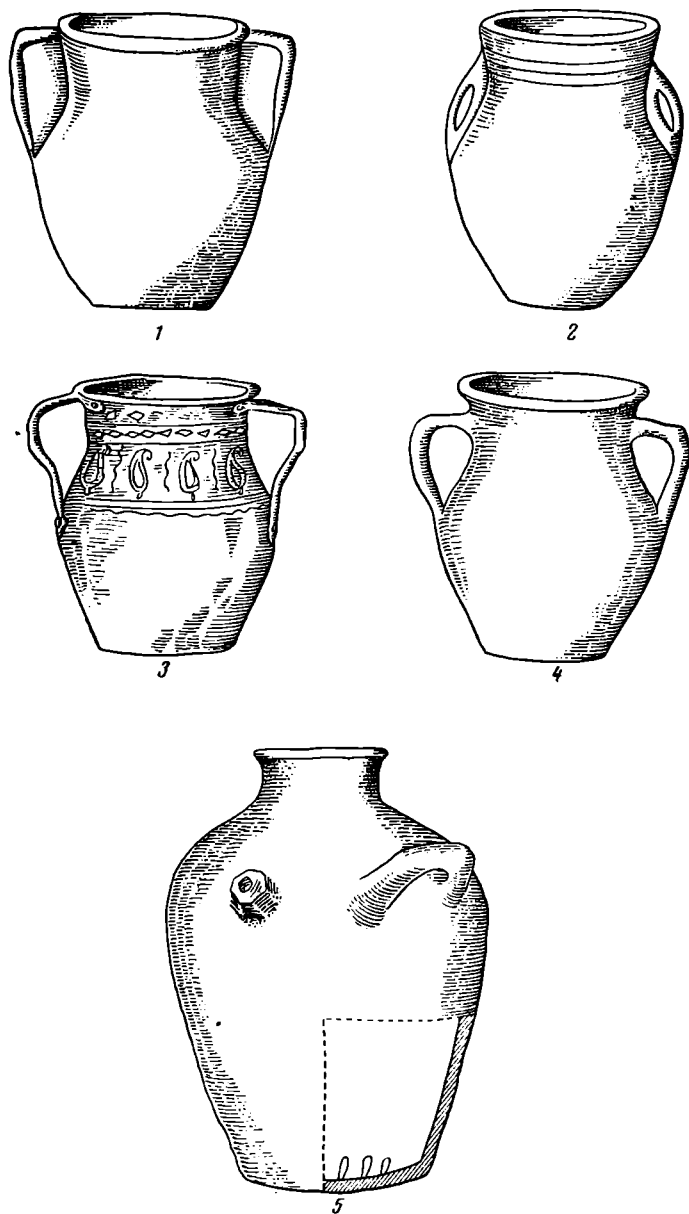

Рис. 10. Глиняные сосуды, связанные с молочным хозяйством.

1—4 — глиняные кувшины для дойки; 1 — из Арвама; 2 — из Мингечаура;
3, 4 — современные из Азербайджана; 5 — глиняный сосуд-маслбойка.

районе в каменном ящике № 13 около Саид-Кенда. Ее размеры неизвестны, а о форме ее мы можем судить только по рисунку¹³.

Второй сосуд-маслбойка, чернолощеный, без ручек, с боковым отверстием на плечах, обнаружен в Редкином лагере (в погребении 1), располо-

¹³ ОАК за 1901 г., л. 972, рис. 8.

женном в Делижанском ущелье ¹⁴. Под горлом нанесен линейный орнамент. Высота сосуда — 35 см; диаметры: дна — 12 см, венчика — 17,5 см, отверстия — 8 мм (рис. 11—2).

Аналогичные маслобойки найдены в Дванском могильнике (погребение 12) ¹⁵, в Плависмани ¹⁶, Бешташени ¹⁷, в среднем горизонте нижнего Гоми ¹⁸ и других местах. Следовательно, эта группа маслобоек была характерна не только для Азербайджана, но и для всего Закавказья в эпоху развитой бронзы.

Постепенно, в течение длительного периода происходило усовершенствование техники изготовления масла; появился несколько измененный тип маслобоек, который мы относим ко второй группе.

У маслобоек второй группы — горизонтальная дугообразная ручка, толстые стенки, диаметр бокового отверстия больше (рис. 11—3). Маслобойки первого типа представлены всего несколькими экземплярами, сосудов же второго типа встречается довольно много. Это, по нашему мнению, отражает рост производства молочных продуктов вместе с развитием самого скотоводства.

К маслобойкам второй группы относятся сосуды, известные из разных районов Азербайджана. В Ханларском музее хранится фрагмент маслобойки из черно-серой глины: уцелела часть стенки с полукруглой ручкой. Рядом с ручкой — сквозное отверстие ¹⁹. В том же районе глиняная маслобойка была обнаружена в кургане № 71 ²⁰. В степи около г. Кировабада в кургане № 3 найдена сероглиняная маслобойка с дугообразной ручкой, рядом с которой сделано сквозное отверстие в виде носика. Сосуд — сравнительно большого размера: высота — 42 см; диаметры: венчика — 13 см, дна — 15 см ²¹. Черноглиняная маслобойка с коротким выступом на плечах и дугообразной ручкой обнаружена в Човдаре ²². Хорошо сделанные глиняные маслобойки из серой глины, характерные для второй группы, найдены в каменных ящиках, относящихся к VIII—VII вв. до н. э., в Варташенском и Куткашенском районах ²³.

Десятки глиняных маслобоек известны из древнего Мингечаура. В основном они принадлежат ко второй группе; большая часть их не орнаментирована и изготовлена из серой глины. Маслобойка, найденная в грунтовом погребении, представляет собой довольно большой кувшин; в широкой выпуклой части была прикреплена дугообразная ручка, а около нее — выступ с отверстием. Горло сосуда невысокое, края венчика отогнуты наружу. Дно плоское, чуть закругленное ²⁴. Кроме больших маслобоек, в древних

¹⁴ Археологический фонд Музея истории Азербайджана Академии наук Азербайджанской ССР, инв. № 760.

¹⁵ С. И. Макалатия. Раскопки Дванского могильника. СА, XI, 1949, стр. 283, рис. 11, 3.

¹⁶ С. И. Макалатия. Древнейший некрополь в Плависмани (на груз. яз.). Вестник Госуд. музея Грузии, т. 5, 1930, стр. 232, рис. 14.

¹⁷ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, т. I. Тбилиси, 1941, табл. XLVIII.

¹⁸ Б. А. Куфтин. Материалы по археологии Колхиды, т. 2. Тбилиси, 1950, стр. 138.

¹⁹ Ханларский музей, инв. № 830.

²⁰ Я. И. Гуммель. Раскопки поселения I на запад от Ханлара. КСИИМК, вып. XXIII, 1948, стр. 76.

²¹ ОАК за 1903 г., л. 42, рис. 36.

²² Хранится в Музее антропологии и этнографии Академии наук СССР в Ленинграде, инв. № 2049-70.

²³ С. М. Казиев. Археологические раскопки в Куткашенском и Варташенском районах (на азерб. яз.). Экспедиция Академии наук Азербайджанской ССР, 1947, стр. 143, 144.

²⁴ Г. И. Ионен. Глиняные сосуды-сапожки из Мингечаура. МКА, т. III, Баку, 1953, стр. 49 и табл. V — 8.

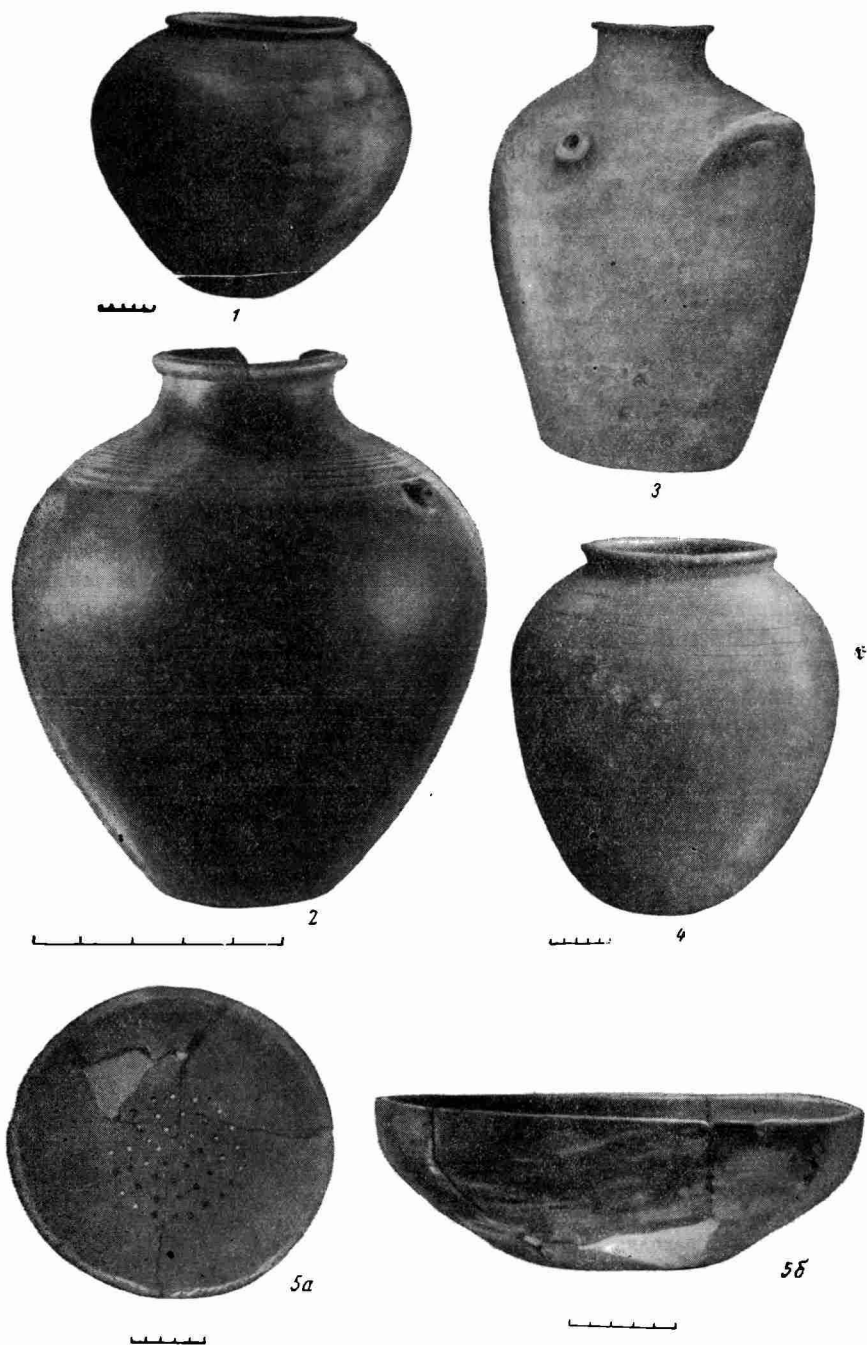

Рис. 11. Сосуды, связанные с молочным хозяйством.

1, 4 — гоняные сосуды для хранения молока; 2, 3 — гоняные маслобойки; 5а, 5б — гоняное сито-цедник.

погребениях Мингечаура найдены 2 миниатюрные (высотой около 15 см) маслoбойки из серой глины²⁵.

В Мингечауре маслoбойки обнаружены не только в погребениях, относящихся к эпохе бронзы; они известны также из более поздних могил. На сосудах позднего периода встречаются 2—4 выступа. Примером могут служить маслoбойки с выступами из кувшинного погребения, обнаруженного в Агджабедах²⁶, и из левобережного поселения № 3 в Мингечауре, относящегося к раннему средневековью²⁷ (рис. 10—5). Надо отметить, что в сосудах-маслoбойки часто клали несколько глиняных шариков, которые, так же как и выступы, ускоряют процесс изготовления масла.

Маслoбойки второй группы, относящиеся к концу эпохи бронзы, кроме Азербайджана, найдены в Армении — в районе Севанского бассейна²⁸, близ Ленинанкана²⁹ и в Грузии — в древнем Самтаврском могильнике³⁰.

Попытаемся, кроме определения функций керамических изделий, проследить процесс изготовления молочных продуктов в древности. Для того, чтобы составить себе представление о производстве этих продуктов, приходится привлекать этнографические данные. Так, назначение описанных сосудов стало понятным благодаря сравнению их с сосудами-маслoбойками, сохранившимися до настоящего времени в высокогорных районах Азербайджана.

Процесс сбивания масла протекал следующим образом: в сосуд почти до половины его высоты наливали сливки — «г а й м а х» или кислое молоко — «г а т ы х» и немного воды, чтобы сделать сливки более жидкими³¹. Плотно закрывали горлышко кожей — «с е л е» и обвязывали веревкой или ремнем. Потом клали сосуд-маслoбойку на бок, отверстием и ручкой вверх, неплотно вставляли в отверстие камышовую трубочку и раскачивали сосуд из стороны в сторону. Для того чтобы проверить образовалось ли масло, время от времени вынимали из отверстия трубочку, на которой — в том случае, если масло было готово, — оседали крупинки. По окончании сбивания сосуд ставили в вертикальное положение, снимали «селе», вынимали масло руками и выливали сыворотку — «а й р а н».

При археологических раскопках найдены только глиняные маслoбойки. Это, несомненно, связано с тем, что в почве плохо сохраняются деревянные и кожаные предметы. Однако на основании этнографических материалов можно полагать, что, кроме глиняных маслoбоек, в эпоху бронзы существовали деревянные и кожаные. Разумеется, в условиях яйлажного скотоводства и полукочевого образа жизни такие маслoбойки были удобнее, чем глиняные — недостаточно прочные и излишне тяжелые. Деревянные маслoбойки, существующие в настоящее время в Закавказье, представляют собой цилиндрические сосуды, сделанные из выдолбленного ствола дерева прочной породы, длиной обычно от 0,8 до 1,5 м и диаметром от 30 до 50 см. На поверхности цилиндра — круглое отверстие, диаметром примерно от 7 до 10 см; на концах цилиндра набивалось по одному деревянному или металлическому обручу (рис. 12). При сбивании такая маслoбойка подве-

²⁵ Археологический фонд Института истории и философии Академии наук Азербайджанской ССР, находка в кв. 52, № 11/0 662, 1947 г.

²⁶ Т. И. Голубкина. Предварительный научный отчет о поездке в Агджабеды. (Рукопись), 1954, стр. 6.

²⁷ Археологический фонд Института истории и философии Академии наук Азербайджанской ССР, № 20, 1947 г.

²⁸ А. О. Мнацаканян. О раскопках могильников у села Головино (Армения). КСИИМК, вып. XLVI, 1952, стр. 65.

²⁹ А. А. Мартиросян. О древнем поселении и могильнике близ Ленинанкана. КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 109, 110 и рис. 44.

³⁰ Т. Н. Чубинишвили. Древнейшие грунтовые погребения Самтаврского могильника. КСИИМК, вып. XLVI, 1952, стр. 58.

³¹ Alexander Petzhold. Der Kaukasus. Eine naturhistorische sowie land- und volkswirtschaftliche Studie. Leipzig, 1867, стр. 254, 255.

шивалась к дереву или столбам — «ч а т м а» на веревках, и обручи удерживали сосуд от падения, а также увеличивали прочность корпуса. Подвесив маслобойку при помощи веревки или ремня, два человека раскачивали ее из стороны в сторону. Отверстие, через которое наливали молоко и вынимали готовое масло, затыкалось материей. Нет сомнения, что деревянные маслобойки были намного эффективнее, чем глиняные.

Кожаные маслобойки — «тежен» (в виде бурдюка) делались из шкуры мелкого рогатого скота (чаще всего из козжих — наиболее прочных). С содранной шкуры удаляли шерсть. Кожу посыпали солью и высушивали, а затем отмачивали в воде, после чего сшивали, оставляя на месте головы животного отверстие. Через него «тежен» примерно до половины наполняли сливками и отверстие завязывали. Положив маслобойку на ровном месте,

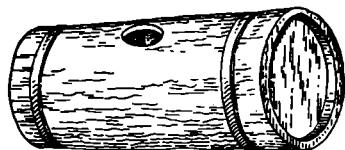

Рис. 12. Современная деревянная маслобойка.

быстро раскачивали ее руками из стороны в сторону в течение определенного времени, необходимого для образования масла. В этих же маслобойках иногда хранили сливки и другие жидкие продукты.

Один из важных моментов — хранение масла. В раскопках найдено много сосудов, но выделить те, которые служили для этой цели, можно только предположительно. Примером может служить сероглиняный сосуд яйцевидной формы, найденный в Мингечауре в кургане № 1³². Высота сосуда достигает 35,5 см, диаметр венчика — 18,5 см, дно — 11 см (рис. 11—4). В недалеком прошлом в Азербайджане такие глиняные сосуды служили именно для хранения масла. Однако чаще всего готовое масло хранили в очищенном желудке животного — «я г г а р и н ы», что способствовало наиболее длительной сохранности и придавало маслу высокое качество. Хранение масла в подобных вместилищах, по-видимому, связано с полукочевой формой скотоводства, возникшей в Азербайджане более 3 тыс. лет тому назад, и следы которой можно видеть сейчас в кочевке на яйлаг.

Кроме масла, население древнего Азербайджана изготовляло и сыр. Об этом свидетельствуют отдельные глиняные сосуды, обнаруженные при раскопках.

Для производства сыра чаще всего применялись тканевые мешки и деревянные сосуды, поэтому, по сравнению с маслобойками, сосуды для изготовления сыра мало известны. К этой группе в первую очередь можно отнести мингечаурский шаровидный глиняный сосуд черно-бурого цвета, сделанный от руки. Дно его плоское с большим количеством отверстий³³. Высота сосуда — 7,5 см, диаметр венчика — 23 см, диаметр дна — 12 см. Сосуд и весь комплекс материала относятся к концу эпохи бронзы. Аналогичный сосуд (примерно того же периода) найден в Ханларском районе. В этих ситах-цедилках изготовляли не только сыр, но, возможно, и творог, (рис. 11 — 5).

³² Археологический фонд Института истории и философии Академии наук Азербайджанской ССР, № 310, находка в кв. X, 1946 г.

³³ Там же, № 692, находка в кв. 52, 1947 г.

Судя по этнографическим данным, такие сосуды и сейчас бытуют в Азербайджане, выполняя те же функции; но теперь они обычно делаются не из глины, а из металла или дерева. Вероятно, массу — «д е л е м е» первоначально получали случайно: молоко, оставленное в теплом месте или на солнце, могло естественно свернуться.

Изготовление сыра как в недавнем прошлом, так и в древности происходило следующим образом. В молоко наливали закваску — «м а я», которая свертывается через определенный период времени. Полученную массу наливали в мешок и отжимали, удаляя воду. После этого массу клали в сосуд с отверстиями, называемый «п е н д и р ч а п ы х ы», и оставляли в нем на некоторое время. Вода вытекала через отверстия, и таким образом получали сыр. Часто, чтобы удалить воду, массу клали просто в мешке на камень или на ровное место. Сыр резали на куски, солили и хранили в шкурах мелкого рогатого скота. Такие шкуры выворачивались наизнанку и зашивались так, чтобы шерсть оказалась с внутренней стороны мешка «м о т а л», который затем плотно набивался сыром. Кожаные мешки для хранения сыра известны в Египте, в древнем царстве³⁴, и свидетельствуют о существовании «мотала» еще в глубокой древности. Не исключена возможность применения их и в Азербайджане в эпоху бронзы. При кочевке на яйлаг этот способ хранения был очень удобен. В условиях оседлой жизни сыр хранился в больших кувшинах.

При сбивании молока получали, кроме масла, сыворотку — «айран», из которой делали творог. Сыворотку в течение определенного времени кипятили на огне, затем массу процеживали через сито и получали «ш о р». После изготовления сыра из оставшейся жидкости — «л е н д и р с у ю» таким же способом делали творог другого вида — «н о р».

Глиняный сосуд на трех ножках с отверстиями в туловище, по-видимому, предназначенный для приготовления творога, был найден А. А. Ивановским в каменном ящике № 38³⁵.

Сито-цедилка, служившая для изготовления творога, обнаружена Е. И. Крупновым в поселении, относящемся к ранней поре скифской культуры, недалеко от Нестеровского могильника³⁶. Правда, эти сосуды по форме отличаются друг от друга, но назначение их, видимо, одинаково.

Все глиняные изделия, служившие для изготовления молочных продуктов в древнем Азербайджане, — предметы местного производства; бытовали они очень долгое время, начиная примерно с конца II тысячелетия до н. э. Аналогичные им сосуды широко употреблялись в низменных и горных районах Азербайджана даже в недавнем прошлом. Они характерны не для какого-нибудь отдельного района, а для всей территории Азербайджана и Закавказья.

---

³⁴ И. М. Лурье. История техники древнего Египта. Сб. «Очерки по истории техники древнего Востока». Л., 1940, стр. 218, рис. 104.

³⁵ А. А. Ивановский — МАК, вып. 6, 1911, стр. 114, табл. XI, рис. 21.

³⁶ Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терек и бассейна р. Сунжи. Труды ГИМ, вып. XVII, 1948, стр. 23, рис. 19.

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. П. ЧЕРНЫШ

МНОГОСЛОЙНАЯ СТОЯНКА МОЛОДОВА 5

Для решения проблемы хронологии позднего палеолита важное значение имеют многослойные памятники, позволяющие стратиграфически проследить особенности развития хозяйства и культуры на протяжении значительного времени и обосновать определенные этапы, ступени развития техники производства.

В отличие от Западной Европы, где хронология этого периода построена на основании стратиграфии многослойных пещерных стоянок, на территории Европейской части СССР, где преобладают памятники так называемого открытого типа, а пещерные стоянки известны лишь в таких районах, как Крым и Кавказ, — материалы стоянок открытого типа являются основным источником для изучения различных этапов позднепалеолитического времени.

В настоящее время проблема хронологии позднего палеолита Европейской части СССР может быть разрешена лишь сопоставлением порайонных хронологических схем, выработанных на основании стратиграфии многослойных памятников отдельных территорий с учетом специфических особенностей каждого района в отдельности и выделением общих черт, свойственных всем позднепалеолитическим памятникам приледниковой зоны. В связи с этим построение местных порайонных периодизаций (на стратиграфической основе) для территорий, наиболее заселенных в позднепалеолитическое время, следует считать одной из первоочередных задач.

За последнее время на территории Европейской части СССР значительно увеличилось количество исследованных путем раскопок многослойных стоянок открытого типа, позволяющих выделить определенные хронологические этапы и уточнить хронологию позднего палеолита этих территорий. Так, например, материалы многослойных стоянок Дона (Костенки 1, 4, 5 и 14, Тельманская стоянка и т. д.) позволяют теперь на основе стратиграфических данных обосновать хронологию позднего палеолита Дона. Этому вопросу уделено большое внимание в последних работах А. Н. Рогачева, П. И. Борисковского и А. П. Окладникова.

На Среднем Поднестровье, — в одном из наиболее ярких по развитию позднепалеолитической культуры районов СССР, — в недавнее время исследованы многослойные стоянки Бабин 1, Вороновица 1, Молодова 1 и 5. Наиболее важна по своему значению среди этих памятников стоянка Молодова 5, которой посвящается настоящая статья.

Эта стоянка открыта в 1948 г., во время разведок палеолитического отряда Днестровской Трипольской экспедиции Института истории материальной культуры Академии наук СССР и Института археологии

Академии наук УССР. В 1951 г. при дальнейших разведочных работах на этом памятнике обнаружен культурный слой.

Стоянка расположена на мысообразном выступе правого берега Днестра у с. Молодова Кельменецкого района Черновицкой области УССР на высоте 50—60 м над современным уровнем Днестра. Во время производившихся автором настоящей статьи в 1951, 1953 и 1954 гг. раскопок исследована площадь размерами 395 кв. м (3 раскопа и 5 шурфов); это позволило открыть на стоянке залегание остатков 11 разновременных стойбищ, хронологически охватывающих промежуток времени от солотуре по мезолит.

При исследованиях обнаружено более 20 000 кремневых находок, остатки фауны, краски, угля и т. д. Остатки разновременных стойбищ

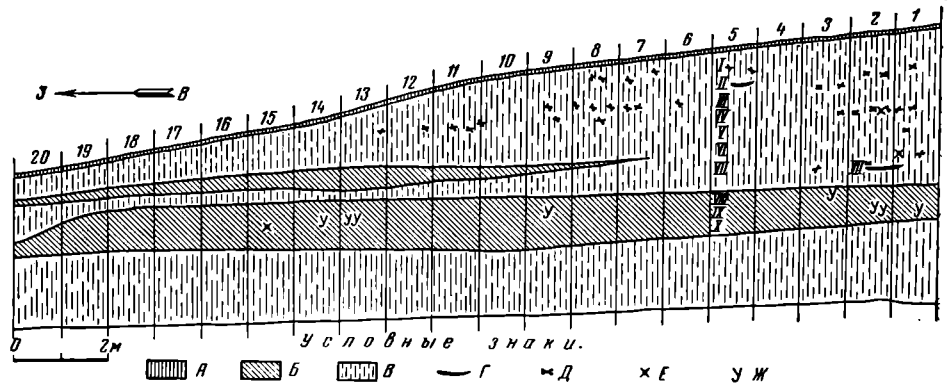

Рис. 13. Разрез южной стенки раскопа 1954 г. на стоянке Молодова 5.

А — чернозем; Б — суглинок шоколадного цвета; В — светло-желтый лёссовидный суглинок; Г — остатки кострищ; Д — кости; Е — кремний; Ж — уголь; И—Х — горизонты.

залегали в лёссовидных суглинках на глубине от 0,4 до 5 м в виде пятен скопления находок и в виде отдельных, разрозненных находок — на остальной площади. Культурные горизонты стоянки лежали последовательно один над другим, но скопления не всегда находились на одних и тех же участках. Древняя поверхность залегания культурных остатков соответственно рельефу снижалась на 4—5°, однако, менее резко, чем современная поверхность. Поэтому на наиболее низких участках склона мыса отмечено выклинивание верхних горизонтов.

Между культурными горизонтами — остатками стойбищ — не наблюдались стерильные прослойки суглинков. В промежуточных слоях встречались отдельные находки, но в них не было пятен скопления.

При раскопках вскрыты следующие напластования (запись по юго-западному углу раскопа А 1954 г.; рис. 13): 0—0,2 м — почвенный слой, 0,2—3,65 м — светло-желтый суглинок, 3,65—4,35 м — суглинок шоколадного цвета, 4,35—6,25 м — светло-желтый суглинок. В однородных по составу суглинках прослеживались зоны потемнений, свидетельствующие о периодах увлажнений, когда развивалась растительность¹.

На стоянке сделаны наблюдения над десятью культурными горизонтами². Наиболее низкий горизонт культурных остатков — десятый — встречен в лёссовидных суглинках на глубине 4,5—4,9 м.

¹ В 1954 г. геологические залегания стоянки изучала И. К. Иванова.

² Подробное описание их см. А. П. Черныш «Краткие итоги исследований позднего палеолита Среднего Поднестровья». Труды Комиссии по изучению четвертичного периода, вып. XIII, 1957 г., стр. 319—322.

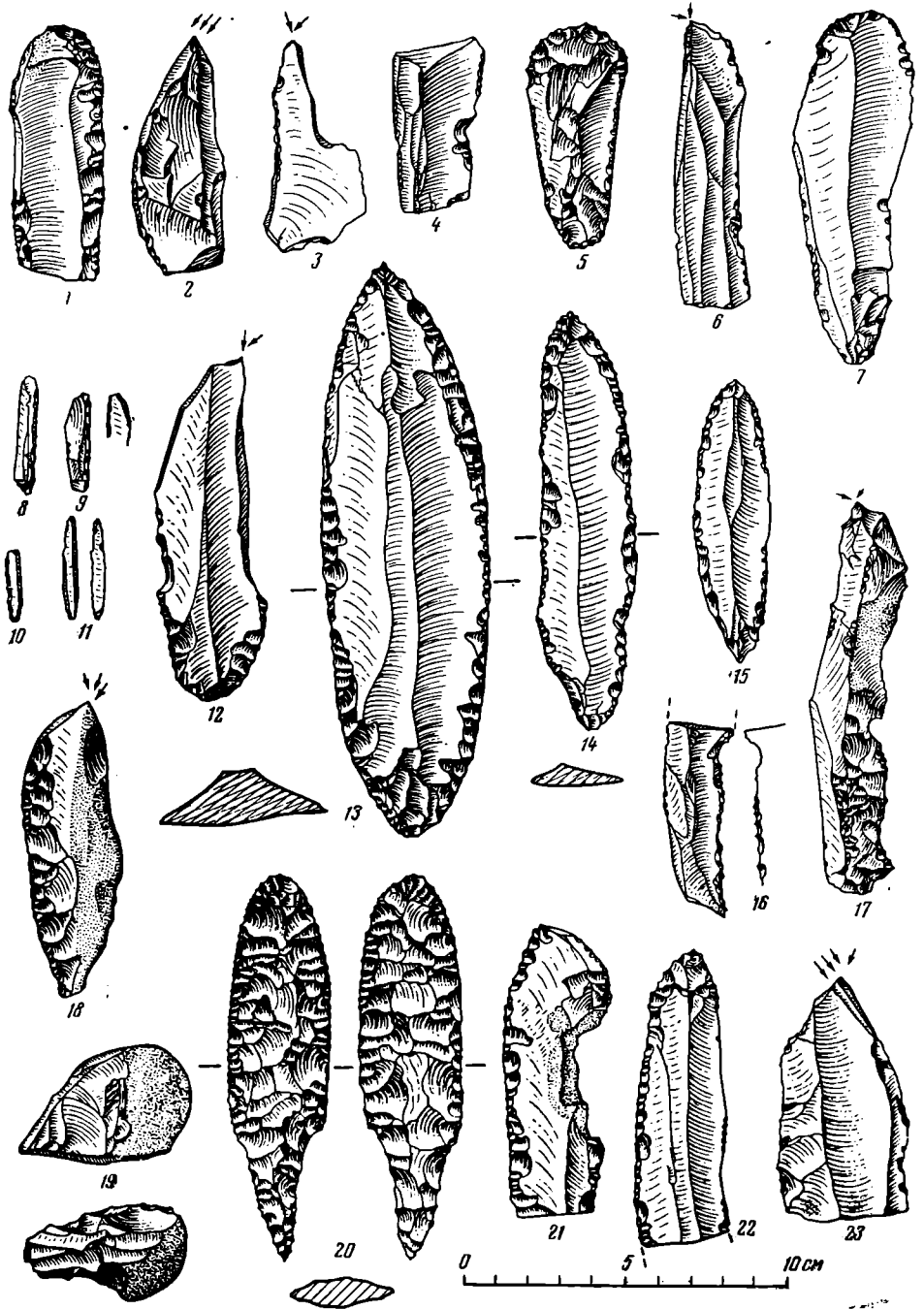

Рис. 14. Кремневые орудия из горизонта X стоянки Молодова 5.

1, 5, 7 — скребки; 2, 3, 6, 12, 17, 18, 23 — резцы; 4, 16 — обломки пластинок с небольшими отретушированными выемками; 8—10 — пластины с притупленным краем; 11 — игольчатое острие; 13—15 — двойные острия — наконечники копий и дротиков; 19 — пуклевидное орудие; 20 — наконечник с двусторонней обработкой плоской ретушью; 21 — пошевидное орудие; 22 — обломок острия.

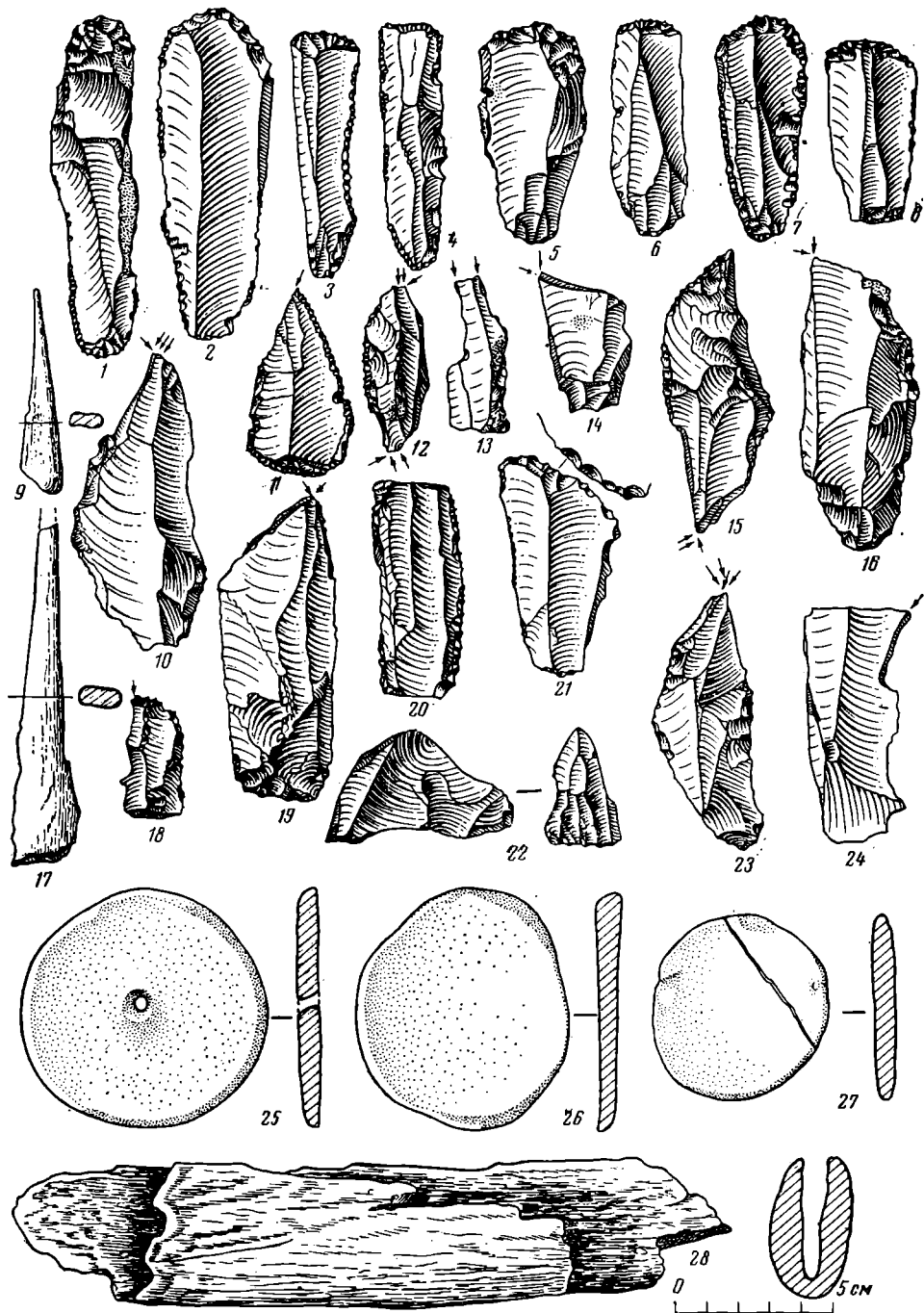

Рис. 15. Находки из горизонтов VII и VIII стоянки Молодова 5.

1—8 — скребки; 9, 17 — проколки из кости; 10, 12—16, 18, 19, 23, 24 — резцы; 11 — скребок-резец; 20 — ножевидное орудие; 21 — пластинка со сложенным краем; 22 — нуклеидное орудие; 25—27 — отшлифованные кружочки из песчаника; 28 — ребро мамонта, снабженное прорезью для вставки крупных кремневых вкладышей (1—21, 23—28 — из горизонта VII; 22 — из горизонта VIII).

Материалы горизонта X можно отнести ко времени верхних слоев Костенки 4 и Тельманской, т. е. к памятникам солютрейского типа (рис. 14). В горизонте IX кремневый инвентарь аналогичен предыдущему, но в нем отсутствовали орудия с двухсторонней обработкой поверхности плоской ретушью. Материалы горизонта VIII относятся ко времени таких памятников, как Костенки I (верхний слой), Авдеевка, Гагарино, Пушкари I и др. — к костенковскому этапу позднего палеолита, т. е. к концу солютре (рис. 15). В отличие от фауны 3-х нижележащих горизон-

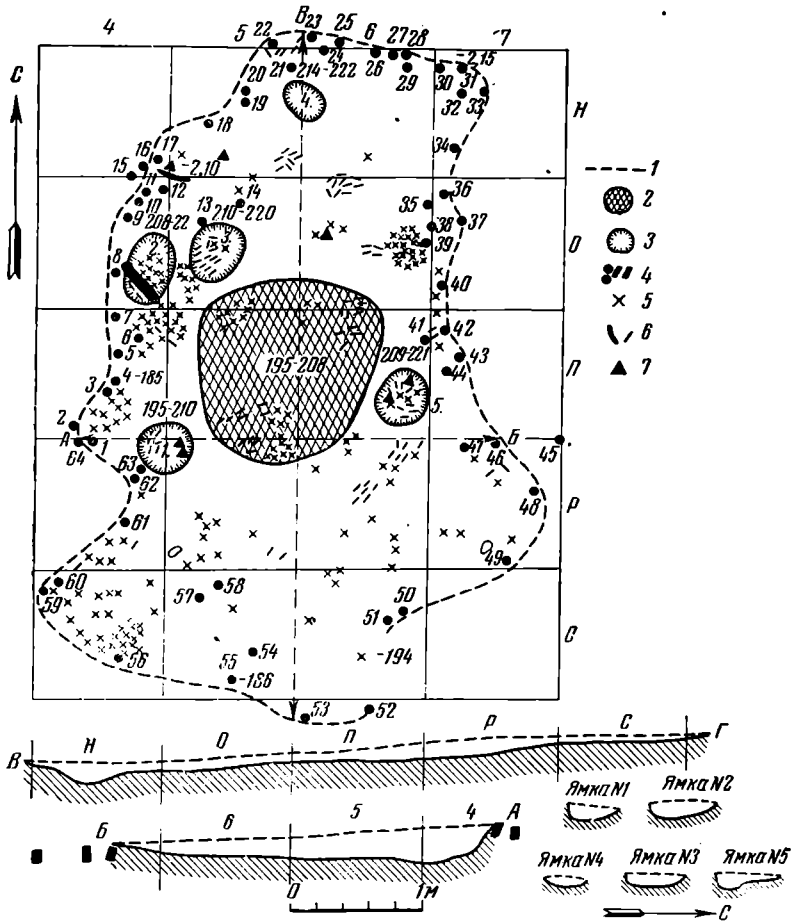

Рис. 16. План и разрезы жилища на стоянке Молодова 5 (горизонт III).

1 — граница жилища; 2 — кострища; 3 — ямки; 4 — ямки от основания жердей;
5 — кремний; 6 — кости; 7 — орудия.

тов, где больше всего было костей лошади и северного оленя, в горизонте VII преобладали кости северного оленя, составлявшие 44% от всей фауны (по количеству особей)³. Материалы горизонта VII можно отнести ко времени конца солютре. Об этом свидетельствуют и стратиграфическое положение горизонта, и заметное уменьшение признаков техники ранней поры позднего палеолита. Материалы горизонта VI одновременны таким памятникам, как Костенки 2 и 3, Новгород-Северский, Тимоновка, Кирилловская (нижний горизонт) — т. е. относятся к раннему мадлену. Ма-

³ Фауну из раскопок 1951 и 1953 гг. определял И. Г. Пидопличко, а из раскопок 1954 г. — Э. А. Вангенгейм.

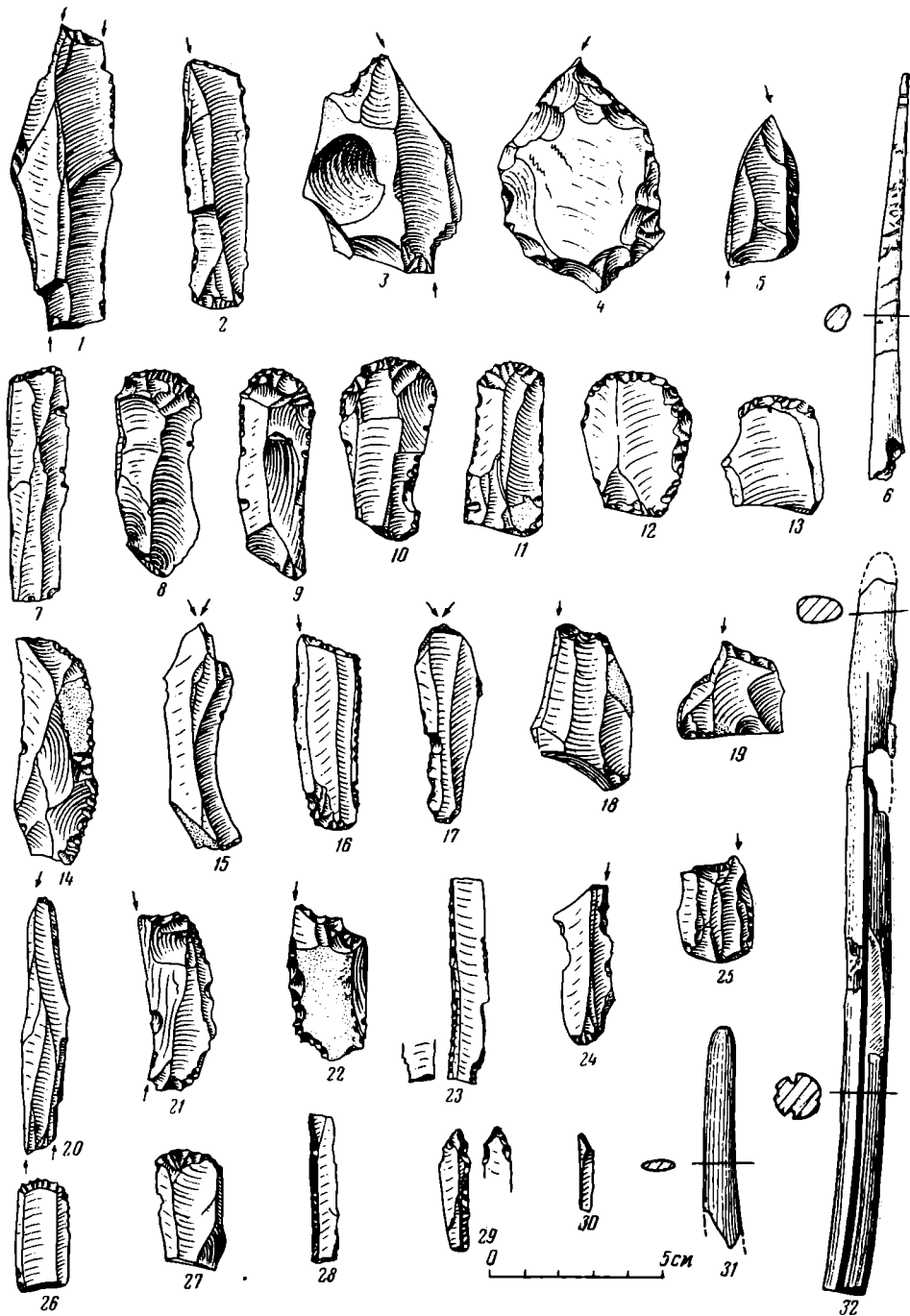

Рис. 17. Находки из горизонта III стоянки Молодова 5.

1—5, 15—22, 24, 25 — резцы; 6 — обломок проколки из кости; 7—13, 26, 27 — скребки; 14 — пластинка с ретушью; 23, 28—30 — пластинки с притупленным ретушью краем; 31 — обломок костяной пластинки; 32 — фрагмент наконечника из бивня мамонта с двумя прорезями для вкладышей.

териалы горизонта V относятся к среднемадленскому времени — ко времени таких памятников, как Карачарово, Чулатово I; материалы горизонта IV к позднемадленскому времени (к гонцовскому этапу позднего палеолита). В горизонте III встречены остатки, овального по форме, постоянного жилища размерами 5,3 × 3 м, окаймлявшегося следами 64 жердей диаметрами 4—5 см. В центре жилища находилось очажное пятно, а по краям — ямки (рис. 16). За пределами жилища встречено 13 кострищ. Материалы горизонта III (рис. 17) относятся к тому же гонцовскому времени, но к несколько более поздней поре. Об этом свидетельствует более высокое залегание горизонта по сравнению с предшествующим. Кремневый инвентарь горизонта II близок инвентарю предшествующего, но он более поздний по времени — конца мадленской поры палеолита.

Горизонт Ia на стоянке был прослежен в 1954 г. на глубине 0,9—1,1 м лишь в юго-западной части раскопа Б. Встречены остатки 3 очажных пятен, обломки костей животных, кремневые поделки и отбросы. Для кремневого инвентаря характерны небольшие размеры орудий, нуклеусов.

Между находок отметим обломки рогов оленя со следами продольного разрезывания, но особый интерес вызывает оригинальный по форме гарпун с 2 рядами зубьев по краям, шипом на внешней стороне и отверстием на нижнем конце. Внешняя поверхность орнаментирована: заметны поперечно пересекающие орудие нарезные тонкие параллельные и зигзагообразные линии. Таких поясков орнамента — пять. По форме гарпун наиболее близок гарпунам азильского времени⁴. Фауна: северный олень (4 особи), лошадь, зубр, благородный олень (по 1 особи). Материалы горизонта можно отнести к ранней поре мезолитического времени.

Выше, на глубине 0,5—0,8 м залегал горизонт I. В нем материалы концентрировались в юго-западной части исследованного участка, вокруг остатков 3 кострищ. Здесь обнаружены мелкий кремневый инвентарь, большое количество орудий на отщепях и обломках, небольшие скребки с притупленными ретушью краями на массивных ребристых сколах, резцы на сегментообразно отретушированных пластинках и отщепях, мелкие пластинки с боковыми выемками, острия со скошенными ретушью краями, нуклеусы, близкие к ладьевидной и карандашевидной форме и плоские нуклеусы (рис. 18). В числе поделок из кости и рога встречены выпрямитель из рога оленя, наконечник с односторонней прорезью, рога оленя со следами продольного распиливания, обломки гарпуна.

Фауна: северный олень (27 особей), лошадь (3 особи), зубр (2 особи), заяц и благородный олень (по 1 особи). Кроме того, здесь прослежены остатки ракушек *Helix*. Время горизонта I — время Гварджилас Клде, Сюрени 2, нижних слоев Шан-Кобы и Замиль-Кобы, хотя типичных орудий-сегментов здесь не встречено.

Как мы видим, многослойная стоянка Молодова 5 свидетельствует о почти непрерывном обитании охотничьих общин на этом участке. Культурные остатки сохранились в виде более интенсивных (горизонты I, Ia, III, IV, V, VII) или менее выраженных скоплений кремневых орудий и находок фауны вокруг очажных пятен. Материалы раскопок позволяют заключить, что между разновременными стоянками была определенная генетическая преемственность: употреблялся тот же кремнь, долго бытовали те же самые типы орудий (что объясняется одним и тем же охотничьим образом жизни на протяжении длительного времени), орудия изготовлялись, главным образом, из пластинок (кроме верхних 2 горизонтов). Но данные раскопок также свидетельствуют об определенной разнице между горизонтами, более четкой при сравнении материалов верхних и ниж-

⁴ А. П. Черныш. Новые находки со стоянки Молодова 5. КСИИМК, вып. 63, 1956.

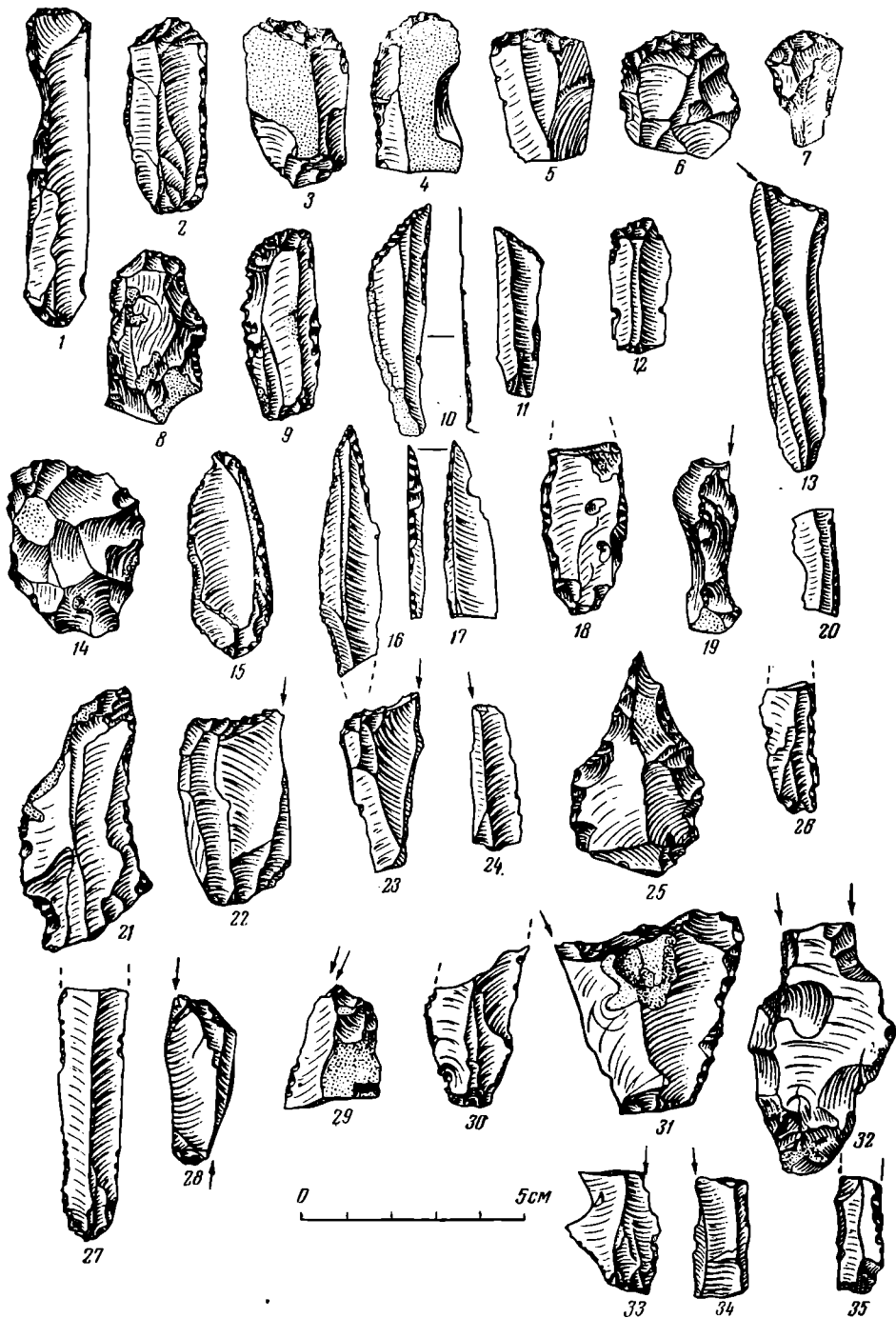

Рис. 18. Кремневые поделки из горизонта I стоянки Молодова 5.

1—8, 12 — скребки на пластинках и отщепках; 9 — массивное орудие со скошенным краем; 10, 11, 17 — остряки со скошенным краем; 13, 19, 22—24, 28, 29, 31—34 — резцы; 14 — нуклеус; 15 — орудие с дугообразным краем; 16 — двойное остряк; 25 — проколка; 18, 20, 27, 30 — фрагменты пластинок с ретушью; 21 — остряк; 26, 35 — фрагменты пластинок с мелкими отретушированными выемками.

них слоев и менее четкой, почти незаметной при сравнении близлежащих горизонтов. В кремневом инвентаре стоянки наблюдается уменьшение размеров изделий (микролитизация) — нуклеусов, пластинок и орудий, которое прогрессирует от нижних слоев к верхним (средние размеры кремневых орудий нижних слоев — 10—12 см, а верхних — 3—4 см), появление микроскребок, небольших орудий с сегментообразно отретушированным краем, мелких острий со скошенным краем, узких скребков на ребристых сколах с притупленными ретушью краями. Орудия последней формы были встречены только в горизонте I.

Материалы стоянки позволяют проследить процесс постепенного исчезновения плоской отжимной ретуши, известной по материалам нижних горизонтов, и процесс усовершенствования техники обработки кости и рога. Так, например, впервые зафиксированная в горизонте VII техника изготовления продольных рукояток из ребер животных развивается дальше. Об этом свидетельствуют ребра с прорезями, найденные в верхних горизонтах. Прорези делались двусторонние. Это были уже весьма сложные рукоятки.

Материалы стоянки удостоверяют и появление в конце палеолита техники производства костяных наконечников с двойными прорезями для мелких кремневых вкладышей. По-видимому, такие наконечники полностью заменили кремневые с плоской отжимной ретушью, бытовавшие в нижних горизонтах. Наличие в верхних горизонтах гарпунов — также показатель развития техники производства.

Об одновременном развитии всей культуры ископаемого человека позднепалеолитического времени свидетельствуют такие сложные по устройству изделия, как «флейты» из горизонтов IV и II.

Материалы стоянки свидетельствуют о процессе изменения животного мира без воздействия человека. Так, например, если в нижних горизонтах наблюдается преобладание костей лошади и северного оленя, при существовании носорога и мамонта, то в дальнейшем исчезают сначала носорог, затем мамонт. На протяжении всех периодов существования стоянки, особенно в верхних слоях, встречено больше всего костей северного оленя. Наличие в верхних слоях значительного количества костей северного оленя — показатель усиливавшегося в конце палеолита похолодания.

Материалы стоянки подтверждают существование на всех отрезках позднепалеолитического времени крупных кремневых орудий для рубки, имеющих дисковидную или овальную форму.

Стоянка Молодова 5 позволяет также проследить некоторые своеобразные черты инвентаря: продольные рукоятки из ребер, встреченные в горизонтах VII, VI, IV, III и II, пока не известны в позднепалеолитических стоянках; кремневый наконечник из горизонта X по форме не имеет прямых аналогий; полуовальная плиточка сланца с нарезками по краю (горизонт VI) и гарпун (горизонт Ia) прямых аналогий также не имеют. Все это — определенный показатель некоторого своеобразия инвентаря стоянки, хотя массовый материал находит аналогии в комплексах других памятников соответствующего времени приледниковой зоны.

Материалы стоянки неопровержимо доказывают, что так называемая солотрейская техника предшествовала мадленской, а не сосуществовала с ней. Поэтому гипотезы о сосуществовании и той, и другой техники для района Поднепровья неприменимы.

Стратиграфическая колонка многослойной стоянки Молодова 5 является убедительным и ярким примером процесса непрерывного развития производительных сил в течение всего периода от времени существования памятников, для инвентаря которых характерна плоская отжимная ретушь, до поры, когда начали изготавливаться гарпуны с отверстием на нижнем конце.

И. И. ГОХМАН

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА «ПЕЩЕРА» НА БУХТАРМЕ

Пещера, описанная впервые Г. Спасским¹, находится на восточной окраине деревни с одноименным названием в Бухтарминском районе Восточно-Казахстанской области. В результате раскопок в 1950, 1952 и 1953 гг.² вскрыто около 130 кв. м площади перед пещерой и найдено небольшое количество каменных орудий, отщепов и несколько костей животных. Однако ясно выраженный культурный слой не обнаружен. На основании изучения этих материалов был установлен палеолитический возраст местонахождения³, что уже само по себе представляет большой интерес, так как это первая находка палеолита в Казахстане.

Задачей палеолитического отряда Восточно-Казахстанской экспедиции в 1954 г. было завершение полевого исследования стоянки «Пещера»⁴.

Пещера — карстового происхождения; она образовалась в известняковом карбованого возраста массиве, к которому примыкает вторая аллювиальная терраса р. Бухтармы.

Пещера расположена на правом берегу р. Бухтармы, в 1,5 км от современного русла, уровень которого ниже пещеры не менее чем на 30 м. Вероятно, раньше река протекала в непосредственной близости от пещеры. На это указывают галечные прослойки, обнаруженные в шурфе, заложенном в южном направлении на расстоянии 16 м от пещеры, причем прослойки начались на глубине 9 м от ее современного пола.

Пещера обращена входом на запад и состоит из двух гротов — Большого, правого и Малого, левого, которые объединены общим, частично обвалившимся навесом. Большой грот — узкий (1,5—2 м), но высокий (4—5 м), в разрезе — овальной формы. Перед входом в него пол каменистый, а на расстоянии 4—5 м от входа перекрыт мягким земляным слоем, представляющим, по-видимому, продукты разрушения пещеры. Заложенный здесь шурф никаких находок не дал⁵. Ширина Малого грота — 4 м. Пол ровный,

¹ Г. С п а с с к и й. Сибирские древности. Сибирский вестник, 1, 1818.

² В 1950 г. раскопками руководил С. С. Черников, в 1952 и 1953 гг. — Э. Р. Рыгдылон, работавший в составе Восточно-Казахстанской экспедиции под руководством С. С. Черникова.

³ С. С. Черников. Находка палеолитических стоянок в Восточном Казахстане. Вестник Академии наук Казахской ССР, 1951, № 12, стр. 64—66; е го же. Восточно-Казахстанская экспедиция 1950 года. КСИИМК, вып. XLVIII, 1952, стр. 81—84.

⁴ Экспедиция была организована ЛОИИМК совместно с Институтом истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР. Начальник экспедиции — С. С. Черников. В работе принимали участие студенты-практиканты Ленинградского университета им. А. А. Жданова, Ленинградского художественного училища им. Штиглица и Усть-Каменогорского педагогического института. Руководил раскопками И. И. Гохман.

⁵ С. С. Черников. Находка палеолитических стоянок..., стр. 64.

занесен толстым слоем почвы и современного мусора, так что высота свода у входа до начала раскопок не превышала 1,5 м. Грот переходит в узкий и низкий коридор, который в 6 м от начала разделяется на 2 рукава (рис. 19).

В 1954 г. раскопки производились под навесом по обе стороны разведочного раскопа 1950 г. и на площади Малого грота⁶. Вскрыто около 80 кв. м. Работы на площадке перед гротами не дали ничего нового по сравнению с предыдущими годами. Глубина раскопов — от 0,3 м у входа в гроты до 2,5—3 м у юго-западного края, примыкающего к месту работ 1953 г. Материковая скала всюду перекрывается желтоватым аллювиальным суглинком, перемешанным с щебенкой и известняковыми глыбами, которые в отдельных случаях очень велики. В этом слое залежали все многочисленны культурные остатки: несколько кремневых отщепов, расколотые гальки, отдельные кости животных и угольки. Известняковые глыбы, несомненно, свалились со свода навеса. Об этом свидетельствуют их гладкие, выветрившиеся стенки, причем палеолитические обитатели пещеры были здесь до обвала, так как несколько отщепов и угольков обнаружены под глыбой объемом не менее 3 куб. м.

Желтоватый суглинок перекрывался сверху сероватой, перемешанной с щебенкой супесью, наибольшая мощность которой в юго-западном углу раскопа — 0,9 м, и сравнительно тонким (0,15—0,3 м) почвенным слоем. Оба слоя никаких культурных остатков не содержали. Площадка перед пещерой была очищена полностью. Скала образует склон в юго-западном направлении, а на расстоянии 8 м от грота резко, почти под прямым углом обрывается вниз.

Наиболее интересные результаты получены при раскопках в Малом гроте. После уборки толстого слоя современного мусора и почвенного слоя, толщина которого достигала 0,25—0,3 м, выяснилось, что грот книзу расширяется, образуя ровную поверхность площадью 22 кв. м. В почвенном слое собраны отдельные расколотые кости животных хорошей сохранности и несколько фрагментов андроновской керамики.

Слой, залегающий под почвенным, оказался неоднородным. К южной стенке примыкал желтый суглинок на протяжении 3,5 м, расширяясь до 1,5 м (рис. 20). Остальную часть грота покрывал коричневатый супесочный слой. Оба слоя содержали небольшое количество щебенки. Как выяснилось позднее, желтый суглинок выстилал почти всю поверхность известнякового пола. Коричневая супесь покрывала наиболее глубокие части грота, заполняя впадины, выравнивая поверхность. Оба слоя обильно насыщены культурными остатками; основная их часть залежала в суглинке и примыкавших к нему нижних слоях коричневой супеси.

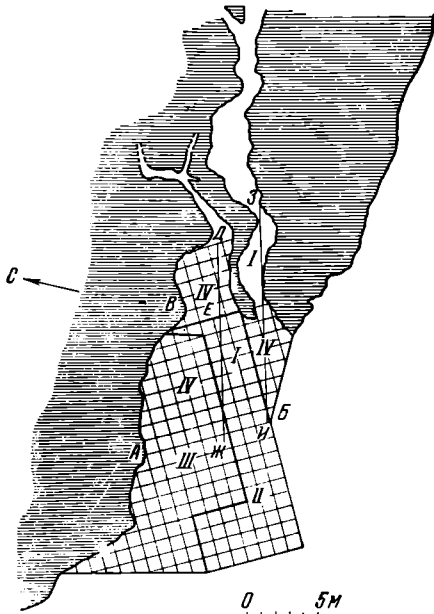

Рис. 19. Сводный план раскопа.

Раскопы: I — 1950 г.; II — 1952 г.;
III — 1953 г.; IV — 1954 г.

⁶ Раскоп 1950 г. был полностью засыпан. Работы были начаты с расчистки старого раскопа.

Наибольшей мощности (0,8 м) культурный слой достигал в углублениях, образуемых полом пещеры. В остальных частях его толщина не превышала 0,5 м. Разделить культурный слой на какие-либо горизонты по характеру находок оказалось невозможным.

Среди находок преобладали кости животных, большая часть которых расколота рукой человека с целью извлечения костного мозга. Целых костей немного. Преимущественно это позвонки и кости ног. Много обломков челюстей и отдельных зубов хищников и травоядных.

При углублении раскопа обнаружилось, что к южной стенке грота приоткрылся сквозной проход, образованный перемычкой скалы и являвшийся

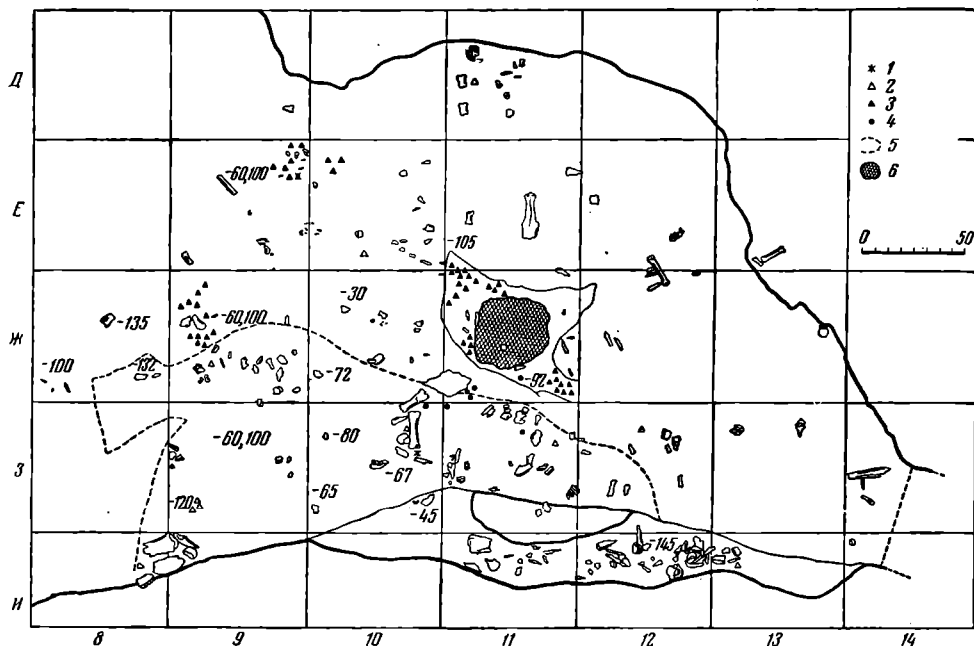

Рис. 20. План раскопа Малого грота.

1 — охра; 2 — заповириванная кость; 3 — уголь; 4 — обгоревшие кости; 5 — граница лёссового суглинки; 6 — очаг.

как бы продолжением уходившего в глубь горы коридора. Ширина прохода — 0,5 м, высота — 0,78 м. В проходе оказалось крупное скопление костей бизона. Большая часть костей расколота рукой человека. Некоторые кости располагались в анатомическом порядке.

Рядом с проходом, по другую сторону перемычки, на площади около 1 кв. м также находилось скопление костей животных.

В центре грота, в углублении скалы на глубине 0,8 м обнаружены остатки очага — зольное пятно диаметром 0,6—0,7 м, толщиной 0,2—0,25 м. В профиле пятно имело форму линзы и разделялось двумя тонкими стерильными прослойками. Края его несколько расплывчаты. Отдельные угольки и пережженные косточки встречались за границами центра кострища в пределах 1,2 м. Два больших камня, ограничивавших очаг с запада, и стенки углубления до самого выхода из грота были обожжены и имели следы закопченности. В двух местах встречены маленькие кусочки красной охры.

Кремневый инвентарь беден. За все время раскопок в пещере найдено около 50 орудий и отщепов; из них в 1954 г. — 17, в Малом гроте — 12. Все орудия изготовлены из черной и зеленоватой кремнистой породы, в изоби-

лии встречающейся в галечниках Иртыша и Бухтармы. Следов окатанности и патины на орудиях нет. Некоторые из них покрыты известковым натеком.

Среди орудий наиболее интересны: небольшое скребло с рабочим краем овальной формы, обработанным грубоватой крупной ретушью (рис. 21 — 1);

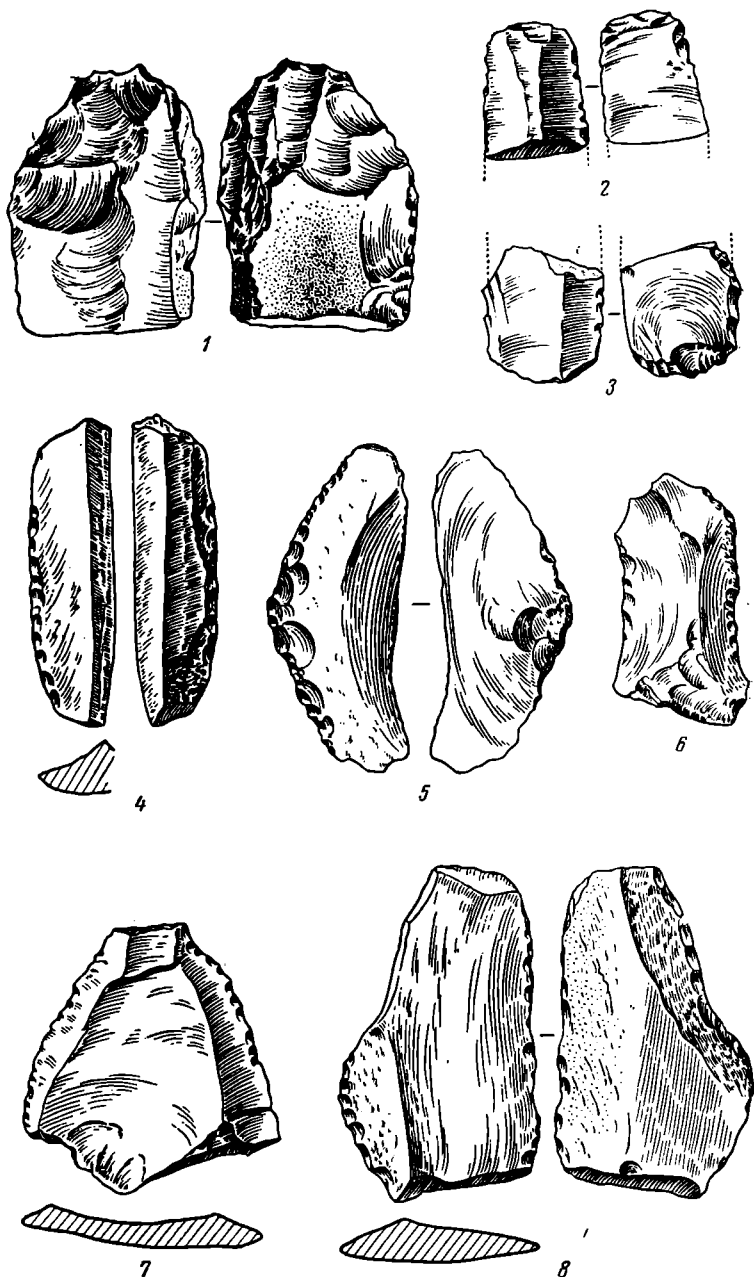

Рис. 21. Кремневые орудия из Малого грота.

1 — скребло; 2, 3 — скребки; 4, 5 — ножевидные орудия; 6—8 — отщепы.

2 скребка, изготовленных на сечениях массивных пластинок (рис. 21 — 2, 3); ножевидные орудия с отретушированным рабочим краем (рис. 21 — 4, 5); отщепы с ретушью по краю (рис. 21 — 6, 8). Обращает на себя внимание

грубый, архаического типа отщеп (рис. 21—7). Это пластинка треугольной формы с подправленными ретушью краями, крупным ударным бугорком и косо направленной по отношению к оси отщепа ударной площадкой.

В малом гроте встречено много осколков костей с гладко заполированной поверхностью. По мнению С. А. Семенова, исследовавшего эти находки, заполировка не была результатом употребления их в дело человеком. Спиралеобразные следы на заполированной поверхности — золотого происхождения, что вполне согласуется с наблюдаемой картиной работы ветра в гроте. Таким образом, орудий из кости в пещере нет.

Несмотря на скудость кремневого инвентаря, стоянка может быть датирована поздней порой палеолитического времени. Такая датировка подтверждается характером сопровождающей фауны. Исследовавшим кости животных Н. К. Верещагиным определено 15 видов млекопитающих. Из общего числа определяемых костей почти 50% принадлежат остаткам лошади (*Equus caballus fossilis* L.) и первобытному быку или бизону (*Bos auf Bison*). Около 20% костей принадлежат архару (*Ovis cf. amman* L.). Кроме того, в гроте найдены остатки мамонта (*Elephas* sp.), носорога (*Rhinoceros* sp.), оленя (*Cervus elaphus* L.), кулана (*Equus cf. hemionius* Tall.), джейрана (*Gazella cf. sulutturasa* Güld.), бурого медведя (*Ursus arctor* L.), волка (*Canis lupus* L.), барсука (*Meles meles* L.), лисицы (*Vulpes vulpes* L.) и сурка (*Marmota cf. bobac*). Весьма интересно наличие костей пещерной гиены (*Hyaena crocuta spelaea* Goldf.) и верблюда Кноблоха (*Camelus knoblochi* Nahr). Интересно отметить полное отсутствие арктических видов фауны.

Характер культурного слоя, немногочисленность кремневого инвентаря, производящего впечатление случайно утерянного или брошенного, приводят к выводу, что в пещере находилось временное, периодически посещаемое, охотничье стойбище палеолитических людей. Этот вывод подтверждается небольшой площадью Малого грота, покатостью площадки перед гротами, господствующими здесь сильными ветрами, делающими пещеру неудобной для постоянного жилья. Скудость кремневого материала не позволяет провести детальный сравнительно-морфологический анализ для выяснения точного — хронологического и культурного — места стоянки. Однако мы можем сказать, что стоянка «Пещера» относится к кругу памятников сибирского палеолита, судя по фауне, — к его средней поре. Этот вывод не исключает возможности своеобразного развития палеолитической культуры в Казахстане.

Значение стоянки «Пещера» заключается в том, что она доказывает сравнительно раннее заселение человеком обширных пространств Казахстана и ставит ряд важных теоретических вопросов о путях расселения первобытных охотничьих коллективов и развитии их культуры. Но для выяснения этих вопросов необходимы дальнейшие поиски и исследования новых палеолитических стоянок.

Г. Ф. КОРОБКОВА

ТАРДЕНУАЗСКАЯ СТОЯНКА ГРЕБЕНИКИ В НИЖНЕМ
ПОДНЕСТРОВЬЕ

В 1954 г. Тираспольским палеолитическим отрядом Института истории материальной культуры Академии наук СССР, под руководством П. И. Борисковского¹, у с. Гребеников в Нижнем Поднестровье была обнаружена тарденуазская стоянка с типичным кремневым инвентарем микролитического облика. Гребениковская стоянка очень интересна как первый и пока единственный памятник на территории Поднестровья, давший целые серии геометрических микролитов.

Стоянка находится на территории Велико-Михайловского района Одесской области в 5 км к северо-западу от с. Гребеников и в 14 км к северо-востоку от Тирасполя, в местности, носящей название Барбанягры, на пологих склонах одного из отрогов большого оврага, впадающего в балку Бурсук (по-местному — Полубоковая криница). Как и большинство мезолитических поселений, стоянка Гребеники занимала сравнительно небольшую площадь — около 4000 кв. м.

Наши исследования ограничивались, главным образом, сбором подъемного материала. В разведочных шурфах не обнаружен культурный слой; найдены лишь единичные кремни, встречавшиеся на разной глубине. По-видимому, культурный слой залегал неглубоко, в почвенном или подпочвенном горизонтах, и поэтому подвергся разрушению под действием дождей, талых вод и ветров.

Подъемный же материал оказался довольно многочисленным. Он представлен карандашевидными и плоскими нуклеусами, микролитическими трапециями, единичными сегментами, миниатюрными круглыми скребочками, микропластинками, их сечениями, огромным количеством осколков, отщепов, пластинок и желваков кремня. В коллекции насчитывается около 3 тысяч кремней. Материалом для изготовления орудий служил меловой кремль серых оттенков. Нередко поверхность его покрыта голубоватой, а иногда белой патиной. Из всех кремней, собранных на поверхности, около 30% принадлежат различного рода орудиям и примерно 70% составляют отбросы производства.

Нуклеусы (78 экземпляров). Одни из них плоские, другие — карандашевидные. Длина их — 2—6 см, ширина — 1,5—4,5 см. Ударные площадки, как правило, располагаются на одном конце, реже — на двух. Плоские нуклеусы имеют обычно одностороннее ограничение, другая же сторона сохранила следы валунной корки. Замечательны правильностью своих

¹ В работе отряда принимали участие Л. П. Хлобыстин и Г. Ф. Коробкова.

очертаний карандашевидные нуклеусы. Обычно такие нуклеусы имеют круговое ограничение и сильно сработаны (рис. 22 — 1—5).

Скребки (110 экземпляров). Изготовлены на отщепках, пластинках и осколках мелового кремня (рис. 22 — 6, 7; рис. 23). Преобладают круглые и овальные, довольно толстые скребки с крутой ретушью по рабочему краю (рис. 23), а также миниатюрные круглые скребочки микролитического облика (рис. 24, 1—8). Единицами встречаются концевые скребки на удлиненных пластинках.

Пластинки с ретушью (около 30 экземпляров). Они очень малых размеров — длиной от 1,5 до 3 см и шириной от 0,3 до 1,5 см.

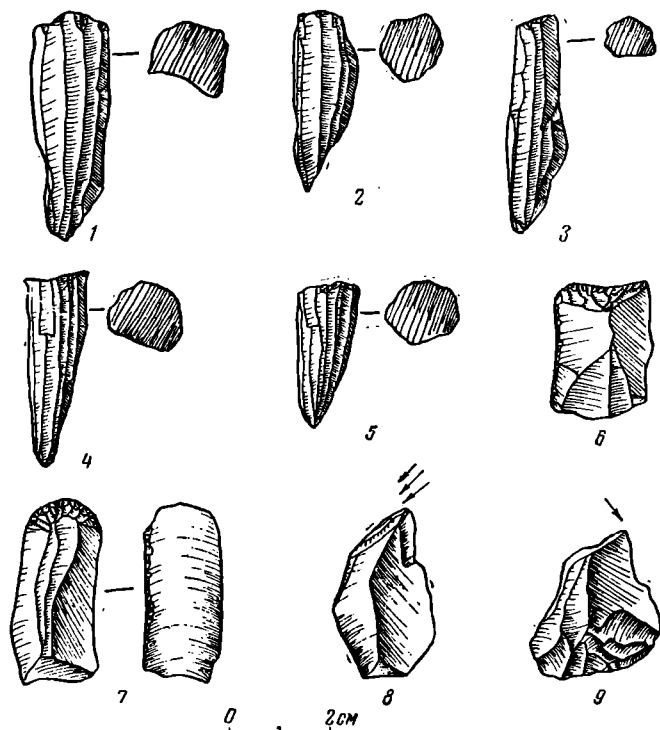

Рис. 22. Находки со стоянки Гребеники.

1—5 — карандашевидные нуклеусы; 6, 7 — концевые скребки; 8, 9 — резцы.

В большом количестве собраны пластинки правильных призматических очертаний, не имеющие ретуши. Их многочисленность и правильность очертаний позволяют предполагать, что большинство пластинок, как и в других мезолитических стоянках, употреблялось в качестве режущих орудий.

Резцы. Найдены только 2 экземпляра и краевой отщеп резца, напоминающие типичные позднепалеолитические резцы. Все они весьма небольших размеров — длиной 2,5 — 3 см и шириной 2—2,5 см (рис. 22 — 8, 9). Наличие резцов в составе коллекции, возможно, свидетельствует о том, что обитатели Гребениковской стоянки долгое время сохраняли позднепалеолитические традиции в технике и форме изготовления орудий. Об этом же, вероятно, свидетельствуют и находки двух небольших остриев с асимметричным и симметричным жальцами, сформованными мелкой крутой ретушью по краю орудий.

Геометрические микролиты. Представлены в коллекции трапециями в количестве 25 экземпляров (вместе с их осколками). Они отли-

чаются правильностью очертаний, тщательностью обработки и миниатюрными размерами (длина — 1—18 см и высота — 0,5—0,7 см). Все они изготовлены на сечениях миниатюрных кремневых пластинок (рис. 24 — 11—21). По форме трапеции можно разделить на симметричные и асимметричные орудия с вытянутыми и слегка заостренными концами. Ретушь проходит лишь по самому краю боковых граней трапеций.

По мнению С. Н. Бибилова, орудия типа трапеций могли употребляться только в виде вкладышей метательных орудий либо выполнять роль составных режущих лезвий².

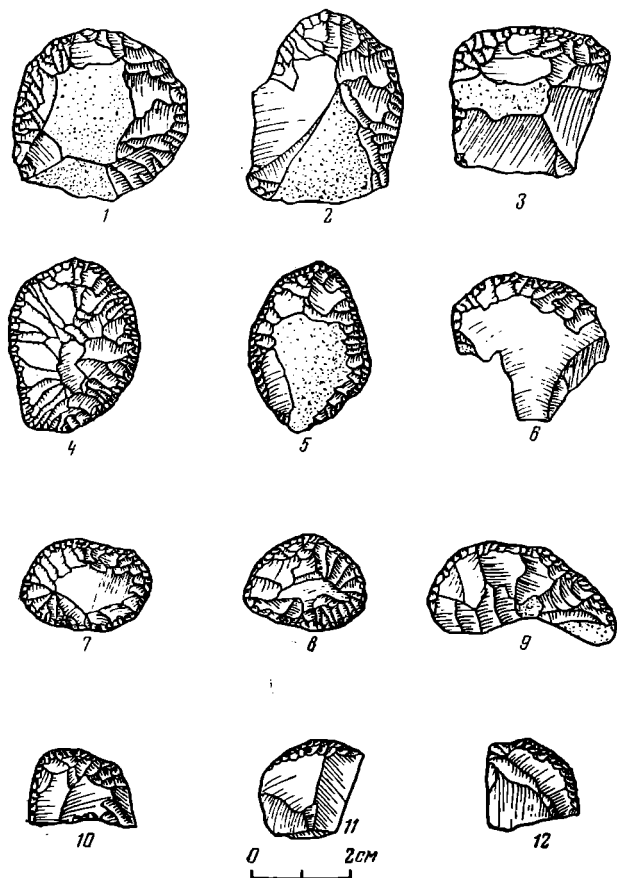

Рис. 23. Скрепки со стоянки Гребеники (1—12).

Техника обработки кремневого инвентаря Гребениковской стоянки и типы орудий сближают ее с тарденуазскими комплексами крымских стоянок: гrotом Мурзак-Коба, II—III слоями Шан-Кобы, Фатьма-Кобы, верхним горизонтом Замиль-Кобы № 1 и другими крымскими тарденуазскими местонахождениями. Сближает эти стоянки и исключительная отчетливость в оформлении миниатюрных геометрических орудий.

Наличие на Гребениковской стоянке карандашевидных и плоских нуклеусов, встречающихся обычно уже в поздних тарденуазских слоях, уменьшение числа резцов, сокращение размеров круглых скребочков — позволяют отнести Гребениковскую стоянку к позднему тарденуазу. Огромное

² С. Н. Бибилов. К вопросу о неолите в Крыму. КСИИМК, вып. IV, 1940, стр. 29.

количество отщепов, пластинок без ретуши, осколков, чешуек кремня указывает на то, что кремневый материал Гребеников обрабатывался на месте поселения, а не приносился в готовом виде. Многочисленные отбросы производства дают возможность предположить, что стоянка не была временным стойбищем какого-то племени, а представляла собой поселение постоянного типа.

Следует отметить такую локальную особенность Гребениковской стоянки, как наличие в коллекции большого количества карандашевидных нуклеусов. В других тарденуазских стоянках, в частности — крымских, они встречаются буквально единицами.

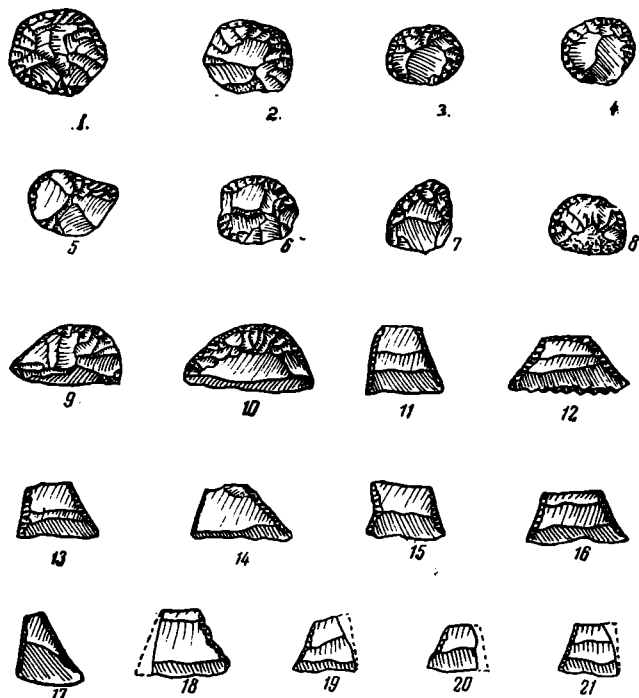

Рис. 24. Микролитические орудия со стоянки Гребеники.

1—10 — скребочки; 11—21 — трапеции.

Материалы Гребениковской стоянки свидетельствуют о большой спорности предположения С. Н. Бибикова, что в Поднестровье «верхнепалеолитические традиции в технике обработки кремня вплетаются в мезолит, в котором не вызревают микролитические формы, так же как не появляется микролитическая техника»³. При настойчивых поисках тарденуазских памятников на Днестре можно обнаружить и новые стоянки, не менее выразительные, чем Гребениковская.

Трудно решить, на какой основе возникла тарденуазская культура Поднестровья. Можно только надеяться, что последующие исследования на территории Поднестровья помогут разобраться и в данном вопросе.

Гребениковская стоянка важна как единственный пока памятник с типичным микролитическим инвентарем на территории юго-западной части СССР. Стоянка интересна и в том отношении, что она дает новые материалы для решения проблемы происхождения трипольской культуры.

³ С. Н. Биби́ков. Поселение Лука-Врублевцкая на Днестре. МИА № 38, 1953, стр. 106.

Ф. М. ЗАВЕРНЯЕВ

ПОСЕЛЕНИЯ МЕЗОЛИТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ
 НА СОЖЕ И ДЕСНЕ

Во время работ археологической экспедиции Академии наук БССР в 1953 г. на Соже в Чечерском районе Гомельской области нами обследована интересная эппалеолитическая стоянка у дер. Подлужье. Остатки поселения расположены на песках надпойменной террасы, на высоте около

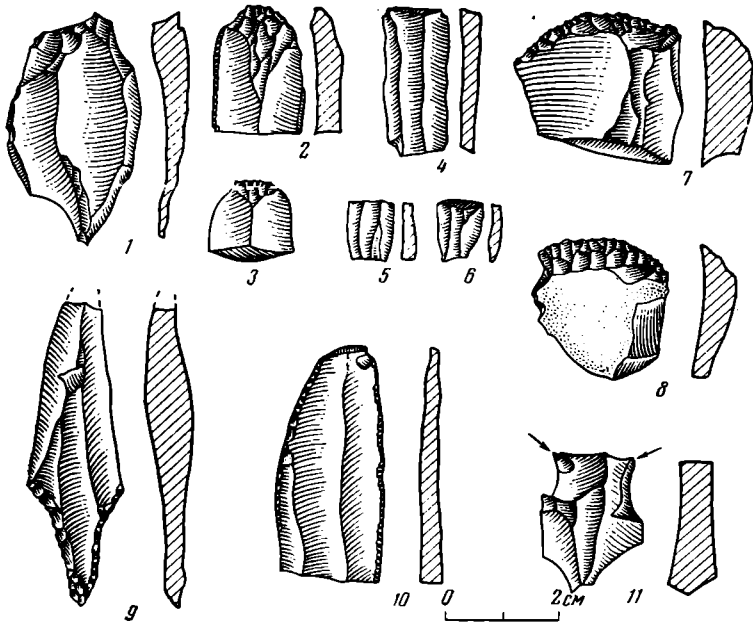

Рис. 25. Кремневый инвентарь стоянки в дер. Подлужье.

1—6 — пластинки; 7, 8 — скребки; 9 — наконечник стрелы; 10 — нож; 11 — резец.

10 м над уровнем реки. Площадь стоянки сильно размыва. Местами, где сохранились нетронутыми «островки» древних образований, находки прослеживаются *in situ* в погребенной гумированной прослойке на глубине 0,15—0,2 м.

На разрушенной площадке собрано 155 кремневых осколков, пластинок и изделий. Инвентарь представлен такими орудиями, как мелкие скребки, сечения пластинок, резы — резцы, черешковые наконечники стрел из пластинок и т. д. (рис. 25). Судя по типу и формам орудий, стоянка у дер. Подлужье может быть датирована мезолитическим временем.

Аналогичная по времени и по составу кремневого инвентаря стоянка известна и на верхнем участке среднего течения р. Десны у г. Бежица Брянской области. Стоянка расположена на восточной стороне песчаного останца, на так называемой Лысой горе, на высоте около 6 м над уровнем реки. Еще в довоенные годы местными краеведами здесь была собрана богатая коллекция кремневых орудий, которая, однако, бесследно погибла в годы оккупации Брянского края. На протяжении последних лет стоянку неоднократно посещал А. К. Амброз, а также автор данной ра-

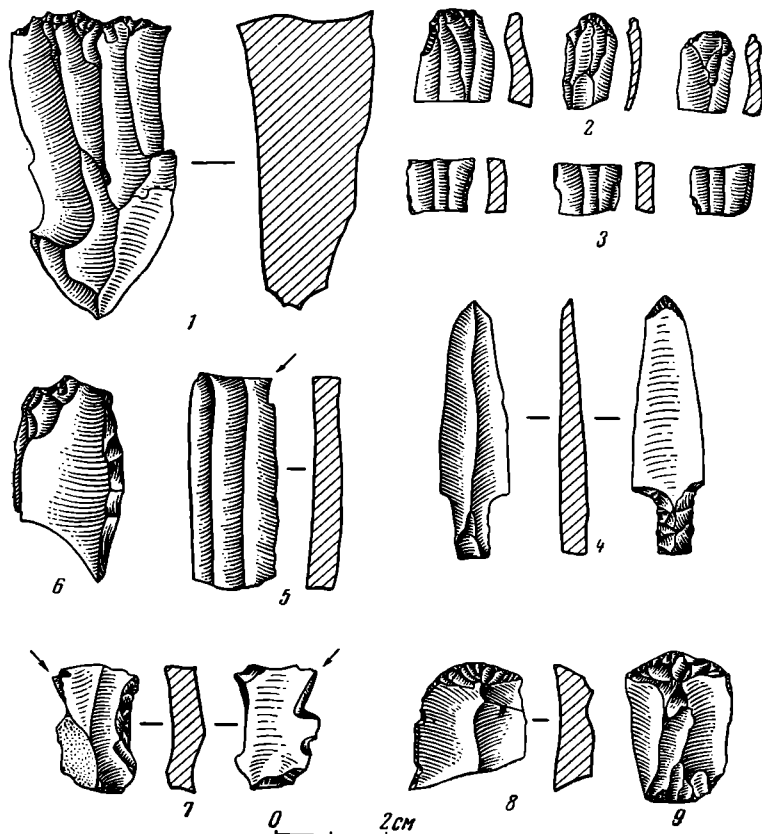

Рис. 26. Кремневый инвентарь стоянки Лысая гора в г. Бежица.

1 — нуклеус; 2, 3, 5, 6 — пластинки; 4 — наконечник стрелы; 7 — резец;
8, 9 — скребки.

боты, которыми собраны новые материалы, позволяющие охарактеризовать древнейший инвентарь поселения.

К настоящему времени площадь стоянки сильно разрушена и весь собранный инвентарь представляет подъемный материал. По типу и формам орудий он в основном близок инвентарю, собранному у дер. Подлужье. Встречены призматические нуклеусы, пластинки, скребки, резцы, расчлененные пластинки, наконечники стрел и т. д. (рис. 26).

Описанные памятники близки по типу к мезолитическим стоянкам, открытым на среднем и нижнем течении Сожа и в Верхнем Приднепровье К. М. Поликарповичем¹. По аналогии с ними стоянки у Подлужья и Бежицы можно отнести к свидерской культуре.

¹ К. М. Поликарпович. Палеолит и мезолит БССР и сопредельных территорий Верхнего Приднепровья. Труды II Международной конференции АИЧПЕ, вып. V, 1934.

Ф. М. ЗАВЕРНЯЕВ

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ЧЕРЕПЕНЬКИ
ПОД БРЯНСКОМ

В 2 км от Брянска, вниз по р. Десне, в урочище Черепеньки¹ весной 1949 г. нами была открыта стоянка с двумя культурными горизонтами, относящимися к раннеолитическому и позднеолитическому времени.

Как и большинство брянских стоянок, стоянка в урочище Черепеньки расположена на левом берегу р. Десны, на сниженном участке первой надпойменной террасы. В пределах стоянки терраса имела следующее геологическое строение:

- 1) гумированный песок, книзу с рыжеватым оттенком (0,1—0,3 м);
- 2) буровато-коричневый с темным оттенком песок (0,15—0,3 м);
- 3) светло-коричневый песок, насыщенный частицами темно-синеватого перегноя (0,1—0,2 м);
- 4) серый эоловый песок (видимая мощность — 1 м).

Культурные остатки в заложенном здесь раскопе прослежены в верхних слоях — первом, втором и третьем. Верхний горизонт культурных напластований, совпадающий со слоем гумированного песка, содержал древнерусские материалы. Горизонт, относящийся к позднеолитическому времени, был заключен в слое буровато-коричневого песка, причем большее число находок встречалось в его верхней половине. Нижний, раннеолитический горизонт залегал преимущественно в слое светло-коричневого песка.

В черноземе собрано несколько сот мелких фрагментов древнерусских сосудов. Большинство из них принадлежало двум сосудам. Один из них был покрыт обычным для посуды этого типа орнаментом в виде чередующихся групп прямых и волнистых линий. На днище имелось клеймо в виде круга с крестом византийской формы внутри. Помимо керамики, найдены железные изделия: небольшая подкова, прямоугольный в сечении гвоздь, кочедык для плетения лаптей, шило с желобообразным острием и большой рыболовный крючок.

Раннеолитический горизонт, как отмечено выше, залегал в основании толщи культурных напластований в светло-коричневом песке, непосредственно на сером эоловом (дюнном) песке. Этот горизонт хорошо отделялся от лежавшего выше позднеолитического горизонта, содержавшего двусторонне обработанные наконечники копий и стрел и обломки глиняных сосудов; последние были приурочены к верхней половине лежавшего выше буровато-коричневого песка с темным оттенком.

¹ Название урочища Черепеньки происходит, по-видимому, от часто встречающихся здесь на поверхности черепков — обломков глиняных сосудов.

На площади раскопа (13 × 8 м) обнаружены остатки небольшого, округлого в плане, углубленного в землю жилища, остатки 2 кострищ и 2 небольших хозяйственных ям, содержащих в заполнении характерные для раннеэолитического времени находки.

Ямы и остатки жилищ почти всегда имели черную окраску с синеватым оттенком и обнаруживались под слоем буровато-коричневого песка. Углубленное в землю жилище — полуземлянка, представляло собой круглую яму (диаметр — 2,5 м). Глубина ее достигала 0,5 м. По краям землянки прослежен ряд небольших ям от столбов, диаметром от 10 до 18 см, по-видимому, служивших для укрепления стен. В центре находилось пятно (25 × 25 см), возможно, от центрального опорного столба.

В разных местах внутри полуземлянки, в ее заполнении, собраны 125 кремневых орудий, пластинок и отщепов, овальная плитка из красного крупнозернистого песчаника и небольшой обломок кости со следами пребывания в огне. Кремневый инвентарь состоит исключительно из орудий на пластинках.

На расстоянии 1,5 м от полуземлянки располагалась яма № 1, круглая в плане, диаметром 0,82 м, глубиной 0,87 м. В заполнении ее верхней половины собрано 21 кремневое орудие, изготовленное также из пластинок. Судя по расположению и найденному кремневому инвентарю, яма была вырыта и использовалась обитателями полуземлянки.

Яма № 2 обнаружена северо-западнее кострища № 2. Она была круглой в плане (диаметр — 1,35 м, глубина — 0,65 м). Ко дну, которое было ровным, яма несколько суживалась. Назначение ямы не ясно вследствие почти полного отсутствия вокруг нее характерных находок, за исключением обломка стрелы со следами пребывания в слабом огне.

Кострище № 1 представляло собой черное пятно вытянутой формы размером 1,8 × 1,1 м, глубиной 0,4 м. К северо-востоку от него на глубине 0,4—0,45 м отмечены сильное потемнение песка и обилие культурных остатков. Вокруг кострища собрано 135 орудий, пластинок и осколков кремня. Часть находок обнаружена в зольной массе самого кострища.

Кострище № 2 — такая же зольная линза, помещавшаяся в яме размером 1,65 × 1,25 м при глубине 0,35 м. Вокруг на глубине 0,3 м отмечена темно-буроватая окраска слоя на пространстве 4,7 × 1,7 м.

Кремневый инвентарь, собранный в нижнем культурном слое, состоял из законченных орудий и отбросов их производства, в результате чего удается проследить все этапы вторичной обработки кремня, вплоть до готовых изделий. Однако остатки первичной обработки кремня отсутствовали. Возможно, расщепление кремня производилось у мест его добычи. С заготовленных у мест добычи кремня ядрищ на стоянке скалывались преимущественно хорошо ограненные пластинки, частично употреблявшиеся в качестве режущего инструмента, но большая часть их использовалась для изготовления других орудий. Кремень как материал отличался неоднородностью и различной окраской.

В кремневом инвентаре нижнего культурного слоя представлены отжимники шарообразной формы, пластинки с ретушью, микропластинки, резы на углу сломанной пластинки, концевые скребки, наконечники стрел из пластинок с частичной ретушью по краям, скребловидные и топорovidные орудия (рис. 27).

Наличие большого количества сечений пластинок (рис. 27—5—9) как будто указывает на широкое применение обитателями стоянки вкладышевых орудий.

Большой интерес представляют топорovidные рубящие орудия четкой, выработанной формы (рис. 27—20).

Принимая во внимание сходство геологических условий залегания и, главным образом, форм и типов орудий и техники их изготовления,

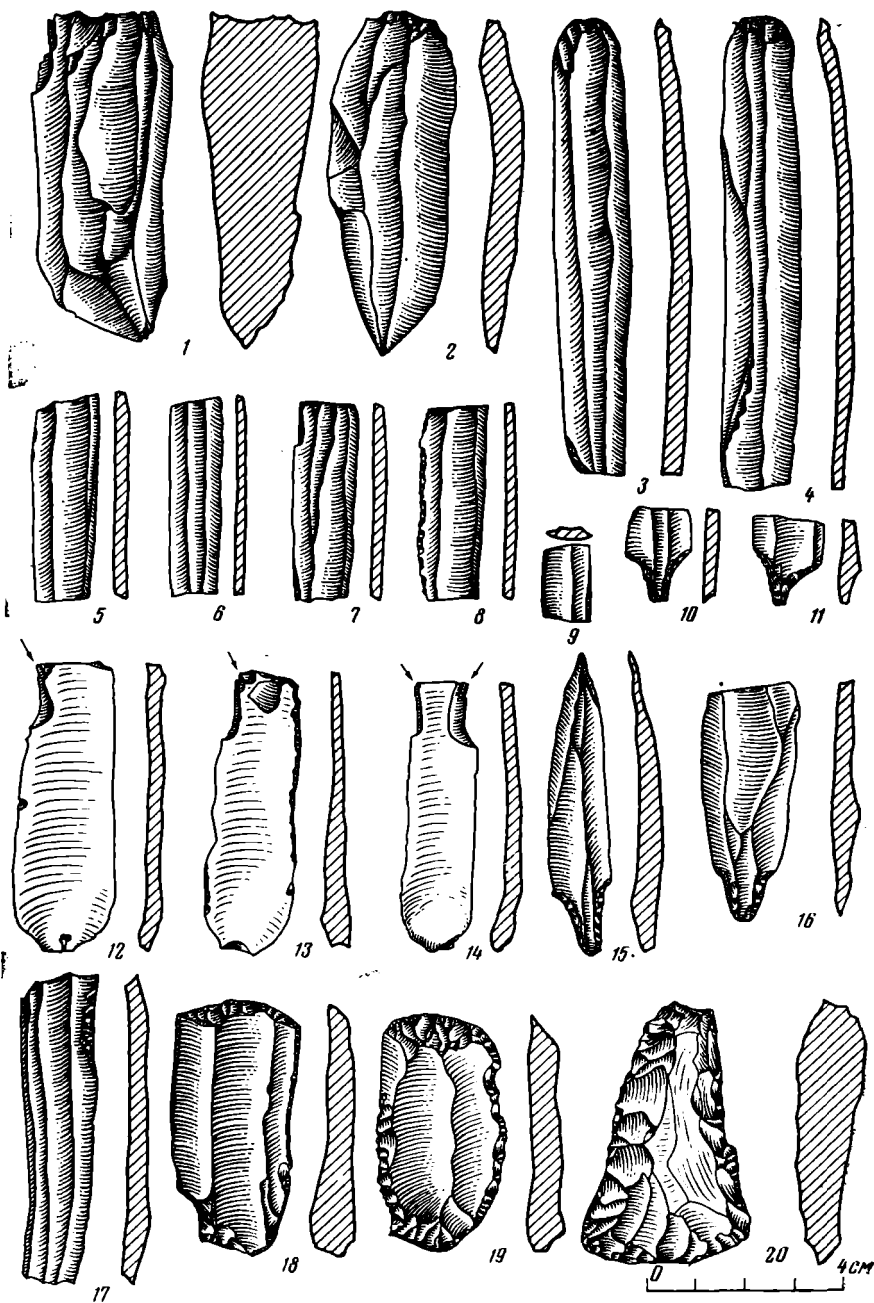

Рис. 27. Стоянка Черепеньки. Кремневые орудия из нижнего горизонта.

1 — ядрище; 2—4 — пластинки; 5—9, 17 — сечения пластинок; 10, 11, 15, 16 — наконечники и обломки наконечников стрел; 12—14 — резцы; 18, 19 — скребки; 20 — топоровидное орудие (Равний неолит).

нижний культурный слой стоянки следует датировать концом V тысячелетия—началом IV тысячелетия до н. э., подобно раннеолитическим стоянкам бассейна р. Оки.

Раннеолитический возраст нижнего горизонта определяется, во-первых, характерными для этого времени небольшими наконечниками стрел с черешком, изготовленными из пластинок; во-вторых, — угловыми резцами и, в-третьих, — отсутствием глиняной посуды. Вероятна принадлежность этой стоянки к раннему этапу белевской культуры².

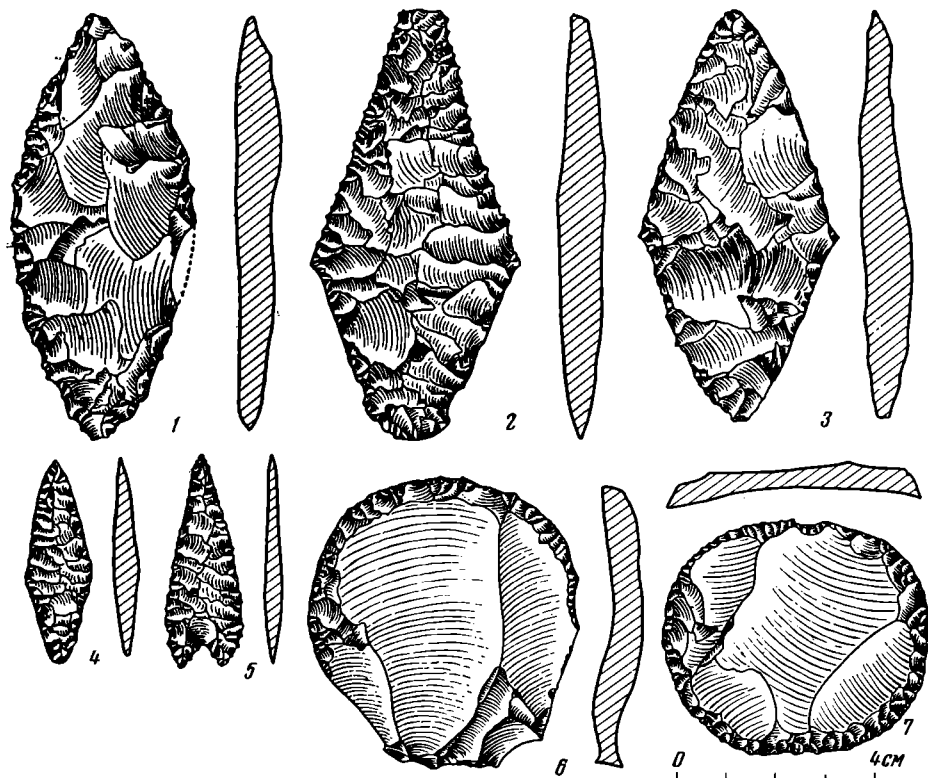

Рис. 28. Стоянка Черепеньки. Кремневые орудия из верхнего горизонта.

1—3 — наконечники копий; 4, 5 — наконечники стрел; 6, 7 — скребки (Поздний неолит).

В связи с этим большой интерес представляет и верхний позднеолитический горизонт стоянки Черепеньки. В верхнем горизонте неолитической стоянки встречены каменные орудия совместно с обломками глиняных сосудов. Здесь же, под современной почвой обнаружены следы небольших очагов и нескольких ям, являвшихся, по-видимому, остатками каких-то жилых сооружений. Очаги представляли собой неглубокие круглые, чашеобразные ямки с плоскими днищами, заполненные зольной и углистой массой, в которой часто встречались пережженные косточки. Одна из очажных ям была заполнена сильно обожженным глинисто-песчаным материалом, напоминавшим развалившуюся печь, служившую, возможно, для обжига глиняной посуды.

² А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 42 и сл.

Среди кремневого инвентаря, собранного в этом культурном слое, имеются орудия и их обломки, но преобладают, однако, отходы их изготовления — в виде использованных ядрищ, отщепов и осколков кремня. В числе собранных здесь орудий — ножевидные пластинки, отщепы со

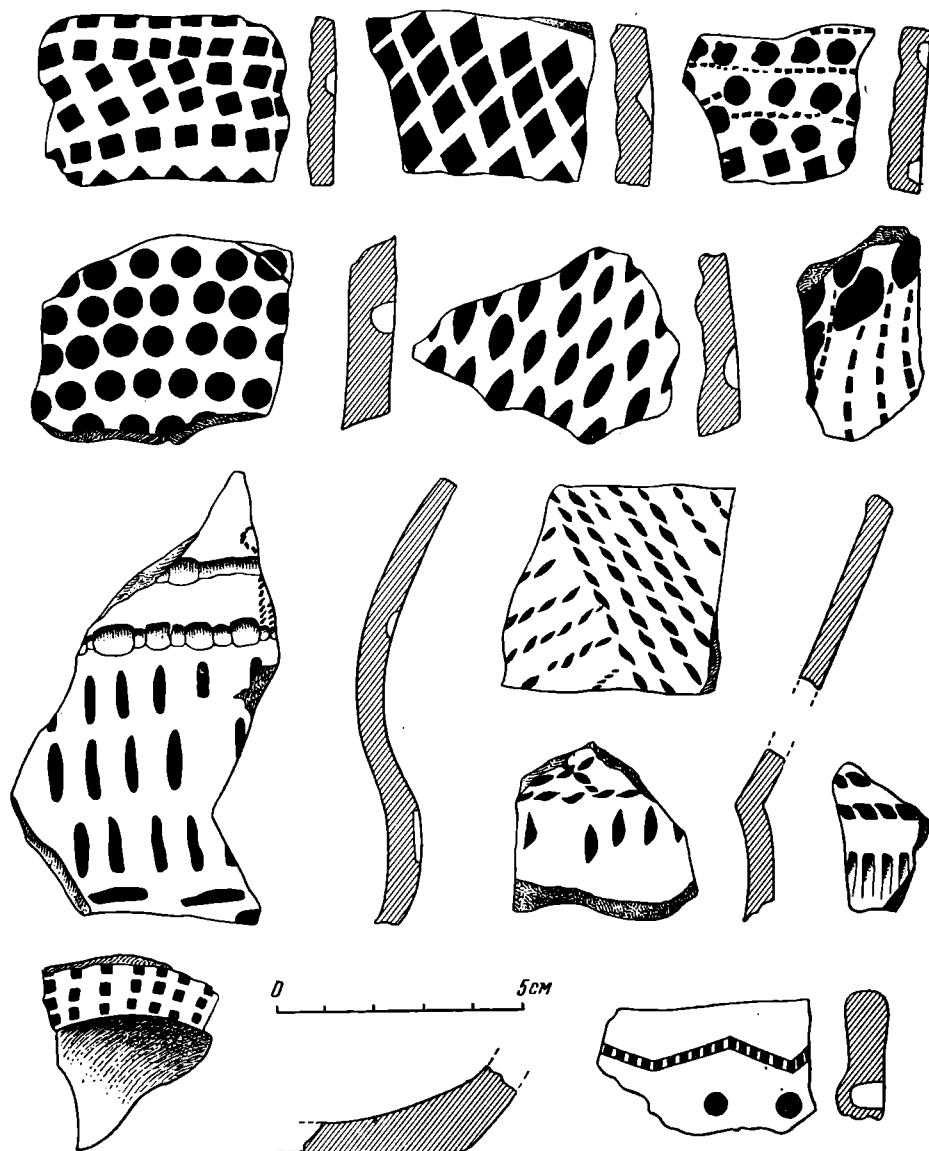

Рис. 29. Стоянка Черепеньки (Верхний горизонт). Фрагменты глиняных сосудов близких окским поздненеолитическим формам.

следами употребления, скребки, скребла, мотыгообразные, клиновидные и тесловидные орудия, проколки, наконечники дротиков и стрел (рис. 28).

На стоянке не обнаружено ни одного шлифованного орудия, однако одна из находок указывает на возможность их бытования. В одной из ям была встречена небольшая плитка овальной формы, изготовленная из желтоватого песчаника, со следами шлифовки на ней каменных орудий. Помимо кремневых изделий, собраны небольшие бруски и плитки, слу-

жившие, вероятно, для полирования костяных орудий. Здесь же найден верхний камень зернотерки.

Особый интерес представляют обломки глиняных сосудов, украшенных своеобразным орнаментом. По типам орнамента керамика делится на 2 группы: с ямочно-гребенчатым орнаментом и со шнуровым. Среди фрагментов по форме выделяются сосуды окского поздненеолитического типа

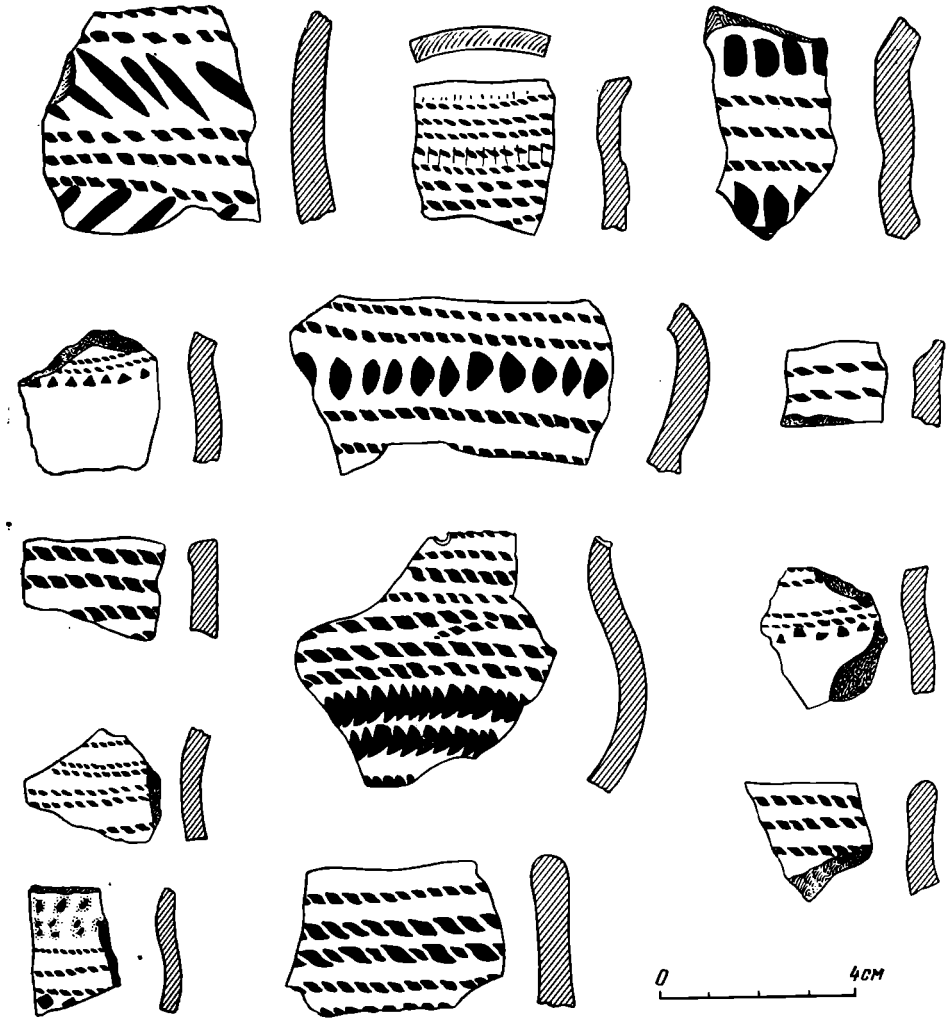

Рис. 30. Стоянка Черепеньки (Верхний горизонт). Фрагменты глиняных сосудов, близких сосудам среднеднепровской культуры.

(рис. 29) и среднеднепровского типа (круглодонные с отогнутым венчиком и колоколовидные — рис. 30), а также плоскодонные сосуды которых, однако, очень мало. Несмотря на различие в орнаментации и формах сосудов, комплекс собранной керамики в целом един и, несомненно, бытовал у одного и того же населения стоянки.

Поселение по формам кремневых орудий близко окским поздненеолитическим стоянкам и должно датироваться первой половиной II тысячелетия до н. э.

З. А. АБРАМОВА

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ «МАСТЕРСКАЯ» КРЕМНЕВЫХ ОРУДИЙ
НА ВОЛГЕ БЛИЗ КОСТРОМЫ

Летом 1954 г., во время работ Горьковской археологической экспедиции под руководством Н. Н. Гуриной на левом берегу Волги, близ устья р. Покши, в 17 км ниже г. Костромы была открыта неолитическая мастерская. На участке от устья р. Покши до пристани Гомониха Волга течет в меридиональном (с севера на юг) направлении. Вдоль берега от устья Покши и почти до р. Малой Покушки тянутся 2 параллельные песчаные дюны, полностью задернованные. По склону первой дюны, обращенному к Волге, прорыт почти на всем протяжении, с небольшими перемычками, ров глубиной до 4 м. В 300 м к югу от дер. Карнахино, в восточной, высокой, обнаженной стене рва на глубине около 1 м в ненарушенном слое встречены изделия из кремня (примерно на протяжении около 50 м). Отдельные изделия обнаружены почти на всем протяжении рва, а также на возвышенной части дюны, занятой распаханном полем.

В месте наиболее интенсивного скопления находок произведена зачистка рва на 25 м в длину; затем вдоль берега были заложены 2 ряда метровых квадратов и от центра в глубь дюны проведена траншея длиной 10 м (раскоп I). На противоположном, более низком склоне рва был заложена второй раскоп площадью 33 кв. м, а по склону к Волге проведена траншея длиной 7 м (раскоп II). Стратиграфия этих двух раскопов отличается только тем, что над культурным слоем раскопа I возвышается выброс из рва, а во втором культурный слой лежит очень близко от поверхности.

Стратиграфия раскопа I:

1. Дерн, неравномерной мощности на различных участках раскопа — 0,05—0,15 м.

2. Насыпной желтый песок из рва — 0,2—0,5 м.

3. Серый песок. В центральной части он перемежается очень тонкими волнистыми прослойками ила, а в южной — эти прослойки идут ровными, горизонтальными слоями.

4. В нижней части песка и особенно под ним залегают тонкие прослойки гравия бурого цвета. С нижней прослойкой связаны кремневые изделия. Общая мощность песка и прослоек — 0,6—1 м.

5. Подстиляется вся эта слоистая масса однородным, чистым светло-желтым песком.

Западная стенка рва ниже, насыпного песка нет; находки встречались в галечнике, расположенном прямо под дерном на глубине 0,1—0,15 м. Ниже шел желтый материковый песок.

На вскрытой площади материал размещался неравномерно. В раскопе I бóльшая часть находок и наиболее интересные формы изделий связаны с зачисткой и первым рядом квадратов. Вторая линия квадратов содержала меньшее количество материала: 4—5 отщепов, 2—3 осколка, 1—2 пластинки и очень редко — нуклеус на один квадрат.

В траншее I, идущей в глубь дюны, также собраны лишь единичные отщепы и осколки. Восточный конец траншеи вышел на распаханное поле; в некотором отдалении от нее был заложен метровый шурф, давший всего один кремневый отщеп.

На противоположной стороне рва наблюдалась сходная картина. Вдоль обреза найдены наиболее интересные вещи: крупный скребок, обломок шлифованного топора, заготовки. Второй ряд квадратов содержал единичные находки, а в траншее II находки были лишь в ближайших к раскопу 3 квадратах. Дальше к Волге, на пологом спуске галечник выклинивался, и находок там не было.

Переходя к описанию материала, следует отметить в общем незначительное количество его — немного более тысячи изделий на 100 кв. м, т. е. в среднем 11 кремней на 1 кв. м. Подъемный материал принадлежит к одному комплексу с материалом из раскопок, поэтому мы объединяем его для удобства описания.

Всего собрано 1200 изделий. Из них 83% составляют различные по величине и форме кремневые и кварцитовые осколки и отщепы. Остальные находки — 17% — распределяются на следующие группы:

	Количество экземпляров
Орудия	8
Пластинки с ретушью	6
„ „ резцовыми сколами	4
Краевые отщепы резцов	3
Кремневые ножевидные пластинки, их обломки и сечения	41
Миниатюрные кремневые пластинки, их обломки и сечения	10
Кремневые пластинки неправильных очертаний, их обломки и сечения . . .	48
Нуклеусы конические	12 (и 1 заготовка)
„ призматические	13
Нуклевидные осколки	18
Обломки нуклеусов	11
Краевые сколы с нуклеусов	2
Заготовки различных орудий	14

Орудий — всего восемь. Среди них — проколка из серого непрозрачного кремня, сделанная из удлиненной ножевидной пластинки; острие образовано крутой ретушью с внутренней стороны; следов работы на нем не заметно. По-видимому, обработка проколки не была закончена. Длина — 4,7 см, ширина у основания — 1,1 см (рис. 31—1).

Проколка с двумя выступающими остриями изготовлена из небольшого кремневого отщепа. Между выступами расположена выемка, образованная крутой затупляющей ретушью. Длина — 1,9 см, ширина — 2 см (рис. 31—2).

Концевые скребки (3 экземпляра) — на кремневых отщепах более или менее подчетыреугольной формы. Обращает на себя внимание сильная сработанность рабочего края. Размеры: 3,2 × 2,5 см, 2,9 × 2,4 см, 2,1 × 2,5 см (рис. 31—3—5).

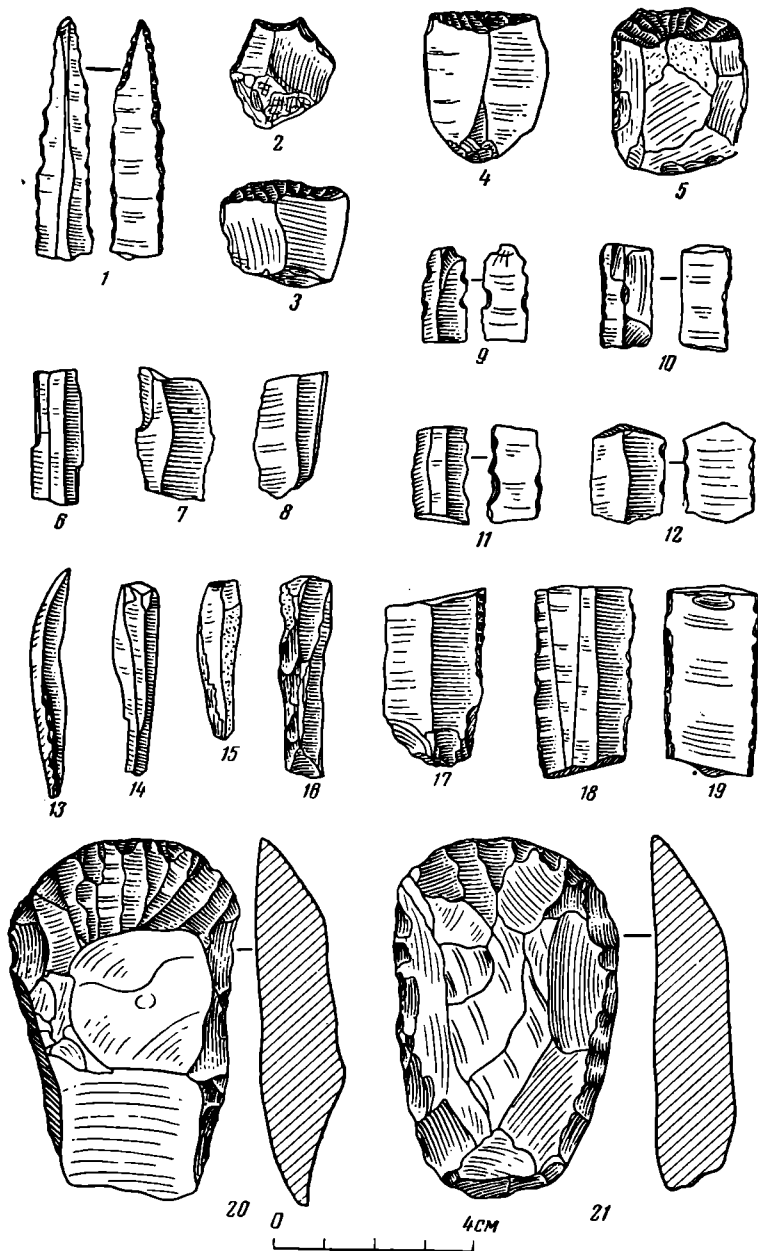

Рис. 31. Кремневые орудия и пластинки из неолитической мастерской на Волге.

1, 2 — проколки; 3—5 — скребки; 6—8 — пластинки с резцовым сколом; 9—12, 17—19 — обломки пластинок с ретушью; 13—15 — краевые отщепы резцов; 16 — трехгранная пластинка; 20, 21 — крупные скребки.

Крупные кремневые скребки (2 экземпляра) сходны по форме. У одного скребка — из светло-желтого кремня, прекрасной сохранности, — овальный рабочий край образован плоскими длинными фасетками (рис. 31—20); у второго скребка, сделанного из сильно выветрившегося кремня, такой же овальный рабочий край, но продолжающийся на одну из боковых сторон (рис. 31—21).

Из сланцевых шлифованных орудий встречены обломок топора, представляющий собой рабочую часть орудия, закругленной формы, и заготовка со следами пришлифовки на одной из плоских сторон. На двух осколках сланца — на одной из сторон — заметна пришлифовка; по-видимому, они были отбиты от орудий.

Интересны заготовки для орудий, иногда типично макролитических форм. В их числе — заготовка крупного рубящего орудия типа топора из массивного куска желтоватого кремня с остатками валунной корки темного цвета. Изделие — четырехугольное в поперечном сечении и с совершенно прямой тыльной частью, образованной одним сколом. В продольном сечении оно имеет вид клина. Рабочая часть приострена рядом сколов, формирующих широкое извилистое лезвие. Размеры: $7,7 \times 6 \times 3,5$ см (рис. 32—1). Найдено подобное же изделие, но меньших и как бы укороченных размеров. Кремень — светло-коричневый, хорошего качества. Встречена заготовка крупного, удлинено-овального орудия, приближающегося к типу так называемых пик, из красновато-серого кремня. Крупные сколы приостряют края, образуя зигзагообразную линию. Сечение овальное. Длина — 12,7 см, ширина — 5,4 см, толщина — 2,5 см (рис. 32—3). Заготовка крупного орудия, вероятно, была в употреблении в качестве скребла. Для нее использован крупный кремневый осколок синевато-серого цвета. Овальный контур изделия обработан широкими сколами, частично несущими вторичную подправку. Размеры: $9,2 \times 5,2 \times 2$ см (рис. 32—5).

Найдены заготовка небольшого скребловидного орудия из плоской гальки и заготовка крупного кремневого скребла типа скребков, описанных выше, но несколько меньших размеров. Возможно, что это экземпляр, забракованный в процессе изготовления.

Имеется еще несколько менее выразительных заготовок.

Кремневых пластинок различных размеров и очертаний собрано 99 экземпляров. Сохранились они большей частью в обломках. К ним можно добавить еще 6 пластинок с ретушью и четыре — с резцовым сколом (рис. 31—6—8). Ретушь и сколы выражены очень слабо, но наличие резцовой техники подкрепляется находкой краевых отщепов резцов (рис. 31—13—15).

Нуклеусы делятся на 2 группы — конические и призматические. Правильные конические нуклеусы небольших размеров представлены в различных стадиях обработки: от только начатых подготовкой до миниатюрных, предельно сработанных. Все они имеют прямую, тщательно подготовленную ударную площадку и заостренное на конус или довольно прямое широкое лезвие на противоположном конце. Возможно, часть из них использовалась в качестве орудий. Другая группа нуклеусов — больших размеров и более или менее правильной призматической формы с небольшими вариациями и отклонениями. Некоторые нуклеусы могли служить заготовками для рубящих орудий.

В отличие от конических нуклеусов, для крупных, как правило, применялись не кремень и яшмовидные породы, а кремнистый известняк или валунный кремень плохого качества. Обломки нуклеусов, нуклеовидные осколки, как и отбросы производства (отщепы и осколки), за малым исключением, также получались при обработке цветного валунного кремня, преимущественно желтоватых тонов.

Отбойников и отжимников выработанной формы нет, но некоторые осколки кремня носят следы использования их с этими целями.

Обилие грубо обработанных или расколотых кремневых желваков на этом участке берега Волги было замечено еще во времена областных архео-

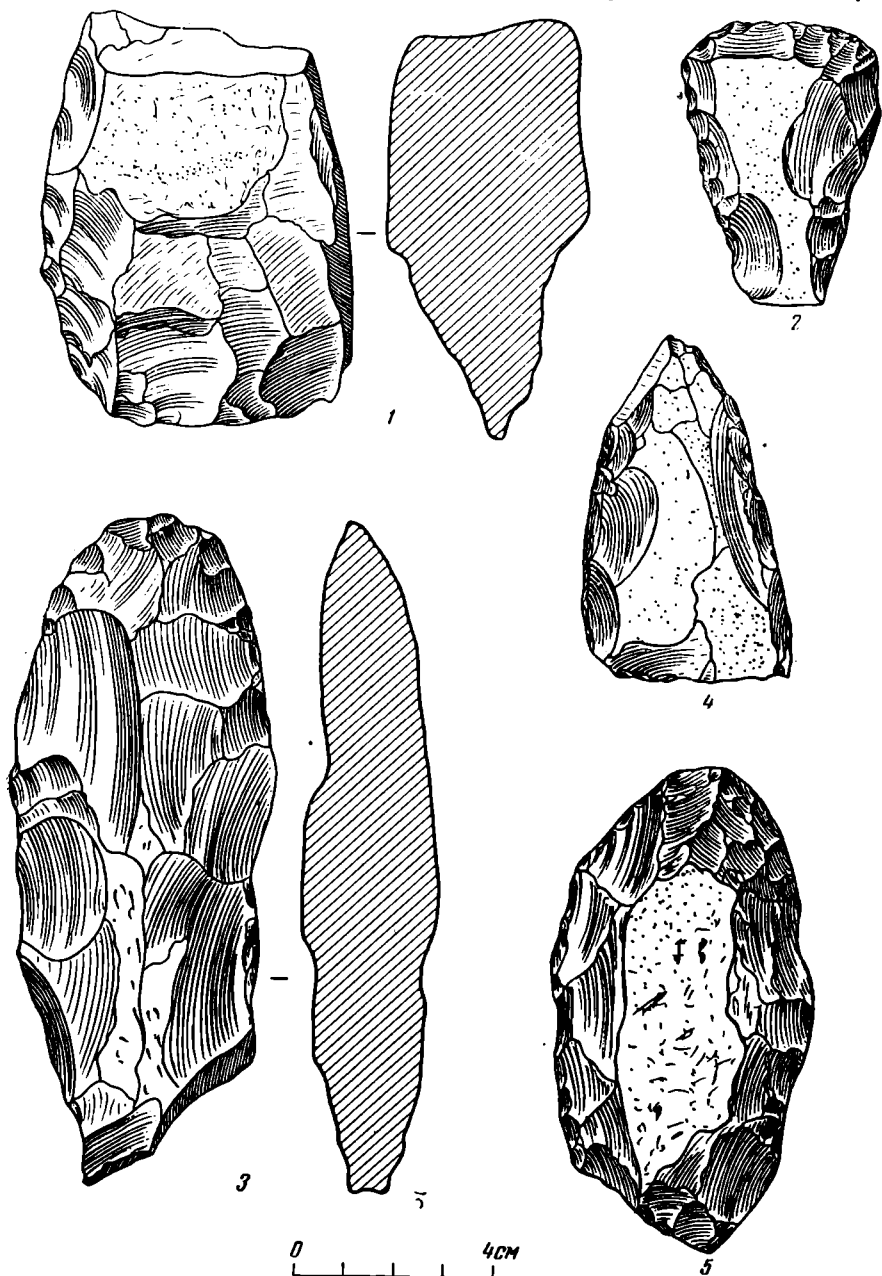

Рис. 32. Заготовки орудий из неолитической мастерской на Волге.

логических съездов, в начале XX в. На основании данных Костромского музея П. Н. Третьяков считает, что здесь, на протяжении 10 км по берегу Волги, в местах, богатых кремнем, производился сбор пригодного для орудий материала и его первичная обработка. «На поселение, расположен-

ное иногда в нескольких десятках километров, уносился или увозился лишь доброкачественный кремнь, освобожденный путем отески от корки или, быть может, уже обработанный в нуклеус»¹.

Открытое нами местонахождение, занимающее небольшое пространство близ устья Покши, уточняет это предположение П. Н. Третьякова. Значительное количество призматических пластинок и нуклеусов, а также орудия, хотя и немногочисленные, показывают, что здесь велась также дальнейшая обработка кремня. Интересно, что все три концевых скребка, найденных нами, имеют сильно сработанные лезвия и, по-видимому, применялись при выделке орудий, — может быть, костяных или деревянных. Слабо выраженный, тонкий культурный слой, без жилых комплексов, очагов, скопленных находок, с преобладанием в инвентаре различных отбросов производства и малым процентом орудий, полное отсутствие керамики — все эти признаки характерны для мастерских по обработке кремня.

В архивных материалах ЛОИИМК (в отчетах В. И. Смирнова и картотеке А. А. Спицына) есть упоминание о находках макролитов у дер. Гомониха. Изучение этих материалов показало, что речь идет о местонахождении, расположенном на 3—4 км ниже по течению Волги, открытым в 20-х годах Д. Н. Сизовым. «Характерной особенностью этой стоянки или карьера, как то определил А. Спицын, — крупные, в редких случаях хорошо отделанные орудия, черепки с крупным орнаментом, столь характерным для каменного века»². Как мы видим, речь идет здесь о макролитических формах, сопровождающихся керамикой. К сожалению, нами это местонахождение не обнаружено.

В Костромском музее хранятся макролитические изделия, собранные Д. Н. Сизовым в этом районе, в частности у дер. Иваниково. Недалеко от этой деревни, близ пристани Лагерная, выше устья Покши, в условиях, сходных с местонахождением у дер. Карнахино, нами найдено несколько кремневых изделий: крупное орудие типа скребла, нуклеус, ножевидная пластинка и отщепы.

Во время разведки ниже по течению Волги были обследованы 2 памятника, значительно меньшие, но имеющие некоторые черты сходства с местонахождением у Покши. В 3 км ниже с. Сокольского Юрьевоцкого района, на левом берегу Волги, на разветвленных дюнах нами собраны многочисленные изделия из камня. На ограниченном пространстве (20—25 кв. м) были рассеяны чрезвычайно мелкие отщепы, чешуйки, обломки миниатюрных ножевидных пластинок из кремня и яшмовидных пород. Среди них — только 2 изделия больших размеров: крупный обломок кварцита со следами сколов на внешней поверхности и заготовка клинообразного орудия из сланца. Найдены 2 нуклеуса подпризматической формы, из коричневатосерого кремня, миниатюрные по размерам, так же как и 4 нуклеидных осколка. Орудий не обнаружено. О технике обработки можно судить по небольшому сколу с ребра нуклеуса, а также сечению миниатюрной призматической пластинки из яшмовидной породы, с мелкой ретушью по краям. Керамики не было.

Местонахождение на р. Троце, правом притоке Волги, открыто в 1946 г. сотрудниками Дзержинского краеведческого музея. Руководствуясь их указаниями, мы обследовали берег р. Троцы и в 4—5 км от устья на останце террасы нашли остатки разрушенной стоянки, где встречены миниатюрный конический нуклеус и ряд ножевидных пластинок и отщепов. Керамики также не было.

¹ П. Н. Третьяков. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья. Изв. ГАИМК, вып. 106, 1934, стр. 129.

² Архив ЛОИИМК, ф. 46, № 49, стр. 3.

По характеру материала эти местонахождения принадлежат к одному кругу памятников, относящихся к эпохе, предшествующей развитому неолиту. Однако ряд данных свидетельствует о том, что они более поздние по времени, чем эpipалеолитические стоянки.

Сравнивая местонахождение на Покше с эpipалеолитической Скнятинской стоянкой, мы убеждаемся в разновременности этих памятников³. Прежде всего они различны по условиям залегания. Стоянка Скнятино находится на краю первой надпойменной террасы, в основании дюны, а мастерская близ устья р. Покши — в пойменных отложениях, ближе к вершине дюны. Затем в материалах из Скнятино много орудий, представляющих характерный позднесвидерский комплекс: наконечники стрел с черенком, резцы и т. д. В них отсутствуют всякого рода куски кремня и крупные отщепы, обычные для материала неолитических стоянок. П. Н. Третьяков замечает, что в Скнятино встречены 4 очень грубых топоровидных орудия, но они и в других местах изредка попадаются в комплексах эpipалеолитического возраста; к тому же по отношению к общему количеству находок число их относительно ничтожно.

На Покше полностью отсутствуют кремневые наконечники стрел. Среди орудий характерна проколка из удлиненной ножевидной пластинки, имеющая мезолитический облик. Вместе с коническими нуклеусами и призматическими пластинками она представляет собой архаические элементы в инвентаре. Но, с другой стороны, конические и призматические нуклеусы классической формы и правильные ножевидные пластинки встречены на стоянках типа Золоторучье с сетчатой керамикой⁴. Напомним, что в культурном слое Золоторучья, в условиях, исключающих возможность каких-либо смещений, найдены двусторонне обработанные орудия типа мотыги, обломки крупных орудий такой же обработки, шлифованный сланцевый топорик, обломки двух других шлифованных орудий, т. е. те элементы инвентаря, которые находят себе аналогии в местонахождении на Покше. Но в культурном слое, вскрытом близ устья Покши, нет никаких следов керамики. Принимая бесспорность заключений П. Н. Третьякова, можно считать это местонахождение мастерской по обработке кремня в неолитическое время.

---

³ П. Н. Третьяков. Эpipалеолитические поселения Скнятинских дюн. МИА № 13, 1950.

⁴ П. Н. Третьяков. К вопросу об эpipалеолитических памятниках Верхнего Поволжья. СА, V, 1938.

В. И. МАРКОВИН, Р. М. МУНЧАЕВ

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА БЛИЗ ГОРОДА БУЙНАКСКА (ДАГЕСТАН)

Неолитическая культура северо-восточного Кавказа совершенно не изучена. В дореволюционный период исследователи и любители-археологи не ставили перед собой задач выявления и изучения памятников каменного века, так как исходили из неверного предположения о якобы позднем заселении Кавказа человеком. В порядке исключения можно указать на известного русского ученого Д. Н. Анучина, который в 80-х годах прошлого столетия исследовал в горной и предгорной частях Дагестана около 40 пещер и гротов с целью отыскания в них следов пребывания человека каменного века. К сожалению, отсутствие находок каменных орудий и поверие о громовой стреле возбудили и у Д. Н. Анучина сомнения в древности здесь культуры человека¹.

В советское время на северо-восточном Кавказе, в частности в Дагестане, открыто большое количество разновременных и разнохарактерных памятников материальной культуры, в том числе относящихся к палеолиту. Неолитические памятники до последнего времени здесь не были известны. В послевоенные годы в местности Тарнаир, недалеко от г. Махачкалы, В. И. Марковиным обнаружены неолитические орудия. Это первые находки культуры неолита в Дагестане. В июле 1954 г. археологическая экспедиция Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР открыла близ высокогорного аула Чох (Гунибский район) неолитическую стоянку.

Описываемая ниже неолитическая стоянка близ г. Буйнакса открыта в мае 1954 г. В. И. Марковиным и Н. Г. Полихрониди. Стоянка расположена к северо-востоку от Буйнакса (в 600—700 м), по правую сторону р. Шура-озень, между городом и сел. Кафыр-Кумух, рядом с шоссе, ведущим в Махачкала. Она занимает часть перепаханного склона третьей речной террасы и незначительный участок, примыкающий к шоссе, и находится на высоте 50—60 м от современного уровня реки.

Участок с находками занимает площадь 180—200 × 70—100 м. В северной (нижней) части склона обнажается культурный слой. Здесь почва черно-бурого цвета.

Профиль стоянки:

- 1) дерновый слой — 0,05—0,1 м;
- 2) культурный слой — 0,2—0,25 м;
- 3) суглинок с включениями известняковых частиц — 0,35 м;

¹ Д. Н. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан. «Древности». Труды МАО, вып. 2—3, 1883, Протоколы, стр. 43, 44.

4) темный глинистый (книжный) сланец — 0,06—0,07 м;

5) светлый чокракский песчаник, пропитанный известковыми солями с отдельными прослойками гипса — основная порода, материк.

Небольшое количество предметов найдено на месте обнажения культурного слоя с северной части склона. Среди находок — топор, отбойник, нуклеусы, отжимник, скребки, орудия с выемкой, микролитические пластинки, масса отщепов и обломков кремня. Встречаются желваки кремня, кварцита, белого кварца и черного и кремнистого сланца. Всего собрано 276 наиболее типичных каменных орудий и, кроме них, большое количество мелких обожженных костей животных (в основном — на западном участке

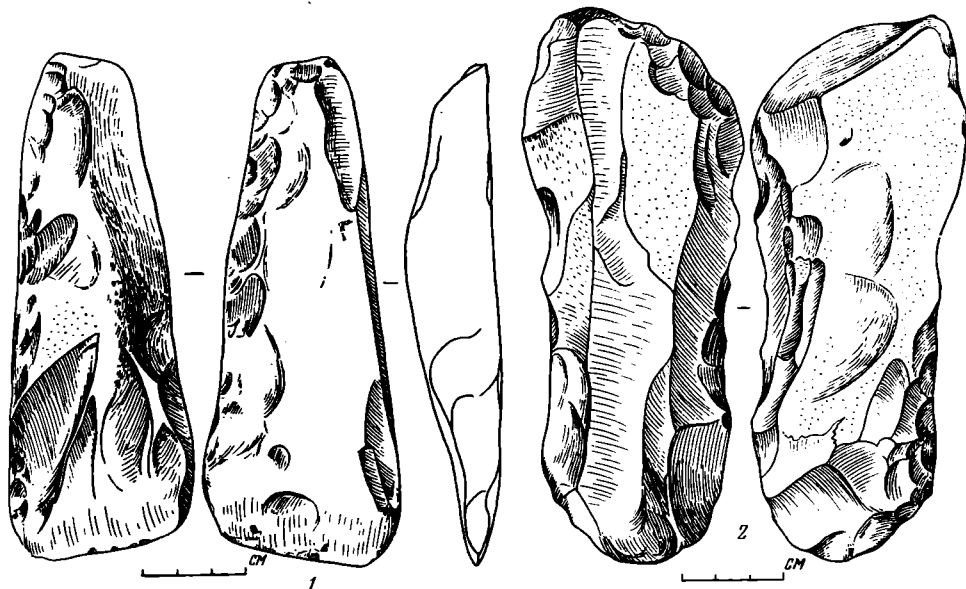

Рис. 33. Каменный топор (1) и заготовка топора (2) со стоянки близ г. Буйнакск.

стоянки). Слой, в котором они найдены, имел интенсивную коричневатокрасную окраску. Керамика неолитического характера на стоянке не обнаружена.

В числе находок обращает на себя внимание плоский топор с неровным лезвием, образованным двумя слегка отшлифованными плоскостями (рис. 33—1). Размеры его — $16,5 \times 2,5 \times 4,5$ см. Поверхность — выше лезвийной части, особенно по краям, обита крупными сколами. Обушковая часть заметно сужена (до 3 см). Топор изготовлен из желтой метаморфической породы (метаморфоз кремня по известняку), покрытой оранжевой корой выветривания.

Аналогичные топоры достаточно подробно описаны в археологической литературе. Они часто встречаются в памятниках неолита и энеолита. Подобные клиновидные орудия обнаружены в памятниках, территориально близких к Буйнакской стоянке. Имеются в виду неолитические памятники Кавказа, в частности в Кабарде (Агубековское поселение и др.)², в Грузии (Одиши близ г. Зугдиди, Сатаплиа около г. Кутаиси, Анасеули в Гу-

² Е. Ю. Кричевский и А. П. Круглов. Неолитическое поселение близ г. Нальчика. МИА № 3, 1941, стр. 59, рис. 6; Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г. Уч. записки Кабардинск. научно-иссл. ин-та. вып. V. Нальчик, 1950, стр. 212.

рии)³ и особенно в Абхазии — селище Кистрик, где эти орудия разнообразны по формам и размерам⁴. Обломки аналогичных топоров найдены в полупустынных районах северо-западного Прикаспия (экспедиция Е. И. Крупнова) и на Черных землях⁵, а также в энеолитическом поселении у сел. Луговое в Грозненской области. Большой интерес представляют 2 заготовки для таких топоров из Кочковатой балки близ станции Вознесенской Северо-Осетинской АССР⁶.

В составе находок с Буйнакской стоянки есть также заготовка каменного орудия описанного типа. Она клиновидной формы; бока и лезвийная часть обиты крупными сколами, обушная часть закруглена (рис. 33—2). Размеры заготовки — 16 × 2,5 × 5 см. Изготовлена она из той же метаморфической породы.

Каменные топоры описанного типа особенно характерны для поздне-неолитической и энеолитической эпох. Они были прототипами первых металлических (медных) топоров, о чем свидетельствуют, например, находки в знаменитом Майкопском кургане.

На стоянке найден отбойник из серого кварцита. Это овальная галька, обитая с противоположных сторон (рис. 34—19). Размеры — 6 × 3,5 × 2,8 см.

Значительную группу находок составляют миниатюрные нуклеусы, размер которых не превышает 4 см. Для них характерны очень узкие грани. Есть нуклеусы дисковидной формы (2 экземпляра), пирамидальной (16 экземпляров), призматической (15 экземпляров) и 9 экземпляров неправильной формы (рис. 34—14—18, 20). Они изготовлены из различных пород кремня — серого непрозрачного, серого с различными пятнами, желтоватого, черного и слегка просвечивающего голубоватого⁷. Некоторые экземпляры покрыты белой и голубоватой патиной; она часто так густа, что скрывает природный цвет камня.

Нуклеусам соответствуют обнаруженные на стоянке в большом количестве микролитические ножевидные пластинки. Микролиты составляют основной инвентарь стоянки. Среди них часто встречаются пластинки с одним округленным концом, обработанным тонкой отжимной ретушью, микролиты с выемкой, а также микролитические проколки (рис. 34—7, 8, 12). Интересны микролиты трапециевидной формы с ретушью по краям (рис. 34—9—11). Наличие их на Буйнакской стоянке расширяет в юго-восточном направлении область распространения геометрических орудий на территории СССР⁸. Характерно, что аналогичные микролиты геометрических форм обнаруживаются почти во всех неолитических памятниках Кавказа (Кистрик, Тетрамица, Сатаплиа, Урта и т. д.) и особенно в территориально близких к Буйнакской стоянке памятниках Божигано-Терек-

³ А. Н. Каландадзе. Остатки мезолитической и неолитической культур в Грузии. Изв. Ин-та языка, истории и материальной культуры, т. IV, вып. 3. Тбилиси, 1939, стр. 363; Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 26—28; О. М. Джапаридзе. Краткий отчет об археологических разведках в Грузии (Гурия) в 1948 г. КСИИМК, вып. XXXIX, 1951, стр. 96.

⁴ А. Л. Лукин. Неолитическое поселение Кистрик близ Гудауты. СА, XII, 1950, табл. VI, рис. 4—7; табл. VII, рис. 1—5; табл. VIII.

⁵ Т. М. Минаева. Стоянка с микролитическим инвентарем на Черных землях. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 46—53.

⁶ Е. И. Крупнов. Первые находки неолита в Северной Осетии. КСИИМК, вып. XLVI, 1952, стр. 44, рис. 8.

⁷ Следует отметить, что в Буйнакске и его окрестностях выходов кремня нет. Он встречается только в галечнике р. Шура-озень.

⁸ А. А. Формозов. Из истории передвижений групп первобытного человека в эпоху мезолита. СЭ, 1953, № 1, стр. 169 (карта распространения геометрических орудий на стоянках мезолита, неолита и бронзы в СССР).

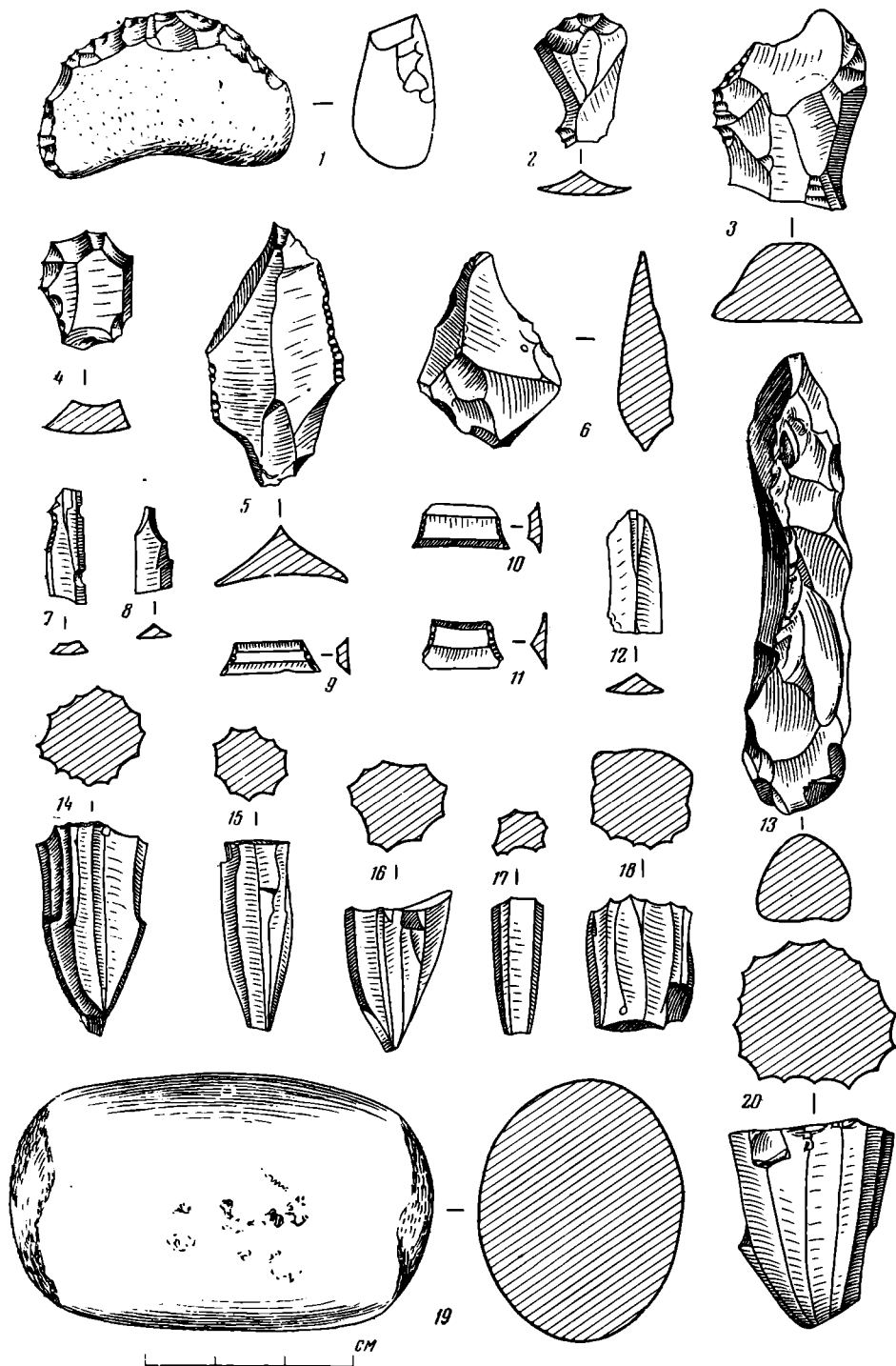

Рис. 34. Кремневый инвентарь неолитической стоянки близ г. Буйнакск.

1—4 — скребки; 5 — орудие листовидной формы; 6—8, 12 — проколки; 9—11 — трапеции; 13 — отжимник; 14—18, 20 — миниатюрные вулканы; 19 — отбойник.

ского массива на востоке Грозненской области⁹ и на Черных землях (урочище Ястак-Худук)¹⁰.

К рассмотренной группе орудий примыкает отжимник удлиненной формы (6,5 × 1,2 см), треугольной в сечении, обработанный по всей поверхности крупными сколами (рис. 34—13). Отжимник изготовлен из светлой метаморфической кремнистой породы.

Следующую группу находок составляют скребки: пять — на отщепях и три концевых — на ножевидных пластинках. Характерны скребки на отщепях; некоторые из них сохранили поверхностную кору (рис. 34—1). По форме, обработке и т. д. они аналогичны скребкам, обнаруженным в неолитических памятниках северо-восточного Кавказа, в частности на Тарнаире, Чохе, и собранным в песках Грозненской области. Все скребки носят следы сработанности в виде заполировки или изломов рабочей части.

Необходимо отметить наличие среди массового кремневого материала обработанных ретушью орудий в виде проколов (рис. 34—6) и др. Интересно приостренное орудие листовидной формы с подобием черенка, изготовленное из сероватого кремня (рис. 34—5).

Заканчивая обзор находок на Буйнакской стоянке, можно констатировать, что рассмотренный материал представляет все стадии обработки кремня — от кремневых желваков до готовых орудий. Наличие нуклеусов, отбойников, микролитических пластинок, а также большого количества отщепов и осколков с несомненностью свидетельствует, что производство кремневых орудий осуществлялось на месте.

Неолитический возраст описанного памятника вряд ли может вызвать какое-либо возражение. К сожалению, отсутствие документальных данных и хотя бы одного раскопанного и датированного неолитического памятника на территории восточного Кавказа не позволяет нам более или менее точно определить, к какой поре неолитической эпохи относится Буйнакская стоянка. Это — дело будущего. А пока несомненно, что мы встретились с весьма интересным неолитическим памятником предгорной части Дагестана, раскопки которого помогут выяснить характер неолитической культуры этого чрезвычайно мало изученного в археологическом отношении края, определить датировку памятника, изучить основы хозяйства и быта древнейшего населения, а также приблизить решение общей проблемы о времени и путях хозяйственного освоения и заселения местными племенами горных и высокогорных районов северо-восточного Кавказа.

---

⁹ Е. И. Крупнов. Археологические работы на Северном Кавказе. КСИИМК, вып. XXVII, 1949; его же. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области. КСИИМК, вып. XXXII, 1950; его же. Прикаспийская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 95—105.

¹⁰ Т. М. Минаева. Указ. соч.

К. В. САЛЬНИКОВ

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ АБАШЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ
В ЮЖНОЙ БАШКИРИИ

За последние годы на Южном Урале открыто несколько памятников абашевской культуры¹. Один из них — селище Урняк Макаровского района Башкирской АССР, на правом берегу р. Белой, — открыт в 1951 г. Селище расположено непосредственно за северной окраиной с. Урняк на обрывистом (высотой 15 м) берегу р. Белой.

В 1953 г. почти на всей доступной для исследования площади был заложен раскоп в 330 кв. м. Культурный слой не распространяется от обрыва далее 20—25 м. По-видимому, значительная часть селища смыта. Культурный слой залегает в толще чернозема с глубины 0,15 м, но наиболее часто находки встречаются на глубине 0,3—0,6 м. Нижний уровень культурного слоя на отдельных участках достигает глубины 0,7 м от современной поверхности. Повсюду его подстилает слой чернозема в 0,2—0,3 м. При этих условиях поверхностные жилища установить затруднительно, поскольку даже столбовые ямы могли не достигнуть уровня грунтовой глины, а углублений от жилищ-землянок на селище не обнаружено.

В раскопе найдено 5412 костей животных (в том числе 1345 экземпляров, поддающихся определению), 1623 черепка глиняной посуды, в отдельных случаях собирающихся в значительные части сосудов, 7 обломков плавленых чаш на ножках, куски медной руды (медистого конгломерата) и медного шлака, обломки каменных плит, гальки и валуны со следами обработки или работы, медный сплеск и несколько изделий из камня, кости и бронзы.

Бронзовые изделия представлены браслетом с несомкнутыми заостренными концами, овальными в сечении, и бляшкой-розеткой типичной абашевской формы.

В числе костяных поделок — шило, ложило из трубчатой кости, конец которой косо срезан, образуя округлую лопаточку; бабка коровы и мелкая кость со сквозными, грубо пробитыми отверстиями в середине.

Большинство каменных изделий — простые гальки и валуны, приспособленные для использования при тех или иных трудовых операциях: терчоники, отбойники, утюжки, ложила, песты. Более десятка галек, хотя и не носят явных следов работы, но обращают на себя внимание строгостью формы: яйцевидные, кубовидные, плоские и т. д. Поскольку почва

¹ К. В. Сальников. Памятник абашевской культуры близ Магнитогорска. КСИИМК, вып. XXXV, 1950; его же. Археологические исследования в Курганской и Челябинской областях. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951; его же. Южно-Уральская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. XLV, 1952; его же. Абашевская культура на Южном Урале. СА, XXI, 1954.

на участке, занятом поселением, лишена камня и галек, описанные находки явно происходят из наносов р. Белой и принесены обитателями древнего поселения с ее берега. Характер использования изделий не определен.

Шестнадцать обломков каменных, преимущественно песчаниковых, плит по характеру сработанности относятся к зернотеркам, шлифовальным и точильным плитам.

Каменных изделий — два: обломок топора-молота и скульптурная голова человека. Сверленный топор-молот сохранился почти на две трети. По форме он близок некоторым наиболее простым типам фатьяновских топоров, но не может быть отнесен ни к одному из типов классификации В. А. Городцова. Топор-молот с селища Урняк можно назвать ромбическо-клиновидным с узким обухом.

Не менее интересна вторая находка. Это кубической формы кусок песчаника ($3 \times 3 \times 3$ см); на одной из плоскостей его выбито грубое изображение человеческого лица. На месте темени — вторая плоскость куба, перпен-

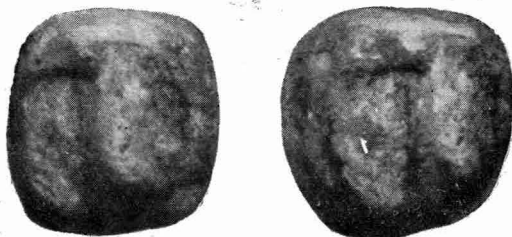

Рис. 35. Скульптурное изображение головы человека. Селище Урняк.

дикулярная плоскости с чертами лица. Лоб низкий, почти отсутствует. Хорошо очерченный большой прямой нос переходит в лоб без переносицы. Глаза переданы небольшими выбоинами, асимметрично расположенными по обе стороны носа, — одна ниже другой. Подбородок и рот сколоты, но ниже носа видна небольшая, не совсем горизонтальная черта на месте рта (рис. 35).

Керамика поселения представлена несколькими типами, характерными для абашевской культуры. Преобладают колоколовидные сосуды и крупные чашки. Гораздо меньше встречено баночных сосудов, маленьких чашек и острорезберных сосудов типа найденных в Верхне-Кизильском кладе. Большинство гончарных изделий сделано из глины со значительной примесью толченых раковин. Сосуды из глиняной массы без примеси, главным образом, — крупные и, как правило, украшены разными видами геометрического орнамента. Орнаментальная полоса покрывает только верх сосуда и лишь в единичных случаях заходит на нижнюю половину. Нанесен орнамент резбой, гребенчатым штампом и оттиском округлого остря. Часто на одном сосуде применены все эти технические приемы и комбинируются различные элементы рисунка, но все же по преобладающему мотиву можно объединить фрагменты в несколько групп.

Группа фрагментов с геометрическим орнаментом. Это самая многочисленная по количеству обломков (196) и числу сосудов (49) группа. Она хорошо выделяется из общей массы не только орнаментом, но и отсутствием или крайне малым количеством примеси толченых раковин в тесте. Поверхность многих сосудов хорошо залощена. Орнамент нанесен или резбой, или одновременно и резбой, и гребенчатыми оттисками. Он очень сложен и разнообразен. Преобладают пояса из заштри-

хованных ромбов, иногда с характерными ямками на стыках соседних ромбов (рис. 36); пояса из крупных прямоугольников, ограниченных вертикальными заштрихованными полосами; внутри прямоугольники заполнены также ромбами (рис. 36—4); пояса (обычно нижние в орнаментальной зоне) из вертикальных заштрихованных полос, вертикальных отрезков прямых в различных сочетаниях (рис. 36—1); реже нижний пояс состоит из узких горизонтальных заштрихованных треугольников вершиной книзу или сечкообразных лопастей (рис. 36—3, 5). Орнаментальные пояса отде-

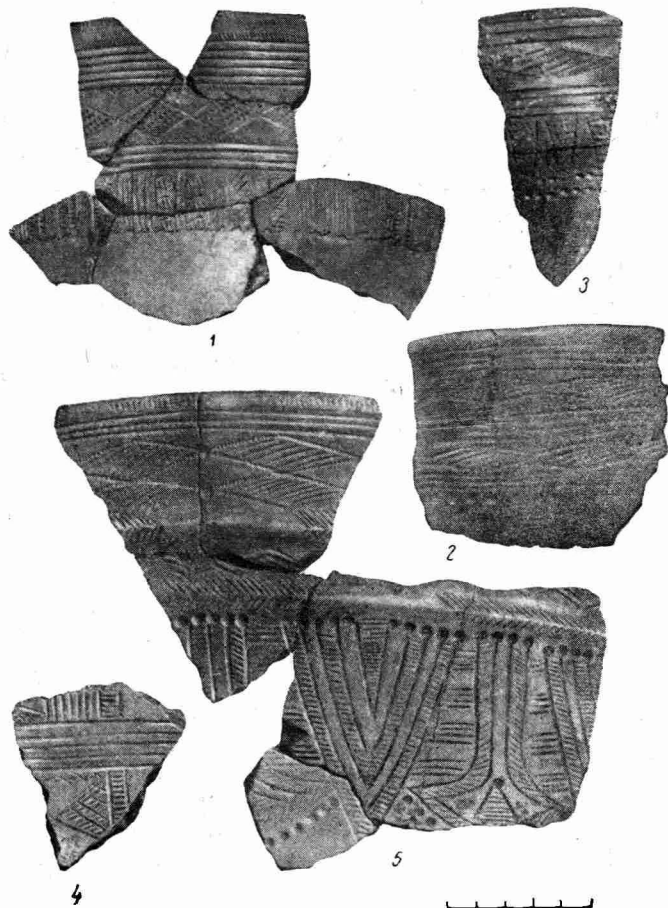

Рис. 36. Образцы керамики с селища Урняк.

ляются друг от друга рядами резных или гребенчатых линий, а снизу вся орнаментальная зона почти всегда ограничивается рядом ямок или зигзагов.

Выделяются 2 крупных фрагмента, принадлежащих 2 остророберным маленьким сосудикам типа найденных в Верхне-Кизильском кладе. На одном из них среди сложного рисунка обращают на себя внимание лопасти, состоящие из нескольких рядов горизонтальной елочки, заставляющие вспомнить аналогичные лопасти в орнаменте фатьяновских сосудов.

Из элементов орнамента, редко встречающихся в этой группе керамики, надо отметить ямки, окруженные лучиками (рис. 37—10), отлогие зигзаги (рис. 37—11), незаштрихованные двойные (вписанные друг в друга)

ромбы, меандры, группы гребенчатых оттисков с чередующимся наклоном (рис. 37—1), горизонтальные полосы, покрытые группами насечек в шахматном порядке.

Группа фрагментов с прямыми желобками (44 сосуда). Желобки, — всегда в несколько рядов (2—4), — составляют средний пояс орнаментальной зоны. В верхний пояс входит один из следующих элементов: зигзаги, ряды горизонтальных линий, наклонная штриховка, группы

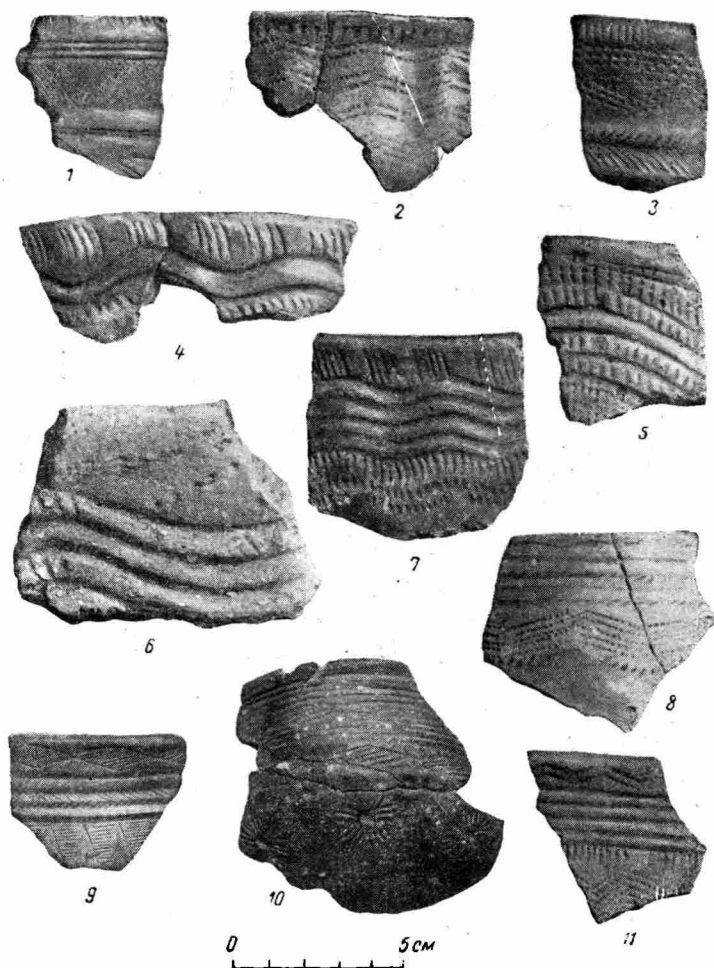

Рис. 37. Образцы керамики с селища Урняк.

вертикальных штрихов. Нижний пояс состоит из многих рядов гребенчатых зигзагов, которые снизу иногда ограничиваются бахромкой (рис. 37—8, 11).

Группа фрагментов с волнистыми желобками (34 сосуда). Волнистые желобки образуют средний пояс в 2—4 ряда. Иногда по среднему желобку или по валику между соседними желобками нанесены насечки сплошным рядом или группами с интервалами. Верхний пояс заполнен зигзагами, вертикальными или наклонными линиями, группами насечек, горизонтальными линиями. В нижний пояс входят ряды насечек,

следующие за изгибами желобков; ниже иногда встречаются ряды гребенчатых зигзагов (рис. 37—4—7).

Группа фрагментов с гребенчатыми зигзагами (17 сосудов). Орнаментальная зона состоит из многих рядов гребенчатых зигзагов, расположенных группами или сплошным полем. Иногда вдоль края сосуда нанесен поясok из насечек (рис. 37—2).

Перечисленные виды керамики, несмотря на все разнообразие, явно входят в единый комплекс и относятся к одной культуре. Помимо них, из общей массы выделяется небольшое число черепков, не характерных для абашевской культуры.

Одна группа инокультурной керамики, в которую входят 20 черепков от 8 сосудов, характеризуется отсутствием примеси раковин в глине и грубостью лепки. Орнамент в виде небрежно заштрихованных треугольников и зигзагов, нанесенный резьбой и оттисками гребенчатого штампа, так же как и характер поверхности с грубыми следами сглаживания, — типичны для керамики срубно-хвалынских поселений.

Вторая группа представлена только 3 черепками от плоскдонных сосудов с елочным орнаментом. Обращает на себя внимание сильная пористость, обычная для сосудов из глины с большой растительной примесью.

Раскопки селища Урняк дают дополнительный материал для изучения интересной и все еще недостаточно исследованной культуры эпохи бронзы — абашевской.

Материалы селища Урняк, подтверждая скотоводческо-земледельческий характер хозяйства абашевских племен, снова заставляют обратить внимание на высокое развитие медно-бронзовой металлургии у этих племен. Правда, на селище Урняк найдено мало обломков плавильных чаш на ножках и изделий из металла, но находки кусков медной руды многочисленны, а многие каменные орудия и валуны, обнаруженные на площади раскопа, носят на себе следы использования при плавке руды.

Отсутствие остатков жилищ (следует учесть местные почвенные условия и условия залегания культурного слоя как на данном поселении, так и на других абашевских селищах Башкирии) служит лишним подтверждением того, что жилища абашевцев были поверхностными, а не землянками или полуземлянками.

Богатая керамика исследованного нами памятника, весьма близкая керамике селища Баланбаш, все же имеет некоторые особенности в орнаментации. Это дает надежду в дальнейшем наметить или хронологические различия в абашевских памятниках, или установить особенности орнаментации керамики у отдельных родов и племен. Наконец, незначительное количество инокультурной посуды свидетельствует об известных связях с соседними срубно-хвалынскими племенами, а также с какими-то иными племенами, — может быть, Среднего Прикамья, — которые изготовляли в эпоху бронзы сосуды из глины с примесью мелких растительных частиц (травы, соломы?).

Материалы селища Урняк подтверждают генетические связи абашевской культуры с фатьяновской. Некоторые, — правда, немногочисленные, — элементы орнамента на керамике (например, лопасти из рядов горизонтальной елочки) являются полной аналогией соответствующим элементам в орнаментации фатьяновских сосудов. Вероятно, подтверждением этого положения служит также близость формы сверленного топоро-молота с селища Урняк и отдельных типов фатьяновских топоров.

Приведенные наблюдения расширяют наши знания об абашевских племенах и вместе с тем ставят ряд новых важных вопросов, делают настоятельно необходимыми дальнейшие исследования абашевских памятников Башкирии и вообще Южного Урала.

Помимо работ на селище Урняк, небольшие раскопки были произведены на 2 памятниках, которые мы с рядом других, ранее известных, объединяем в группу, характеризующую культуру Курман-тау. На одном из них — селище Куш-тау Западное — собрана предананьинская керамика типа найденной на стоянке Курман-тау Нижнее. Второй памятник — могильник в с. Урняк — содержал погребения со скорченными костяками. В могилах обнаружены сосуды, аналогичные посуде с селища Куш-тау Западное, на которых в то же время можно видеть черты генетической связи с керамикой абашевской. Памятники, относящиеся к культуре Курман-тау, являются поздним этапом развития абашевской культуры и вместе с тем позволяют увереннее, чем это возможно было до сих пор, говорить о ведущей роли абашевских племен в сложении ананьинской культуры.

Кроме памятников, характерных для культур абашевской и Курман-тау, Южно-Уральская археологическая экспедиция в 1953 г. произвела раскопки у с. Салихово Макаровского района Башкирской АССР, где исследовано 5 курганов, датирующихся II—III вв. н. э. Могильник у с. Салихово сочетает в погребальном обряде и инвентаре черты, присущие погребениям сармато-аланских племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья, с чертами погребальных памятников оседлых племен лесной полосы Среднего Поволжья и Южного Прикамья. Могильник у с. Салихово, по-видимому, можно рассматривать как новое доказательство проникновения степняков в районы Прикамья.

Два разведочных отряда (руководители — В. П. Викторова и В. И. Фомина) экспедиции открыли по притокам р. Белой — Нугуш, Тор, Суханыш и по р. Большой Ик более 20 разновременных поселений — от эпохи бронзы до старых башкирских кочевков — и более 60 курганов.

А. А. ШЕПИНСКИЙ

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ КИЗИЛ-КОБИНСКОЙ
КУЛЬТУРЫ В КРЫМУ

Кизил-кобинская культура названа по имени пещеры Кизил-Коба (к югу от Симферополя), в которой в 1914—1916 гг. С. И. Забниным была обнаружена¹ первая стоянка этой своеобразной местной культуры. В настоящее время большинство археологов (П. Н. Шульц и др.) относит возникновение кизил-кобинской культуры к эпохе бронзы (вторая половина II тысячелетия до н. э.), а расцвет — к ранней поре железа (вторая половина I тысячелетия до н. э.), и считает ее раннетаврской².

За последние годы открыты новые памятники кизил-кобинской культуры, в основном сосредоточенные в предгорном и горном Крыму. В данной статье публикуются материалы о новых местонахождениях, обследованных автором.

Стоянка у с. Обрыв (бывш. дер. Чумокарка). Расположена в 0,5 км юго-западнее села и в 1 км к югу от совхоза Залесье Симферопольского района, на первой (высотой до 10 м) террасе правого берега еще совсем недавно протекавшего здесь ручья. Площадь стоянки частично распахана. Здесь на протяжении около 100 м вдоль террасы встречаются лепная керамика, кости животных и кремневые орудия. Керамика делится на простую и слегка лощеную, серого и черного цвета. На многих обломках встречен характерный для кизил-кобинской культуры орнамент, сочетающий небольшие круглые или продолговатые ямочные вдавления и резные линии (рис. 38—1, 3, 4). Среди находок — обломки глиняных ситечек (рис. 38—11) и сосудов с разнообразными налетами (рис. 38—5, 6).

Большая часть керамики, по аналогии с другими памятниками кизил-кобинской культуры, датируется второй четвертью I тысячелетия до н. э.

Интересно отметить, что здесь же собран кремневый инвентарь, в частности микролитическая трапеция (рис. 38—9) и несколько ножевидных пластинок (рис. 38—16).

На противоположном склоне балки (в 50 м к западу) подобраны 2 кремневых наконечника стрел с вогнутыми основаниями³.

Местонахождение у с. Марьино Симферопольского района. В 2,5—3 км к северу—северо-востоку от села, на правом берегу р. Салгира, на водоразделе находится обширный курганный могиль-

¹ С. И. Забнин. Находки каменного века в Крыму. ИТУАК, № 54, 1917.

² П. Н. Шульц. О роли местных племен и народностей в истории древнего Крыма. Тезисы доклада. Симферополь, 1952, стр. 7.

³ По-видимому, с этой же стоянки происходит материал, собранный в 1929 г. у с. Чумокарка и хранящийся в фондах Областного краеведческого музея в Симферополе: около 100 кремневых ножевидных пластинок (рис. 38—12), 6 кремневых отбойников шарообразной формы и керамика, аналогичная собранной нами.

ник. Рядом протекает ручей, на левом берегу которого собраны обломки лепных сосудов с рельефными валиками и фрагменты ситечек. Встреченная здесь керамика не имеет лощения и резного орнамента, столь типичного

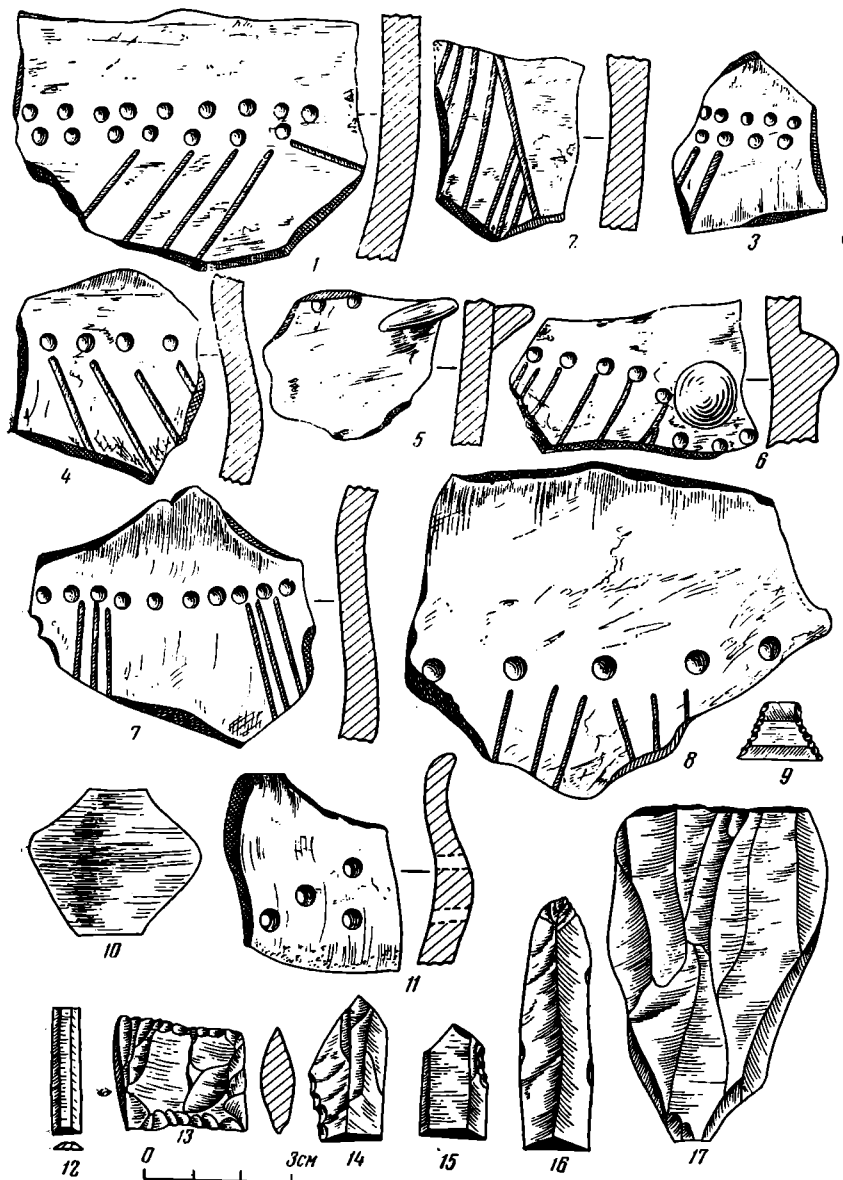

Рис. 38. Находки со стоянок кизил-кобинского времени (Крым).

1—8, 11 — фрагменты керамики; 9, 12—17 — кремневые орудия; 10 — присланец.

для сосудов большинства памятников этой культуры. Однако она близка другому типу керамики того же времени, обнаруженной на раннетаврском поселении Таш-Джарган.

Рядом находятся 2 кургана. В обнажении южной половины большего из них (высотой 1,7 м, диаметром до 25 м) находится каменный ящик (размерами

1,1 × 0,65 м) из необработанных известняковых плит. Ящик представляет собой впускное сооружение.

В Крыму известен ряд погребений в каменных ящиках, относящихся к культуре тавров. Возможно, что и описанное погребение синхронно соседней кизил-кобинской стоянке.

Стоянка у с. Малиновка⁴ (бывш. Кабази) Бахчисарайского района. Расположена в 0,5 км к северо-востоку от села на второй, высокой (до 50—60 м) террасе левого берега р. Альмы. Терраса имеет легкий наклон к реке; местами террасы прорезают овраги, в обнажениях которых на глубине 0,4—0,5 м под делювиальными отложениями залегает культурный слой. С северо-запада стоянка ограничена балкой, по которой протекает ручей, впадающий в р. Альму. Судя по распространению подъемного материала, стоянка занимает площадь протяженностью 100 м и в ширину — около 70 м.

Собранная керамика делится на простую, по-видимому, кухонную, обычно серого или коричневого цвета, и слегка лощеную, коричневого, а чаще черного цвета. Последняя нередко бывает орнаментирована точечными вдавлениями или насечками в верхней части сосуда, а также резными линиями, опускающимися наклонно вниз от вдавлений (рис. 38—7). Керамика этого типа широко представлена на поселениях кизил-кобинской культуры (Симферопольском, Инкерманском, на горе Кошка и т. п.), обычно датируемых VII—VI вв. до н. э. Интересно отметить наличие орнаментированных, но не лощеных сосудов (рис. 38—8), что для данных памятников встречается впервые. Кремневый инвентарь представлен обломком двусторонне обработанного вкладыша серпа с залощенным рабочим краем (рис. 38—13), призматическим нуклеусом (рис. 38—17), ножевидными пластинками и кремневыми отщепами с подправкой по краям (рис. 38—14, 15).

Стоянка у с. Староселье Бахчисарайского района. Находится под небольшим навесом у основания отвесных скал, на левом высоком склоне Осиповой балки, заросшем густым лесом. Длина навеса — 8 м, ширина — 4,5 м, высота у входа, обращенного к северо-западу, — около 2 м. Перед входом расположена небольшая площадка, обнесенная по краю массивной каменной стеной, упирающейся концами в скалу (рис. 39). Стена сложена из крупных (до 1,5 × 1,5 м) необработанных блоков известняка, пространство между которыми заполнено мелкими камнями. Толщина и высота стены — около 1,5 м. Шурф под навесом выявил следующую стратиграфию: 1) сухой овечий помет — до глубины 0,08—0,1 м; 2) золистый слой — от 0,1 до 0,15 м, с одиночными находками средневековой керамики; 3) слой гумированной земли с включениями известковой пыли и золы — от 0,15 до 0,46 м. В последнем слое найдены свыше 40 обломков лепной, иногда тонкостенной лощеной неорнаментированной керамики и обломков биконического пряслица (рис. 38—10). Эти находки можно сопоставить с материалами с Инкерманского и Симферопольского поселений (VII—VI вв. до н. э.).

Пещерные стоянки кизил-кобинской культуры в Крыму не редки, но ни на одной из них не обнаружены остатки подобной ограды; возможно, она в основе своей — таврского времени, а в средневековье была приспособлена для загона скота. О древности стены свидетельствует ее облик: массивность и характер кладки, напоминающей оборонительные стены таврских убежищ горного Крыма (на горе Кошка, на Басмане и др.). Принято считать, что этот тип кладки появился у тавров в VI—V вв. до н. э.

⁴ Стоянка у с. Малиновка, как и стоянка в Осиповой балке (см. ниже), обнаружена в 1953 г. при работах Крымской палеолитической экспедиции Института истории материальной культуры Академии наук СССР. Руководитель экспедиции — А. А. Формозов.

В верховьях той же балки обследован второй навес, обращенный выходом на юг — юго-запад. В шурфе на глубине 0,4 м от поверхности, в зольном слое найдены обломки лепной керамики кизил-кобинского облика, в том числе лощеной, кремневый отщеп и несколько костей животных.

Находки в пещере Бинбаш-Коба на Чатыр-Даге. В 1955 г. в этой очень известной, узкой, коридорообразной пещере, в свежих выбросах земли из зачисток туристов, наряду с гончарной средневековой керамикой, нами найдена лепная, слегка лощеная керамика кизил-кобинского облика; среди находок есть фрагменты с небольшими рельеф-

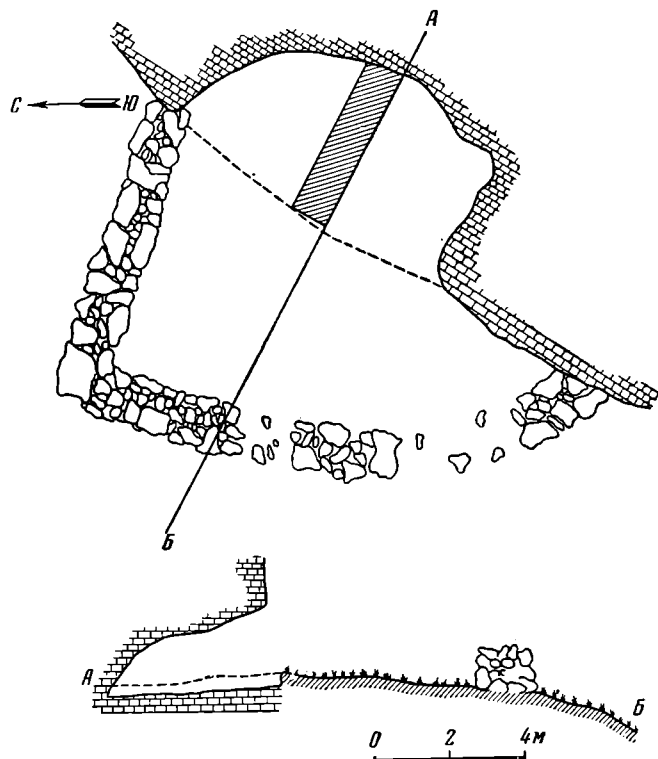

Рис. 39. Схематический план и разрез скального навеса и остатков стены в Осиповой балке.

ными валиками и починочными отверстиями. В пещере Бинбаш-Коба кизил-кобинская керамика обнаружена впервые. До сих пор имелись сведения о находках здесь кремневых орудий якобы палеолитического облика⁵ и о средневековых предметах. С последними, по-видимому, связаны многочисленные человеческие кости, давшие пещере название «Тысячеголовой». Для стоянки пещера мало удобна — она темная и сырая. Пещера могла служить только временным убежищем: так ее использовали в средневековье, когда в ней погибло множество людей; так, скорее всего, использовали ее и в кизилкобинскую эпоху.

Описанные памятники датируются, по-видимому, в пределах VIII—VI вв. до н. э. По характеру керамики (лощению, составу теста и т. п.) и ее орнаменту (сочетание резных линий и точечных вдавлений) Чумокар-

⁵ К. С. Мережковский. Отчет об антропологической поездке в Крым в 1880 г. ИРГО, т. XVII, вып. 2, 1881.

ское, Кабазинское и Осиповское местонахождения наиболее близки памятникам типа Симферопольского поселения⁶. Что же касается Марьинского и Бинбаш-Кобинского местонахождений, то они по особенностям керамики скорее приближаются к памятникам типа Уч-Баш и Таш-Джарган.

Особо следует остановиться на перечисленных выше находках кремневого материала неолитического и раннебронзового типа (трапеции, микропластинки, стрелки с вогнутыми основаниями). Сочетание лощеной керамики и микролитов отмечалось в Крыму и раньше, например, в верхнем слое Шан-Кобы, на стоянках Ягмурцы I и II, возможно, в Алимовом на-весе. Часто они залегают в одном культурном слое (так, в неолитическом горизонте Шан-Кобы, наряду с трапециями, найдены фрагменты черной керамики)⁷. А. А. Формозов сообщает о неолитической стоянке Балин-Кош, где обнаружены фрагменты с характерными для кизил-кобинских сосудов узкими налепными валиками и многочисленные наконечники стрел с выемкой в основании. Основываясь на этом факте, А. А. Формозов допускает, что некоторые элементы, типичные для кизил-кобинской керамики, появились в Крыму еще до II тысячелетия до н. э.⁸ Окончательное решение этого вопроса принадлежит будущему, но возможно, что время возникновения некоторых памятников, относящихся к кизил-кобинской культуре, придется отнести к более раннему периоду, чем считается сейчас.

Интересен также факт обнаружения каменной стены в пещерной кизил-кобинской стоянке и кизил-кобинского слоя в «Тысячголовой» пещере, служившей, вероятно, убежищем. Все эти наблюдения показывают, что исследование кизил-кобинских поселений может дать еще много нового для истории Крыма.

---

⁶ О. Д. Дашевская. Раскопки Симферопольского поселения кизил-кобинской культуры. КСИИМК, вып. XXXIX, 1951, стр. 110—119.

⁷ С. Н. Бибииков. К вопросу о неолите в Крыму. КСИИМК, вып. IV, 1940, стр. 28.

⁸ А. А. Формозов. Исследования стоянок каменного века в Крыму в 1952 году. КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 70.

О. Г. ШАПОШНИКОВА

ПОСЕЛЕНИЕ РАННЕБРОНЗОВОГО ВРЕМЕНИ У СЕЛА ВОЛОШКОГО

Порожистая часть Днепра богата археологическими памятниками различных периодов, начиная от палеолита и до позднейших эпох. В результате археологических исследований 1951—1953 гг. на территории Нижнего Поднепровья открыто много новых памятников, имеющих большое значение для освещения истории племен степной полосы территории Украины в эпоху раннего металла. Особенно важны в этом отношении исследования двух поселений эпохи ранней бронзы — многослойного поселения у с. Михайловка Ново-Воронцовского района Херсонской области и поселения в урочище Скеля-Каменоломня у с. Волошского Днепропетровской области.

Урочище Скеля-Каменоломня расположено в юго-восточной части с. Волошского. Это продолговатой формы гранитный останец, площадь которого равна 3,5 га. В настоящее время он со всех сторон омывается водами озера Ленина. Гранитная скала по уровню соответствует третьей террасе и раньше во время разливов также превращалась в остров. Высота ее над уровнем Днепра — около 30 м. Останец покрыт суглинисто-щебнистым слоем, который в свою очередь перекрывается черноземом. Культурный слой залегает в черноземе и частично в верхней части суглинисто-щебнистого.

Поселение расположено на восточной части скалы, т. е. наиболее возвышенной. Площадь его — 3000 кв. м. В 1953 г. В. Н. Даниленко и О. Г. Шапошниковой здесь были заложены 3 раскопа общей площадью 650 кв. м.

Особо интересны открытые в западной части поселения строительные остатки: ограда, сооруженная соответственно конфигурации склона верхней площадки и окаймлявшая поселение с западной стороны, а на расстоянии 3 м от стены и параллельно ей — остатки наземного сооружения, от которого сохранилась только внешняя стена дугообразной формы и небольшие, очевидно, очажные вымостки размером $0,8 \times 0,6$ м. Основание стены состоит из одного ряда камней, положенных плашмя. В связи с тем, что часть скалы, занятая поселением, разрушена, мы не можем дать общую картину планировки построек. Однако есть основание считать, что оградительной стены, наподобие описанной, там не было, так как склоны урочища — почти отвесные, высотой до 30 м и по существу в искусственном укреплении не нуждались. Что же касается жилых комплексов, то они, по-видимому, располагались и в центральной части поселения, и на периферии. На это, например, указывают незначительные остатки каменных сооружений, обнаруженные на разных участках.

Раскопками 1952—1953 гг. у с. Михайловка открыты остатки каменных кладок, свидетельствующие о более высоком уровне строительной техники у обитавшего здесь в период ранней бронзы населения. Оба поселения имеют единый принцип укреплений.

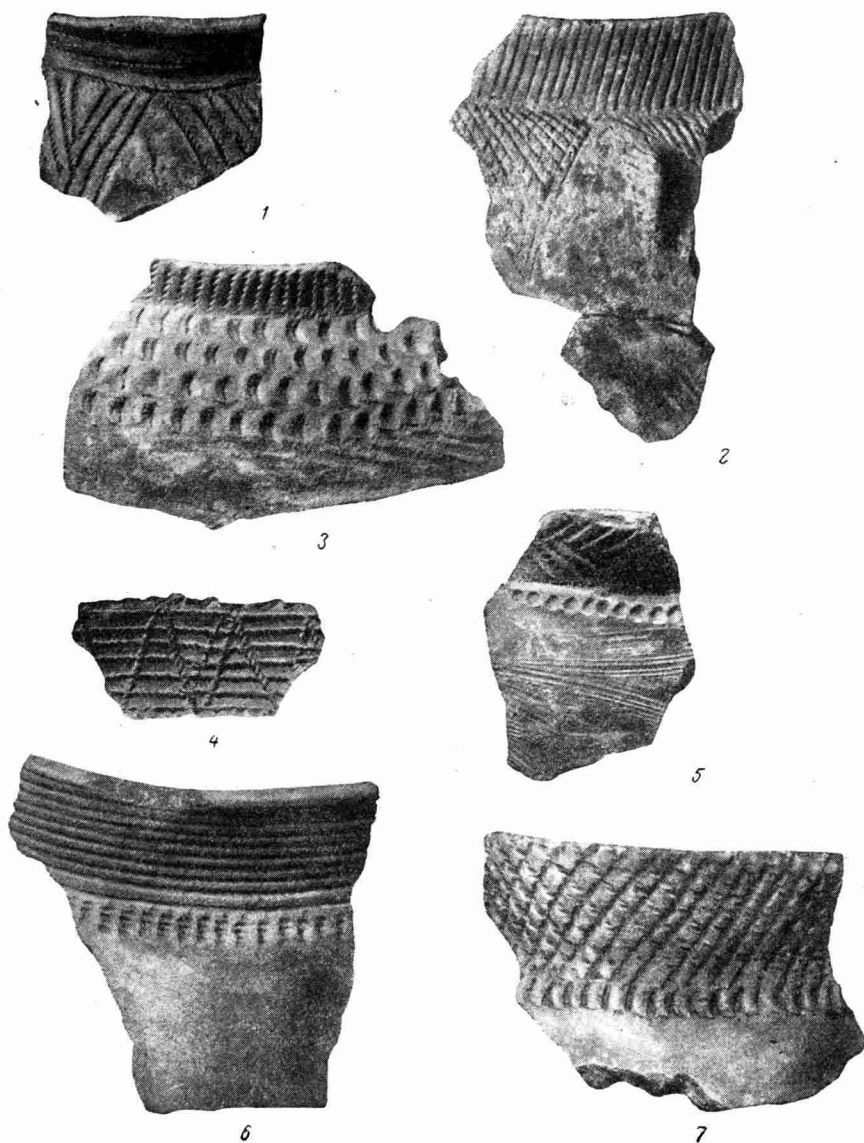

Рис. 40. Керамика с поселения у с. Волошского (в урочище Скеля-Каменоломня).

На Михайловском поселении архитектурные остатки более фундаментальны. Здесь обнаружены оградительная стена длиной 46 м и несколько каменных сооружений, примыкавших друг к другу, которые в целом составляли значительные по занятой площади строительные комплексы.

На поселении в урочище Скеля-Каменоломня наиболее массовыми находками представлена керамика. Она составляет 2 группы. В первую и наиболее многочисленную входят яйцевидные сосуды с невысоким отогнутым наружу венчиком и с наибольшим диаметром в верхней части тулова.

В глиняной массе — примесь мелкозернистого песка. Громадное большинство сосудов покрыто разнообразными узорами, комбинациями различных орнаментальных элементов, причем веревочный орнамент был одним из наиболее распространенных. Узоры, как правило, размещались в верхней части сосудов. Эта группа керамики по форме и способу обработки поверхности очень близка древнейшей и керамике верхнего слоя Михайловского поселения (рис. 40—2, 3).

Вторую группу составляют фрагменты крупных сосудов с прямыми высокими венчиками (от 5 до 10 см), с наибольшим диаметром в плечах, с яйцевидным, реже плоским дном. В глиняной массе — довольно обильная примесь толченой ракушки, мелкозернистого песка, иногда кровавика. Сосудам присущи веревочный, гребенчатый, гусеничный, защипной, реже накольчатый типы орнамента. Характерна довольно устойчивая композиция в виде горизонтальных оттисков шнура, которые перекрещиваются шнуровым зигзагом, или же последний вписан между горизонтальными линиями. Сосуды обычно украшены только в верхней части (рис. 40—7). Так же распространен орнамент в виде елочко-зональных композиций. Эта керамика имеет много общего с керамикой типа Средний Стог II. Она соответствует сосудам из среднего слоя Михайловского поселения.

Кроме указанных групп посуды, обычных для степных поселений Поднепровья в период раннего металла, на поселении выявлены фрагменты приносной ямочно-гребенчатой керамики, характерной для лесного неолита.

При раскопках собраны кремневые, каменные, костяные орудия и большой фаунистический материал. В числе домашних животных — бык, овца, коза и др.

Исходя из стратиграфии таких памятников, как Стрильча Скеля и Михайловка, керамика первой группы может быть сопоставлена с материалами верхнего слоя Михайловки, Стрильча Скели и Дурна Скели, а керамика второй группы — с материалами среднего слоя Михайловки и др., т. е. хронологические рамки поселения в урочище Скеля-Каменоломня определяются концом III тысячелетия и началом II тысячелетия до н. э.

Существенным фактом, позволяющим поставить вопрос о синхронизации времени лесного неолита и периода степной ранней бронзы, являются найденные на поселении фрагменты ямочно-гребенчатой керамики эпохи неолита. В ряду других памятников этого же времени поселение в урочище Скеля-Каменоломня — один из важных для освещения истории степного населения в эпоху ранней бронзы.

Ю. Н. ЗАХАРУК

ПОСЕЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ ВОРОНКОВИДНЫХ СОСУДОВ
НА ВОЛЫНИ

В 1951 и 1952 гг. в с. Зимно Владимир-Волынского района Волынской области археологическими экспедициями Института археологии и Института общественных наук Академии наук УССР были проведены раскопки поселения, расположенного на останце левого коренного берега р. Луга, притока р. Западного Буга. На поселении обнаружен культурный слой, насыщенный находками, относящимися к культуре воронковидных сосудов. В процессе раскопок исследовано 5 ям, являвшихся остатками углубленных частей жилищ. В некоторых из них оказались кострища, а в других — остатки разрушенных печей. Несколько разрушенных печей обнаружено вне пределов ям. Кроме того, открыты 2 ямы, стенки и дно которых были обмазаны глиной и обожжены. Эти ямы, по-видимому, служили для хранения запасов, в частности — зерна.

Находки в довольно большом количестве встречались и в ямах, и вне их. Наиболее многочисленную группу составляла керамика. Вся посуда изготовлена от руки из довольно плотной глины с незначительной примесью песка, реже — крупных зерен кварца и шамота. Посуда хорошо обожжена. Обычно внешняя, а иногда и внутренняя поверхности тщательно сглажены, вплоть до лощения. Комплекс сосудов характеризуется биконичностью форм. Наиболее типичны для поселения сосуды с воронковидной шейкой (рис. 41—1), биконические, среднего размера, узкогорлые (рис. 41—7, 10) и широкогорлые с невысоким расширяющимся, утолщенным у основания венчиком (рис. 41—8). Узкогорлые сосуды иногда снабжены ушками или ручками; при этом чрезвычайно характерны ручки типа *ansa lunata* (рис. 41—9). Встречены фрагменты от так называемых воротниковых фляг (рис. 41—3, 4), в их числе — 2 сосуда, без венчиков, с крестовидными рельефными ножками. Найдены фрагменты от больших биконических сосудов, служивших для хранения запасов (рис. 41—2, 5). Посуда зачастую орнаментирована. Наиболее распространен орнамент в виде оттисков разнообразных штамповых углублений, пальцев или ногтей. Нередко встречается рельефный орнамент в виде валиков. В нескольких случаях на сосудах с воронкообразной шейкой штампованный орнамент заполнен белой пастой. Относительно большую группу находок составляют глиняные, иногда орнаментированные пряслица: плоские, конические с вогнутым или ровным основанием. Встречено несколько массивных, цилиндрической и сферической формы грузил. Особо следует отметить находку 2 фрагментов миниатюрных глиняных топориков с отверстиями для подвешивания. Такие топорики очень характерны для данной культуры.

В большом количестве собраны кремневые изделия (рис. 42—9—13). Они изготовлялись, главным образом, из черного мелового кремня

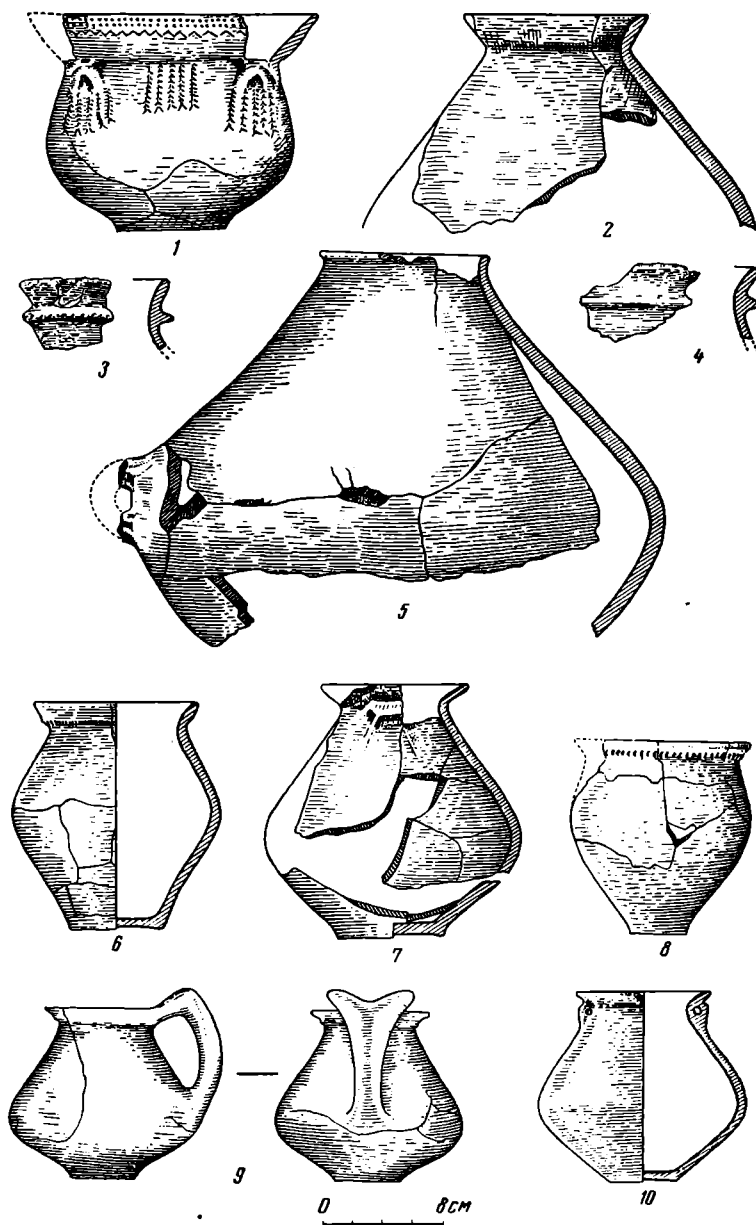

Рис. 41. Керамика с поселения у с. Зимно.

хорошего качества, так называемого волынского или надбужанского кремня, который широко использовался первобытным населением Волыни. В числе кремневых изделий встречены: скребки на удлиненных пластинках и отщепах, ножи, угловые ножи, серпы, серия резцов — боковых, срединных, двусторонних, пластинки со скошенным краем, скобель, сверло, отжимники, отбойники, обломки четырехгранных топоров-клиньев, наконечники стрел. Большое количество кремневых отщепов, сколов, нуклеу-

сов и кремневых желваков-заготовок свидетельствует о том, что кремневые изделия производились на месте.

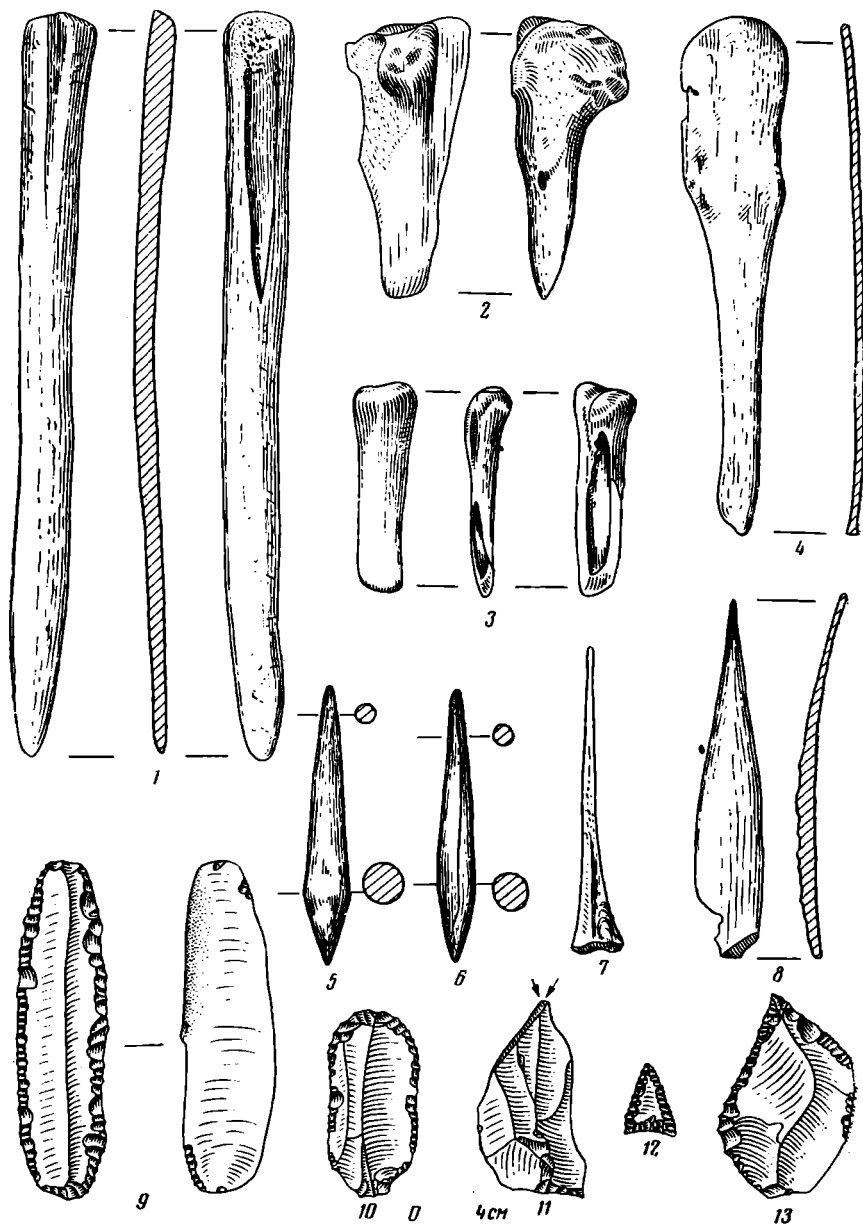

Рис. 42. Костяные и кремневые изделия с поселения у с. Зимно.
(1—8 — кость; 9—13 — кремнь).

На поселении найдены также обломки зернотерок, растиральников, брусков, обломки обушной части боевых топоров-молотов особого типа, характерных для комплекса материалов, относящихся к культуре воронковидных сосудов.

В значительном количестве обнаружены изделия из кости (рис. 42—1—8). Очень типичны для подобных памятников небольшие биконические

острия (рис. 42—5, 6). В поперечном сечении они бывают круглые, уплощенно-овальные и округло-граненные. Из числа единичных находок следует отметить плоскую костяную «ложку» и орудия для нанесения орнамента (рис. 42—4). Были обнаружены несколько подвесок из зубов животных; зубы с просверлинами в корневой части. Встречена кость крупного животного, на которой заметны следы обработки — трехсторонняя подтеска и заполированность. В ямах и вне ям собрано довольно много костей домашних и диких животных; среди домашних — бык, лошадь, коза, овца, свинья и собака; дикие — волк, бобр, барсук, олень, хомяк, козуля и заяц. Около одной из разрушенных печей найден сосуд, до половины наполненный рыбьей чешуей. Поселение в с. Зимно относится к большой группе памятников культуры воронковидных сосудов; памятники эти распространены на обширной территории, главным образом, вне нашей Родины, где они составляют несколько местных, локальных групп.

На территории СССР памятники указанного типа встречаются в пределах Волинской и Львовской областей УССР, в бассейне Западного Буга. До раскопок в с. Зимно было частично исследовано только одно поселение этого типа, открытое в с. Малые Грибовичи Львовской области (раскопки М. Ю. Смишко в 1933—1934 гг.). Между тем изучение памятников культуры воронковидных сосудов на указанной территории имеет большое значение. Памятники, расположенные в бассейне Западного Буга, занимают наиболее восточное, периферийное положение по отношению к основной территории их распространения. Поэтому полученный в результате раскопок поселения в с. Зимно разнообразный археологический материал представляет значительный научный интерес. Он важен для выяснения характера и местных особенностей культуры воронковидных сосудов и для освещения вопроса об ее связях с синхронными соседними культурами Украины. На основании раскопок в Зимно удалось установить синхронность поселения с памятниками позднего типа трипольской культуры (типа Городска и Усадово). Об этом свидетельствуют найденные на дне одного из жилищ фрагменты керамики, относящейся к этой культуре.

Синхронность и существование определенных связей между племенами — носителями культуры воронковидных сосудов и трипольской подтверждается в свою очередь находками изделий, характерных для культуры воронковидных сосудов на позднетрипольских поселениях Волини. Так, на позднетрипольском поселении около Новой Чартории Дзержинского района Житомирской области (раскопки Ю. Н. Захарука в 1949 г.) найдены фрагменты венчика сосуда и обломок глиняного миниатюрного «топорика». Об определенных связях между этими культурами свидетельствуют близость некоторых керамических форм, сходство ассортимента кремневых изделий и пользование одним сортом кремня.

Население Западного Побужья не ограничилось только связями с ближайшими трипольскими племенами. Имеются определенные данные, указывающие на то, что поддерживались связи и с позднетрипольскими племенами Среднего Поднепровья.

Раскопки в Зимно дали обильный материал, служащий ценным источником для изучения истории, хозяйства и быта населения Волини, для которого была характерна культура воронковидных сосудов. Этот материал очень важен для увязки истории местных энеолитических племен юго-запада нашей Родины с историей энеолитических племен Западной Европы.

Установление синхронности культур воронковидных сосудов и позднетрипольской, документально засвидетельствованное исследованиями последних лет, имеет большое значение при решении сложного вопроса о взаимоотношении и связях энеолитических культур Волини.

Г. И. С МИ Р Н О В А

РАБОТЫ ЗАПАДНО-УКРАИНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В 1954 ГОДУ

В 1954 г. Западно-Украинская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа и Ленинградского государственного университета, под руководством М. И. Артамонова, работала в ряде районов Станиславской, Тернопольской и Винницкой областей. Работы производились несколькими отрядами одновременно.

В Обертинском районе Станиславской области экспедиция занималась раскопками многослойного поселения в с. Незвиско¹. Необходимость проведения широких исследований на этом поселении была установлена в предыдущие годы Днестровской археологической экспедицией Института общественных наук Академии наук УССР.

В 1954 г. раскоп площадью 300 кв. м был разбит у восточной стороны раскопа 1953 г., благодаря чему удалось уточнить данные стратиграфии, а также полностью вскрыть некоторые жилища, обнаруженные в 1953 г.

Раскопками 1954 г. установлено наличие 8 разновременных культурных слоев на поселении Незвиско: позднеславянского (XII—XIII вв.), раннеславянского (VIII—IX вв.), культуры полей погребений (I в. до н. э.—IV в. н. э.), раннего железа, эпохи бронзы (комаровская культура), трипольской культуры (этап В/I и В/II) и культуры линейно-ленточной керамики.

1. Нижний слой — культуры линейно-ленточной керамики — оказался слабо выраженным. На глубине 3 м от поверхности изредка встречались кремневые поделки и фрагменты сосудов. В 1953 г. в этом слое было обнаружено погребение. На участке, раскрытом в 1954 г., погребений не оказалось.

2—3. Над первым культурным слоем (до глубины 2,5 м) вскрыт нижний горизонт отложений, относящихся к трипольской культуре, к этапу В/I по периодизации Т. С. Пассек². Выше, на глубине 2,1—2,5 м находился верхний трипольский горизонт этапа В/II. Хорошая сохранность и четкая стратиграфия этих слоев позволили установить 4 строительных периода на трипольском поселении (по два на каждом из горизонтов).

В 1954 г. вскрыто 10 жилищ двух типов — полуземлянки и наземные площадки; при этом для обоих горизонтов характерны были и те, и другие. В жилых сооружениях собраны: много керамики с полихромной рос-

¹ В работах на поселении в с. Незвиско принимала участие сотрудник отдела археологии Института общественных наук Академии наук УССР Е. К. Черныш, под наблюдением которой проходили раскопки нижних горизонтов.

² Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений (III—II тысячелетия до н. э.). МИА № 10, 1949.

писью в нижнем горизонте и с монохромной — в верхнем; большое количество орудий труда — наконечников мотыг, кремневых серпов, скребков, резцов; зернотерки, кости животных.

4. Трипольские горизонты оказались перекрытыми мощным слоем желтой глины. В этом слое на глубине 1,6—1,8 м зачищены 2 плоских камен-

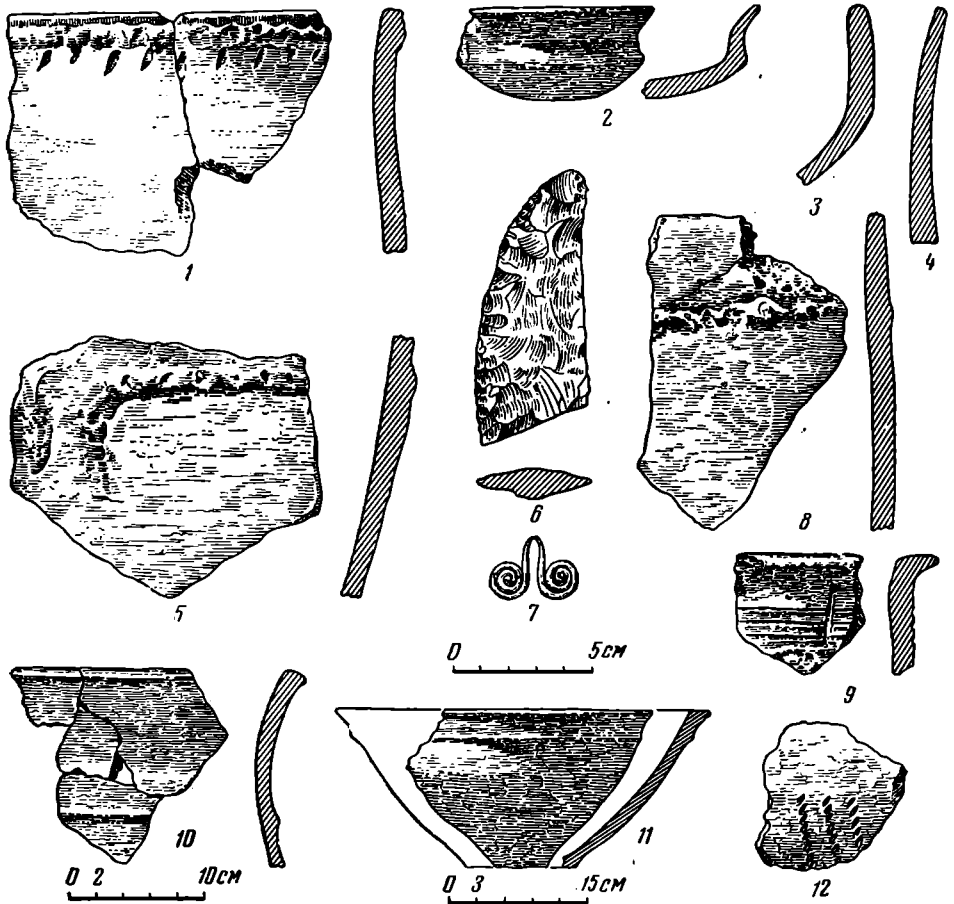

Рис. 43. Находки на поселении Незвиско.

1—5 — керамика из слоя раннего железа; 6 — кремневый серп; 7 — бронзовая подвеска; 8—12 — керамика из слоя, относящегося к комаровской культуре.

ных очажка, а также найдены кремневые серпы и отдельные обломки керамики, характерной для комаровской культуры (рис. 43 — 8—12). Керамический материал фрагментарен, поэтому трудно учесть все формы сосудов, употреблявшихся на поселении.

Отметим обломки тьюлпановидных сосудов, больших широких мисок, прямостенных кубков и тонкостенных сосудов неопределенной формы. Основные разновидности орнаментации — гладкий валик, углубленные полосы, отпечатки шнура. У сосудов характерный для комаровской керамики край венчика — утолщенный наружу, горизонтально или косо срезанный. Серо-желтая или красновато-желтая поверхность слегка залощена, в глиняном тесте содержится примесь кремня и зерен кварца. К комаровскому

слою также, очевидно, относится бронзовая очковидная подвеска (рис. 43 — 7).

5. Слои времени раннего железа, как и комаровский, оказались слабо насыщенным. Каких-либо жилых или хозяйственных сооружений обнаружить не удалось, за исключением небольшой очажной ямки. Отдельные обломки керамики голиградского типа и кости животных встречались на глубине 1,4—1,7 м. Керамика — лепная, хорошего обжига и тщательной отделки. Для кухонной посуды характерны прямостенные сосуды с горизонтально срезанным краем венчика. Иногда они орнаментировались расчлененным валиком, помещенным под венчиком или по тулову (рис. 43 — 1, 4, 5). Столовая посуда представлена желтолощенными, реже чернолощенными мисками с краями, слегка загнутыми внутрь, и невысокими черпаками с углублением на дне (рис. 43 — 2, 3). Орнаментация сосудов каннелюрами встречается в виде исключения. Несмотря на фрагментарность и немногочисленность находок из пятого слоя, бросаются в глаза некоторые особенности незвисского материала, отличающие его от материалов таких памятников, как Голиграды, Городница и др. В отличие от Голиград в Незвиско отсутствует чернолощенная каннелированная керамика, не встречаются миски с развернутыми наружу краями и корчаги, на сосудах кухонного назначения нет выступов-упоров. Это дает возможность предполагать, что слой раннего железа в Незвиско относится к более позднему времени, чем Голиграды и другие памятники фракийского гальштата, т. е. к VI—V вв. до н. э.

Правда, окончательное решение вопроса о датировке незвисского материала из слоя эпохи раннего железа станет возможно после того, как будут обнаружены и изучены позднеголиградские памятники.

6. Над слоем желтой глины с комаровскими и голиградскими находками (в среднем на глубине 0,5—1,4 м) залегал черноземный культурный слой, насыщенный остатками жилищ и хозяйственными ямами времени культуры полей погребений.

Экспедицией раскрыты 2 полуземлянки, из которых одна перерезала другую. Они — прямоугольные в плане, ориентированы с востока на запад; размеры первой — 5,7 × 3,2 м, второй — 4 × 2,4 м. В полу большой землянки (№ 1) зачищено несколько ям от столбов, но по их беспорядочному расположению трудно судить о конструкции крыши. Очага или печки не оказалось.

Вдоль южной и восточной стенок полуземлянки № 2 зачищены ямки от колышков; остатки сильно разрушенного очага вместе с обрывками утрамбованного пола обнаружены на глубине 0,55 м от пола первоначального жилища. В заполнении жилищ найдена гончарная и лепная керамика культуры полей погребений, прясла, большие глиняные грузила, обломки дуршлагов, оселки, кости животных. Единственный металлический предмет — это серебряная фибула, найденная в стенке большой полуземлянки (рис. 44 — 13).

С этим же слоем связываются жилища наземного типа. На некоторых участках раскопа зачищены обрывки глинобитных полов, по которым, однако, трудно судить об общих очертаниях жилых сооружений. В одном случае под скоплением камней на глинобитном полу оказался очаг довольно хорошей сохранности.

Уцелели нижние камни, поставленные ребром на глиняную обмазку. Под очага имел вид неглубокой ямки, обмазанной по краям глиной. Устье находилось с западной стороны.

К культурному слою полей погребений относятся также хозяйственные ямы. В общей сложности в 1954 г. расчищено 12 ям, в двух из них обнаружены большие камни от жерновов.

Слой обильно насыщен культурными остатками. Самую многочисленную

группу находок составляет керамика, среди которой встречается и сделанная на круге, и лепная. Та и другая группы керамики по технике выполнения, формам и орнаментации характерны для культуры липицкого типа, распространенной в ранний период полей погребений на территории Верхнего Поднестровья.

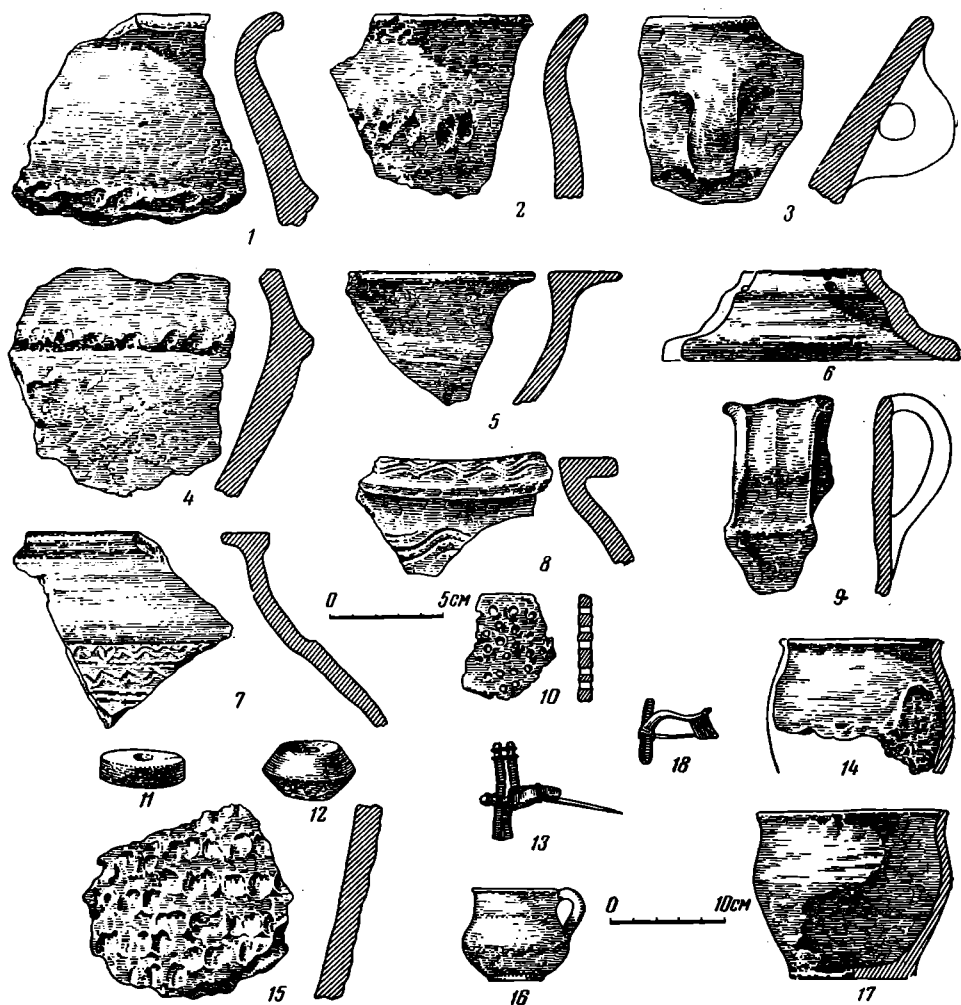

Рис. 44. Находки на поселении Незвиско. (Из слоя, относящегося к культуре полей погребений).

1—4, 14, 15, 17 — лепная керамика; 5—9, 16 — гончарная керамика; 10 — обломок дуршлага; 11, 12 — глиняные присла; 13 — серебряная фибула; 18 — бронзовая фибула.

Лепная посуда — толстостенная, с шероховатой поверхностью; в тесте — примесь шамота. Цвет — серый и серо-желтый. Преобладают обломки характерных для «липицы» больших выпуклобоких сосудов с немного отогнутым венчиком. Иногда они орнаментированы расчлененным налепом или вдавлениями по тулову (рис. 44—1, 2, 4).

Не менее характерны для липицкой керамики найденные в Незвиско лепные конические чарки с ручкой, миски на подставке и некоторые другие виды лепной посуды (рис. 44—3). Сосуды, изготовленные на круге,

хорошо обожжены и залощены. Тесто хорошо отмучено. Представлены различные виды посуды: высокие кувшины, вазы на подставке, кубки, пифосы и другие формы (рис. 44—5—9, 16). Некоторые из видов (например, вазы на подставке, кувшины с двумя ручками) типичны только для липицкой культуры.

Ближайшую аналогию лепной и гончарной керамике из Незвиско находим в материалах Залесцев, которые М. Ю. Смишко датирует I в. до н. э. и первыми веками нашей эры. К этому же времени или, может быть, только к первым векам нашей эры следует относить и незвисские материалы липицкого типа. Наряду с этим незвисский горизонт полей погребений дал и более поздние материалы, относящиеся к культуре полей погребений черняховского типа и датирующиеся в Незвиско III—IV вв. (например, рис. 44—7—9). Незвисский керамический комплекс этого времени типичен для черняховских памятников Украины.

Датирующим материалом для позднего слоя полей погребений служат римские амфоры III—IV вв., серебряная монета-амулет Антонина Пия (138—161 гг.) и фибулы. Одна из фибул — бронзовая, с высоким приемником. Этот тип был довольно распространен на территории Поднестровья и Прикарпатья в III в. — начале IV в. (рис. 44—18). Другая фибула — серебряная, с двойной пружиной — находит аналогии в пшеворских памятниках и относится к IV в. (рис. 44—13).

Среди материала, относящегося к слою полей погребений, следует выделить группу керамики, которая по формам и технике выполнения отличается от керамики липицкого и черняховского типа. В основном это лепные желто-красные или темносерые сосуды биконической формы. Для них характерен орнамент в виде полукруглых налепов под венчиком или защипов, сплошь покрывающих нижнюю часть тулова. Край венчика обычно горизонтально срезан (рис. 44—14, 15, 17).

Лепная керамика этого вида, главным образом, происходит из заполнения землянки № 1, где она найдена вместе с изготовленной на круге черняховской керамикой III—IV вв. н. э. и позднеантичными амфорами. По ряду признаков эта группа посуды сближается с керамикой, относимой к пшеворской культуре. Однако для окончательного решения вопроса о культурной принадлежности лепных лощеных сосудов из землянки № 1 данных еще недостаточно.

7. Выше черноземного слоя на глубине 0,4—0,6 м (иногда и ниже — до 1,2 м) в 1954 г. удалось проследить культурный слой раннеславянского времени. Зачищено несколько печей-каменок, где обнаружена лепная раннеславянская керамика. По устройству печи довольно однотипны. Они прямоугольные в плане, стенки сложены из поставленных на ребро плит. Свод, уже развалившийся, — тоже каменный. Под печей, как правило, ровный, земляной, устье чаще всего находится с юго-западной или южной стороны. В отличие от каменных очагов горизонта полей погребений, печи — больших размеров и имеют не углубленный, а ровный под.

К сожалению, не удалось установить, с какими жилищами комплексами печи связываются, так как большинство из расчищенных печей находилось у стенок раскопа, и для того, чтобы уяснить характер устройства жилищ, необходимо было делать прирезку. В одном случае печь-каменка связывалась с сильно утрамбованным земляным полом, основная часть которого уходила под край раскопа. Над полом были зачищены остатки сгоревших плах.

При разборке печей-каменок найдена керамика, представленная в основном двумя видами посуды — сковородками и горшками. В одной из печей сковородка стояла на поду в слое угля и золы.

У глиняных лепных сковородок — массивные вертикальные или слегка отогнутые наружу бортики высотой 2—4 см. Иногда по краю бортика на-

несен орнамент в виде насечек или вдавлений (рис. 45 — 5, 8). Такие сковородки и другой вид посуды из седьмого горизонта Незвиско — горшки (рис. 45 — 1—4, 6, 7) находят широкие аналогии в памятниках роменско-боршевского типа.

Поверхность горшков бугристая, шероховатая, цвет темно-серый, темно-коричневый, в тесте — примесь шамота. Основная масса сосудов сделана от руки, реже встречаются изготовленные на ручном круге. Техника

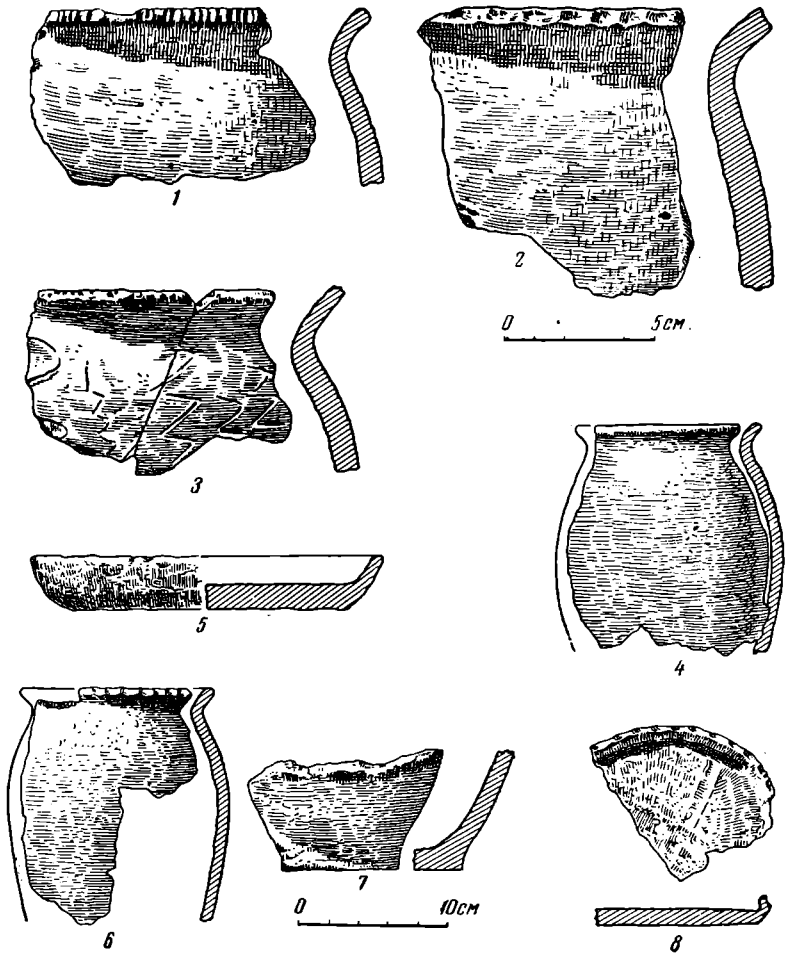

Рис. 45. Керамика из раннеславянского слоя поселения Незвиско.

1—4, 6, 7 — горшки; 5, 8 — сковородки.

лепки — ленточная. Венчики сосудов слегка отогнуты, стенки равномерно-сферические, плечики отсутствуют. Край венчика украшен вдавлениями, иногда нарезками. Изредка встречаются сосуды, орнаментированные по тулову врезными волнистыми линиями.

В седьмом культурном горизонте не обнаружено датирующих вещей. Однако, исходя из близости незвисской керамики к материалам раннеславянских памятников Поднестровья и Прикарпатья, можно отнести печикаменки и посуду, связанную с ними, к VIII—IX вв. н. э.

8. Верхний культурный слой XII—XIII вв., находящийся на глубине 0,2—0,4 м, выражен очень слабо. Этот слой, так же как и два предыдущих, сильно перемешан и в ряде мест разрушен современными ямами.

В верхнем слое не удалось обнаружить следов каких-либо жилых или хозяйственных сооружений. Найдены только обломки гончарных славянских сосудов с четко выраженным профилем венчика, орнаментированных горизонтальными линиями. Эту керамику можно датировать временем не ранее XII—XIII вв.

Таким образом, основным итогом работ 1954 г. в Незвиско были уточнение имевшихся ранее сведений о многослойном поселении и выделение не известного по прошлым раскопкам раннеславянского горизонта³. Вместе с тем сделан ряд новых наблюдений о характере культуры верхнеднестровского населения в I тысячелетии до н. э. и в I тысячелетии н. э. и получено полное представление о хозяйстве и основных типах жилищ трипольских племен Верхнего Поднестровья.

Возле с. Григоровка Могилев-Подольского района Винницкой области экспедицией доследовались славянские железоплавильные горны и жилища⁴. В 1954 г. открыты 2 землянки с печами-каменками в северном углу. Землянки — квадратные в плане, ориентированы углами по странам света. Размеры одной — $3,2 \times 3,15$ м, величина сохранившейся части другой — $3,2 \times 2,54$ м. Стены землянки № 6 были облицованы 2 рядами деревянных плах. Между плахами находился слой глиняной обмазки. Облицовка сохранилась только в нижней части стены; выше она представлена отдельными кусочками угля и обгорелой обмазки.

В заполнении землянок найдены костяные проколки, глиняные прясла, обломки сосудов и кости животных. Лепная и — реже — подправленная на круге керамика по технике выполнения и формам характерна для памятников роменско-боршевского типа. Тесто плохо промешано, содержит примеси кварцевого песка и шамота. Поверхность сосудов бугристая, цвет красно-желтый, красно-коричневый. Основные виды посуды — сковородки с низкими бортиками и горшки, орнаментированные вдавлениями по краю. Иногда сосуды орнаментировались горизонтальными или волнистыми линиями.

Из 5 горнов, зачищенных в 1954 г., три перекрывали землянку, где обнаружена исключительно лепная керамика; с горнами же связывалась и сделанная на круге. Таким образом, стратиграфия горнов и землянок и относящийся к ним материал свидетельствуют о том, что горны — более позднего времени, чем землянки с лепной керамикой.

По устройству горны, вскрытые в 1954 г., несколько отличались от исследованных ранее, что, видимо, связано с иным назначением их. Горны 1 и 2-го типов, известные по прошлым раскопкам, служили для плавки железа, а вновь открытые предназначались, очевидно, для разогревания криц.

В том же районе Винницкой области возле с. Яруга, в урочище Патлаевская Одая производились раскопки раннескифского поселения⁵. Удалось выявить контуры наземного жилища с глинобитными стенами и кровлей, поддерживаемой столбами. Жилище имело форму неправильного четырехугольника, вытянутого с северо-запада на юго-восток. Размеры его — около 18 кв. м. Внутри жилища находился сильно разрушенный глинобитный очаг. Рядом с жилым помещением обнаружены зерновые и мусорные ямы, а также остатки хозяйственного комплекса с глинобитной печью. В жилище и вокруг него найдено большое количество обломков сосудов, глиняные прясла, кремневые отщепы, зернотерка, терочник и кости животных.

³ М. Śmiszko. Osady kultury lipickiej. Lwów, 1934; Е. К. Черныш. Раскопки в с. Незвиско Станиславской области. КСИА, вып. 4, Киев, 1955. Ее же. Многослойное поселение у с. Незвиско на Днестре. КСИИМК, вып. 63, 1956.

⁴ Раскопки этих памятников производились аспиранткой ЛГУ К. В. Каспаровой.

⁵ Работы велись отрядом В. Д. Рыбаловой.

Керамика представлена формами, характерными для чернолесских комплексов Среднего Поднепровья. Это обломки сероглиняных тюльпановидных сосудов, украшенных проколами под венчиком и расчлененным, реже гладким валиком по тулову, а также корчаги, миски, черпаки.

Основным результатом работы на поселении было выяснение типа жилищ VII в. до н. э. на Среднем Днестре, что имеет большое значение для всестороннего изучения раннескифской культуры на среднеднестровском Левобережье и для сопоставления ее с синхронной культурой Среднего Поднепровья.

Кроме раскопочных работ, Западно-Украинская экспедиция вела археологические разведки.

В Тернопольской области разведочным отрядом обследовались берега р. Стрыпы, в Винницкой области продолжено начатое в 1953 г. обследование левых притоков Днестра — Мурафы, Дерло, Немии и Серебрии.

По р. Стрыпе открыто около 20 разновременных не укрепленных поселений. На них собран материал позднеславянской (XII—XIII вв.); черняховской, голиградской и трипольской культур.

По левым притокам Днестра в пределах Могилев-Подольского и Ярышевского районов разведкой выявлено свыше 50 мест поселений открытого типа. Керамика, найденная на поверхности, относится к разному времени (трипольскому, предскифскому и скифскому, полей погребений).

На ряде предскифских и скифских поселений были заложены шурфы, давшие богатый и интересный материал, близкий белогородскому и чернолесскому Среднего Поднепровья.

А. М. ЛЕСКОВ

СЕДЬМОЙ СИМФЕРОПОЛЬСКИЙ КУРГАН

В 1954 г. археологическая экспедиция Крымского филиала Академии наук УССР под руководством П. Н. Шульца¹ проводила раскопки курганов в зоне затопления будущего Симферопольского водохранилища. Курганый могильник расположен в 4 км к юго-западу от Симферополя по обоим берегам р. Салгир². Было исследовано 15 курганов, давших богатый материал для изучения эпохи бронзы и кизил-кобинской культуры в Крыму.

Наиболее интересен курган № 7, расположенный на правом берегу реки и хорошо выделяющийся на местности; высота его в высшей точке равна 1,95 м, диаметр — 18,4 м. Курган сильно изрыт, а центральная часть разрушена ямой (глубина ее — 1,4 м). Ямами, вероятно, уничтожено несколько впускных погребений, о чем свидетельствуют отдельные находки обломков керамики и человеческих костей, обнаруженных в верхних горизонтах насыпи.

В кургане оказалось 6 погребений (рис. 46); из них погребения 1 и 1а находились в насыпи, а погребения 2—5 впущены в материк с древней дневной поверхности. С погребениями 2—4 связано создание начальной насыпи кургана (рис. 47—1).

Погребение 2 (северо-западный сектор). Могильная яма была перекрыта плитой мелкозернистого песчаника. На ребре заметны следы обработки — плита хорошо сглажена. Очевидно, под многовековым давлением насыпи плита распалась на 5 больших частей, лежавших наклонно к центру могильной ямы, заполнение которой состояло из сползшего рыхлого гумуса насыпи. Яма прямоугольная (0,9 × 0,55 м), с закругленными углами; глубина ее — 1 м, дно горизонтальное. Таз и ноги костяка были перекрыты тонкой плиткой такого же песчаника. Вероятно, она отслоилась от плиты перекрытия. Костяк лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на север—северо-восток. Сохранность скелета плохая, но все же можно было установить, что он принадлежал девочке примерно 8 лет³. Левая рука лежала вытянуто, правая — согнута, кисть находилась рядом с бедром. На костях видны следы охры. У шейных позвонков найдены 10 шаровидных бусинок (без орнамента), сделанных из плохо обожженной темной глины. К востоку от черепа находился остродонный глиняный сосуд слабого обжига, с шероховатой, светло-коричневой поверхностью.

¹ Пользуюсь случаем поблагодарить П. Н. Шульца и А. Д. Столяра за помощь при раскопках.

² Три кургана расположены на левом берегу и 12 курганов — на правом.

³ По определению антрополога Крымского филиала Академии наук УССР К. Ф. Соколовой.

На плечиках от шейки вниз нанесен веревочный орнамент в виде двойных свисающих треугольников. Высота сосуда — 5 см, диаметр венчика — 4 см, наибольший диаметр по тулову — 6 см (рис. 48 — 1). С этой же стороны скелета у ребер найдена фрагментированная трубчатая кость крупной птицы. На верхней стороне кости заметно светло-зеленое пятно — следы окиси меди. При снятии кости извлечены 2 кусочка меди. Возможно, что это был игольник с четырехгранным шильцем, столь характерным для эпохи бронзы. На дне ямы видны бурые следы какого-то органического вещества, совершенно истлевшего; возможно, костяк лежал на подстилке.

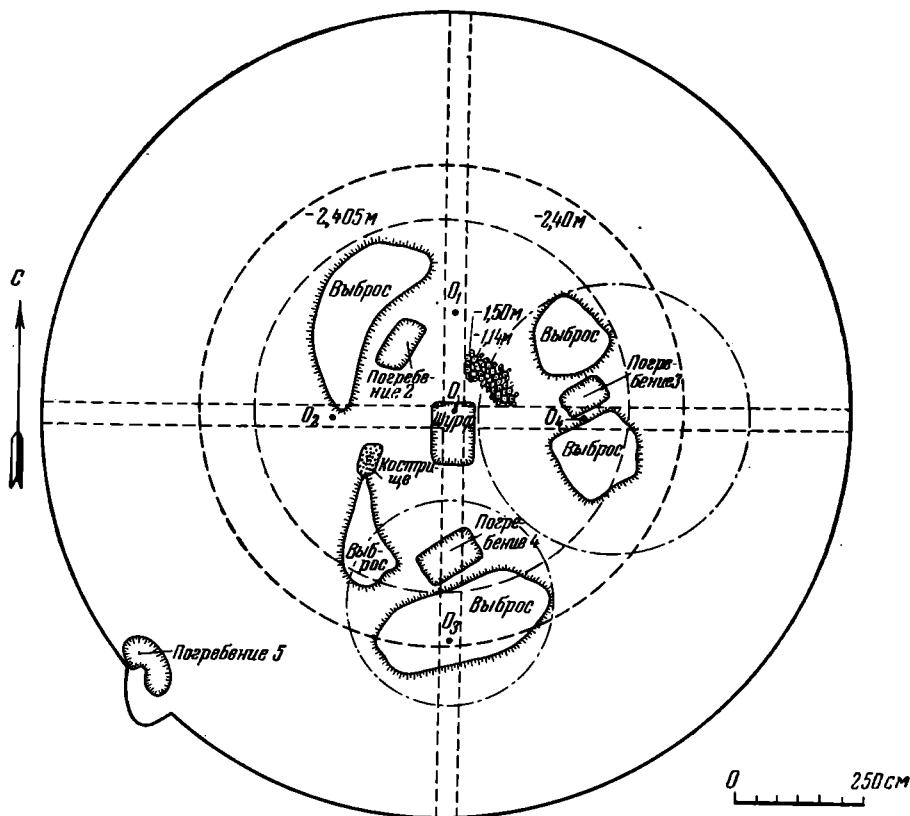
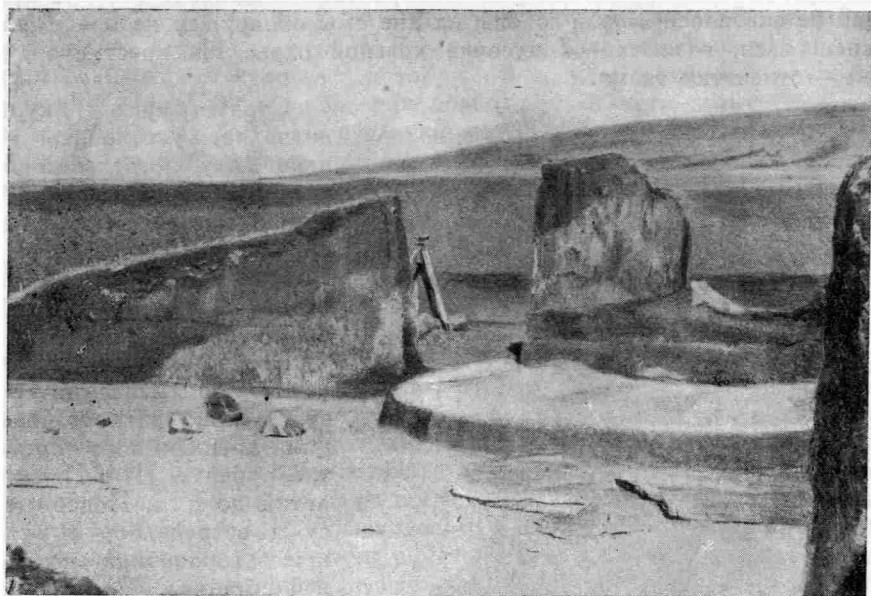

Рис. 46. План симферопольского кургана № 7.

Погребение 3 (северо-восточный сектор). Материковые выбросы из могильной ямы лежали вдоль длинных стенок могилы. И это погребение было перекрыто плитой песчаника, также обработанной по ребру. На поверхности плиты, раздавленной на 4 части (рис. 47 — 2), лежало несколько камней. Заполнение ямы — рыхлое, состоявшее из гумуса с небольшой примесью глины. Яма в нижней части прямоугольная ($1 \times 0,72$ м) с едва закругленными углами и отвесными стенками. Глубина ее — 0,6 м. Костяк плохой сохранности был ориентирован на восток — северо-восток, череп раздавлен; руки, видимо, лежали вдоль туловища (уцелели лишь верхние части плечевых костей). По положению черепа и нижних позвонков можно установить, что скелет лежал на спине; ноги были поставлены коленями вверх, но потом упали на правую сторону. Скелет детский, возраст — около 2 лет; скорее всего он принадлежал де-

вочке⁴. К юго-западу от левого бедра найден обломок кости со следами обработки, — возможно, заготовка костяного орудия. Дно могилы и костяк густо посыпаны охрой.

1

2

Рис. 47. Северная бровка кургана, вид с запада (1), и каменное перекрытие погребения 3 (2).

Погребение 4 (южная половина кургана). В отличие от предыдущих, это погребение было без перекрытия. Заполнение ямы — плотное

⁴ По определению К. Ф. Соколовой.

Яма прямоугольная, с закругленными углами (1,2×0,65 м). Сохранность костяка средняя. Он лежал на спине, головой на восток — северо-восток; ноги были поставлены коленями вверх, затем упали на правую сторону. Кости рук вытянуты. Захоронение — женское (15—16 лет)⁵. Вещей не оказалось. Возле головы на дне ямы обнаружен неопределенный красный тлен, в ногах — 2 кусочка красной охры. На крестцовом позвонке — отпечатки ткани.

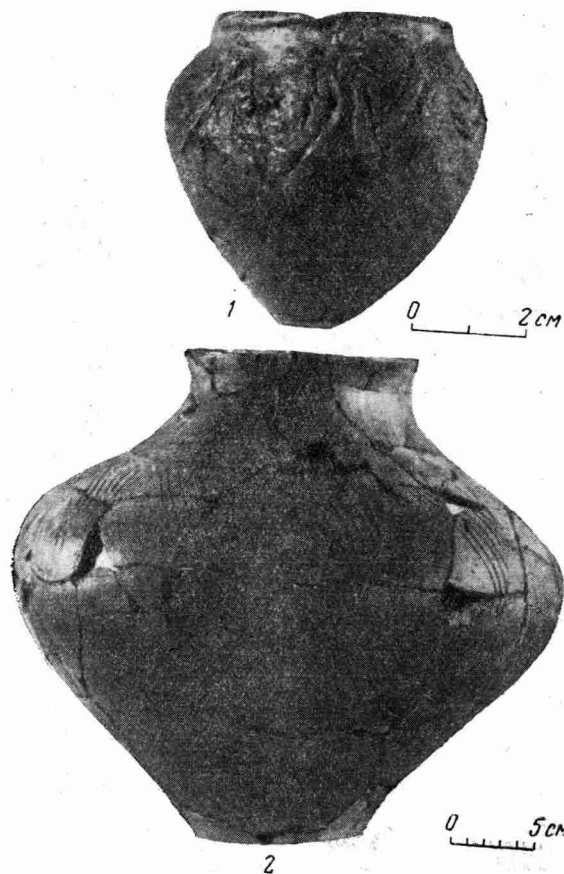

Рис. 48. Сосуды из симферопольского кургана № 7.
1 — из погребения 2; 2 — из погребения 1.

Стратиграфия кургана позволяет установить верхнюю дату погребений 3 и 4, ибо они перекрываются насыпью погребения 2. Таким образом, верхнюю дату погребений 2—4 можно определить по сосуду из погребения 2.

По форме, технике изготовления, орнаментации сосуд этот можно датировать концом древнейшего времени, т. е. рубежом III и II тысячелетий до н. э. Подобные сосуды встречались в курганных захоронениях эпохи ранней бронзы. Такой сосуд обнаружен Ю. А. Кулаковским во время раскопок курганов в Крыму, близ дер. Дуванкой в 1896 г.⁶ Н. Е. Бранденбург в одном из исследованных им курганов эпохи бронзы в бывш. Киевской губернии тоже встретил подобный сосуд⁷.

Погребения с плиточным перекрытием, подобные погребениям 2 и 3, по находимым в них вещам соответствуют указанной выше датировке. В курганах Крыма эпохи бронзы известно 11 погребений, перекрытых каменными плитами⁸; из них

в шести были детские скелеты, в трех — скелеты взрослых; в двух — возраст погребенных не выяснен.

При раскопках соседнего кургана (№ 6) вскрыты 2 грунтовых погребения, перекрытых плитами. Костяк в одном из них совершенно истлел, вещей не было; в другом обнаружены полуистлевший детский костяк и со-

⁵ По определению В. В. Бобина и К. Ф. Соколовой.

⁶ ОАК за 1896 г., стр. 159—161, рис. 526.

⁷ Н. Е. Бранденбург. Об аборигенах Киевского края. Труды XI АС в Киеве, 1899, т. I, стр. 155—188, табл. I.

⁸ ОАК за 1892 г., стр. 12, 13; ОАК за 1896 г., стр. 153—162; «Археологические исследования в РСФСР, 1934—1936 гг.» М.—Л., 1941, стр. 258; П. Н. Шульц и А. Д. Столяр. Отчет о работе Симферопольской археологической экспедиции Крымского филиала Академии наук УССР в 1954 г. Архив Крымского филиала Академии наук УССР.

суд реповидной формы, с низким цилиндрическим горлом и круглой выемкой на днище. Поверхность — желтоватого цвета, средняя часть тулова хорошо сглажена; сосуд сходен с некоторыми, найденными на Северном Кавказе. Аналогии ему есть в древнейшем культурном слое Долинского поселения близ г. Нальчика⁹; там встречаются сосуды такой же формы, поверхность их также сглажена. В курганах у с. Старый Лескен¹⁰ и в знаменитом Майкопском кургане¹¹ обнаружены сосуды с подобным углублением в дне. Приведенные аналогии позволяют отнести погребение примерно к рубежу III и II тысячелетий до н. э.¹² Грунтовые погребения кургана № 7 можно считать примерно синхронными грунтовыми погребениями шестого и других соседних курганов, так как, судя по находкам, курганный некрополь возник здесь на рубеже III и II тысячелетий до н. э. Об этом свидетельствуют находки экспедиции 1954 г.¹³

Предложенной датировке не противоречит и обряд захоронения. В погребениях древнеямного времени костяки обычно окрашены, лежат или на спине (колени подняты вверх), или в вытянутом положении, или скорченно на боку. Ориентированы костяки чаще всего на восток. Находки немногочисленны и бедны¹⁴. Детские погребения нередко сопровождаются сосудами. В курганах Крыма III—II тысячелетий до н. э. обнаружено 12 грунтовых погребений с детскими костяками¹⁵. В десяти из них были сосуды, в одном — заготовка костяного орудия (?) и лишь одно было без вещей. Погребения взрослых чаще всего бывают без вещей. Яркий пример этому дали раскопки Ю. А. Кулаковского в 1896 г. кургана на правом берегу р. Бельбек с 5 погребениями в материке. Три из них были одинакового устройства, с плиточным перекрытием; в 2 погребениях из числа перекрытых плитами находились детские костяки и сосуды (в одном — 1 сосуд, в другом — два), в третьем обнаружен костяк взрослого, без вещей¹⁶.

Факт наличия находок в детских захоронениях, — в отличие от погребений взрослых, где вещи встречаются реже, — связан, быть может, с ритуальными обычаями. Известны случаи, когда при детских захоронениях были найдены костяки взрослых со следами насильственной смерти¹⁷.

Определенное значение для сравнительной датировки погребений 2 и 4 имеет вывод О. А. Кривцовой-Граковой, утверждающей, что в «период существования ямной культуры обряд погребения покойников изменялся из скорченного положения на спине в сильно скорченное положение на боку. Последний обычай сохранился в течение всего расцвета катакомбной культуры»¹⁸.

⁹ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика. МИА № 3, 1941, стр. 142—212, табл. IX, 1.

¹⁰ Е. И. Крупнов. Отчет о работе археологической экспедиции 1947 г. в Кабардинской АССР. Уч. записки Кабардинск. научно-исслед. ин-та, т. IV, 1948, стр. 285, рис. 3.

¹¹ ОАК за 1897 г., стр. 2—11.

¹² Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА № 23, 1951, стр. 30.

¹³ П. Н. Шульц и А. Д. Столяр. Отчет о работе...

¹⁴ Такой вид погребений характерен для ямной культуры. См. В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии. Труды XII АС, т. I, М., 1905; его же. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии. Труды XIII АС, т. I, М., 1907; А. А. Спицын. Курганы с окрашенными костяками. ЗРАО, т. XI, вып. 1—2, 1899, стр. 53—133.

¹⁵ ОАК за 1890 г., стр. 7—11; ОАК за 1892 г., стр. 4—6; ОАК за 1896 г., стр. 159—162.

¹⁶ ОАК за 1896 г., стр. 159—162.

¹⁷ М. И. Артамонов. Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костяками. ПИДО, 1934, № 7—8, стр. 108—125.

¹⁸ О. А. Кривцова-Гракова. Генетическая связь ямной и катакомбной культур. Труды ГИМ, вып. VIII, 1938, стр. 33—38.

Этот вывод О. А. Кривцова-Гракова иллюстрирует материалами раскопок курганов близ г. Никополя в 1937 г.¹⁹ Наши работы подтверждают это мнение, так как в более ранних погребениях 3 и 4 костяки лежали скорченно на спине, а в погребении 2 — скорченно на боку. Таким образом, путем датировки погребения 2, можно считать установленной примерную верхнюю дату погребений 3 и 4. Нижнюю дату этих погребений мы не можем точно определить, но они не на много старше погребения 2, так как все три спущены с одной и той же дневной поверхности. Датировка погребений 3 и 4 концом III тысячелетия до н. э. вполне возможна.

Отпечаток ткани на крестцовом позвонке (погребение 4) является уникальной находкой для древнейшей культуры²⁰. Сам факт существования ткачества у племен — носителей древнейшей культуры свидетельствует о том, что уровень их развития был выше, чем можно судить, исходя из обычно бедных, примитивных находок в подкурганых захоронениях. Это ярко подтверждается и находкой А. И. Тереножкина, обнаружившего остатки деревянной двухколесной арбы в одном из курганов древнейшей культуры на Днепропетровщине²¹. Приблизительно к тому же времени, что и погребения 2—4, относится и пятое, находившееся в 8,5 м от центра кургана и лишь частично попавшее в юго-западный сектор раскопа. Оно углублено в материк примерно с той же дневной поверхности, что и погребения 2—4. Заполнение могильной ямы плотное, из темного гумуса. Яма — неправильной овальной формы (1,38 × 1,1 м), стенки ее отвесные, дно — плоское; глубина — 0,53 м. Костяк²², плохой сохранности, ориентированный на север—северо-запад, лежал на спине; руки вытянуты. Следует отметить особенность его положения: ноги согнуты в коленях так, что берцовые кости расположены под бедренными, параллельно им. Впечатление такое, что ноги, согнутые в коленях, притянуты к позвоночнику. Доказательством этого служат кости ступни, найденные в области крестца. Возраст погребенного, судя по зубам, старше 60 лет. В могиле оказалось несколько кусочков охры. Вещей не было.

До этого в курганах Крыма лишь один раз встретилось грунтовое погребение, в котором костяк лежал с «загнутыми назад ногами, головой на восток»²³. Вещей в погребении также не было. Его можно отнести к раннему этапу эпохи бронзы, ибо в насыпи над этим и еще одним основным погребением (без вещей) были обнаружены 2 впускных детских погребения, в инвентаре которых — 19 астрагалов, проволочная бронзовая серьга, четырехгранное острие и 2 сосуда (один круглодонный, форма другого не указана)²⁴. Инвентарь впускных погребений ясно указывает на связь с ямным временем (наличие круглодонного сосуда), основные же погребения им предшествуют.

Аналогичное положение костяка, описанного Н. И. Веселовским, и костяка в погребении 5, одна дневная поверхность, с которой были спущены погребения 2—4 и 5, — дают возможность считать пятое погребение синхронным, если не с третьим и четвертым, то, вероятно, со вторым.

¹⁹ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 34.

²⁰ Нам известна лишь еще одна подобная находка. Так, А. А. Бобринский при раскопках кургана № 14 обнаружил на костях остатки белой ткани, совершенно истлевшей (А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ М. Смелы, т. I, гл. II. СПб., 1837, стр. 41, 42).

²¹ А. И. Тереножкин. Скифская днепровская правобережная экспедиция. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 117—124.

²² Описание погребения дается по сообщению антрополога К. Ф. Соколовой.

²³ Н. И. Веселовский — ОАК за 1890 г., стр. 8, 9.

²⁴ Там же; А. Х. Стевен. Раскопки курганов близ Симферополя летом 1890 г. ИТУАК, 1891, № 11, стр. 147—153.

Таким образом, представляется, что в долине р. Салгир, на правом его берегу, на рубеже III и II тысячелетий до н. э. возник курганный некрополь, состоявший вначале из небольших курганов, которые вследствие слияния нескольких маленьких в один большой (подобно погребениям 2—4) или благодаря впускным погребениям различных эпох (от ямного времени до кизил-кобинского)²⁵ — превратились в курганы самых разных размеров²⁶.

Дальнейший «рост» кургана № 7 связан с погребениями более позднего времени. Остатки их в виде обломков костей человеческого скелета и фрагментов керамики встречались в насыпи.

При снятии горизонтов курганной насыпи в северо-восточном секторе обнаружен останец каменного заклада, расположенного на расстоянии примерно 1 м от центра кургана (см. рис. 46). Толщина заклада в основании была около 0,8 м, а в верхней части уменьшалась; высота останца — 0,36 м. Отдельные камни прослеживались в северной (северо-западный сектор) и восточной (юго-восточный сектор) бровках. Высота и форма заклада остались неизвестными, так как часть его разрушена центральной ямой. Заклад состоял из крупных и средних камней. В его основании обнаружен большой чернолощенный сосуд, украшенный линейным резным орнаментом в виде заштрихованных треугольников и палочными вдавлениями, нанесенными в месте перехода шейки в тулово (рис. 48—2). Сосуд характерен для позднего этапа кизил-кобинской культуры. При дальнейшем разборе останца центрального заклада обнаружили плохо сохранившиеся берцовые и — частично — бедренные кости скелета, лежавшего, судя по положению ног, в вытянутом положении на спине, головой на запад. При снятии северной бровки вскрыта другая часть костяка: бедренные кости, обломок лучевой кости и кость таза. Рядом найдены кусочки реального и фрагмент венчика небольшого чернолощенного сосуда. Выше дна могильной ямы (погребение 1) обнаружен небольшой фрагмент человеческого черепа. Однако, по заключению антропологов В. В. Бобина и К. Ф. Соколовой, этот обломок черепа не относится к погребению 1, а принадлежит какому-то другому костяку (погребение 1а), от которого больше ничего не сохранилось.

Дальнейшее увеличение насыпи кургана представляется следующим образом. В VII в. до н. э. (так датируется найденный чернолощенный сосуд)²⁷ в центре кургана ямного времени было совершенно захоронение (погребение 1). В ногах костяка поставлен большой сосуд, а у головы — маленький²⁸ и кусочек реального. Погребение было перекрыто каменным закладом. Затем сделана подсыпка, в результате которой курган достиг высоты 1,95 м. Подсыпка перекрыла погребение 5, ранее не входившее в состав кургана. Поверхность кургана была облицована камнями. Так как насыпь повреждена, облицовка сохранилась лишь в северо-западном секторе, где не было ям, и отдельными участками во всех остальных секторах. Большинство курганов, исследованных экспедицией в 1954 г., полностью или частично облицовано камнем. В них были и кизил-кобинские погребения, с которыми можно связать облицовку, и датируемые III—II тысячелетиями до н. э. Таким образом, обычай облицовывать курганы, вероятно, существовал еще в период древнеямной культуры.

²⁵ П. Н. Шульц и А. Д. Столяр. Отчет о работе...

²⁶ Из 12 раскопанных курганов на правом берегу р. Салгир один (№ 6) был выше 2 м, два (№ 7 и 12) — около 2 м, остальные — до 1,5 м.

²⁷ Датировку сосуда см. ниже.

²⁸ Маленькие (иногда круглодонные) сосуды встречались у головы покойников в кизил-кобинских погребениях у дер. Кипчак (см. Г. А. Бонч-Осмоловский. Доисторические культуры Крыма. «Крым», 1926, № 2, стр. 74—95). Несколько подобных сосудов обнаружено экспедицией Крымского филиала Академии наук УССР в 1954 г.

На редкие случаи облицовки камнем курганов, относимых к древнеямной культуре, указывает В. А. Городцов²⁹. В Крыму этот обычай был, очевидно, более распространен, чем на Украине.

Ко времени погребения 1 относятся и другие, разрушенные, в которых уцелели фрагменты керамики кизил-кобинского типа. К более позднему времени относится впускное погребение 1а, разрушившее первое, от которого, таким образом, сохранилось лишь несколько костей.

Остается определить дату возникновения «большого» кургана, образовавшегося в связи с погребением № 1. Найденный здесь сосуд по форме и орнаментации типичен для крупных лощеных сосудов из кизил-кобинских поселений VII—VI вв. до н. э.³⁰ К этому же времени относятся найденные в разрушенных погребениях кургана № 7 фрагменты кизил-кобинской керамики, имеющие прямые аналогии в материалах кизил-кобинских поселений этого времени (Симферопольское, Инкерманское³¹). Близкие аналогии этому сосуду по форме, лощению и орнаменту есть в материалах из могильников VII—VI вв. до н. э. Северного Кавказа (Моздокские сосуды Келермесский)³².

Особо нужно отметить, что в правобережной группе курганов вскрыто свыше 10 впускных погребений с сосудами кизил-кобинского типа, а также обнаружен кизил-кобинский курган с одним погребением, в котором найден сосуд того же типа. Купол этого кургана (№ 14), так же как и кургана № 7, покрыт сплошной овальной выкладкой из камня³³. Наряду с каменным ящиком (типа Кипчак³⁴ и Уч-Баш³⁵) кизил-кобинцы использовали для впускных захоронений готовые курганы и сооружали новые.

В результате изучения археологических материалов погребений кургана № 7 и сопоставления с материалами других аналогичных памятников можно сделать следующие выводы:

1. Курганный могильник в долине Салгира, на правом берегу реки, возник на рубеже III и II тысячелетий до н. э.

2. Курган № 7 образовался в результате слияния нескольких ранее независимых маленьких курганов под одной насыпью, которая была перекрыта позднейшей засыпкой, связанной с погребениями, относящимися к кизил-кобинской культуре.

3. Интересны некоторые особенности обряда детских захоронений древнеямной культуры в курганах Крыма. Они обычно содержат больше вещей, чем могилы взрослых. Большинство могильных ям перекрывается каменными плитами.

4. Местная крымская керамика эпохи ранней бронзы имеет аналогии в керамике Северного Кавказа рубежа III и II тысячелетий до н. э.

5. Впервые обнаружены следы ткани в древнеямной культуре Крыма.

6. Поздние погребения в кургане № 7 относятся к кизил-кобинской культуре. Носители ее хоронили не только во впускных каменных могилах, но и в основных курганных погребениях (курган № 14).

²⁹ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии, стр. 178.

³⁰ О. Д. Дашевская. Раскопки Симферопольского поселения кизил-кобинской культуры. КСИИМК, вып. XXXIX, 1951, стр. 110—119; Х. И. Крис. Раскопки раннетаврского поселения в Инкермане. КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 35—44.

³¹ Там же.

³² А. А. Иессен и Б. Б. Пиотровский. Моздокский могильник, Л., 1940, стр. 32, табл. XIV, 2.

³³ П. Н. Шульц и А. Д. Столяр. Отчет о работе...

³⁴ Г. А. Бонч-Осмоловский. Указ. соч., стр. 91 и сл.

³⁵ С. Ф. Стрелецкий. Доклад на конференции Института истории материальной культуры Академии наук СССР в апреле 1954 г. (Архив Института истории материальной культуры Академии наук СССР).

В. И. МАРКОВИН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ С ТЕРРИТОРИИ
ТАРНАИРА (ДАГЕСТАН)

К северо-западу от г. Махачкала (ДАССР) простирается местность, носящая название Тарнаир. С севера она ограничивается последними холмами горы Аджарка, возле которых раскинулся поселок Махачкала I, и далее теряется в приморских песках — бурунах. С запада и востока эту местность ограничивают Нарра-Тюбинский хребет и отроги горы Тарки-Тау с сел. Алибуригент.

На территории Тарнаира находятся могильник, относимый к каякентско-хорочоевской культуре¹, и 2 группы курганов (одна из них, по наличию каменного панциря в насыпи, может быть причислена к типу Таркинского и Кяхулайского курганов — II тысячелетия до н. э.²). Наибольшее количество археологического материала различных эпох обнаруживается на склонах горы Тарки-Тау и в зоне выдувания.

Зона выдувания (площадь — около 500 × 300 м) начинается на расстоянии 7 км от города. С запада она ограничена зарослями держи-дерева (*Palinrus spina ehristi*), с востока к ней примыкает крупный курган, с севера — канал им. Октябрьской революции, а на юге зона обрывается у склонов горы Тарки-Тау. Почва здесь развеена частыми ветрами, и вся поверхность покрыта песком и камнями. Культурный слой почти уничтожен, находки перемещены. Но все же можно наметить своеобразную карту их распределения. В южной части, где культурный слой более толст и имеет серо-золенный цвет с темными пятнами кострищ, чаще встречается наиболее древняя керамика. В центре и на участке, примыкающем к каналу, обильны находки сарматской керамики. Наибольшее число предметов из кремня найдено на западном участке зоны выдувания. Тут же обнаружена в неповрежденном состоянии кремневая мастерская. В основном находки состоят из кремневых изделий и отщепов (1044 экземпляров), керамики, орудий из камня, предметов из бронзы, железа и стекла³. Для анализа собранный материал необходимо разбить на 5 групп.

Группа 1. Наконечник стрелы листовидной формы (35 × 15 × 6 мм), тщательно отретушированный с обеих сторон; сделан из метаморфической кремнистой породы (рис. 49—2). Наконечник стрелы тоже листовидной,

¹ Исследован в 1951 г. М. И. Пикуль и автором этой статьи (Разведки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР).

² К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг. МИА № 23, 1951, стр. 226—230.

³ Данный материал был собран за период 1948—1954 гг.

но менее правильной формы ($37 \times 18 \times 6$ мм); ретушь односторонняя; изготовлен из желтоватого кремня (рис. 49—3). Наконечник стрелы листовидной формы ($30 \times 20 \times 5$ мм), обработанный с одной стороны; материал — желтоватый кремень. Наконечник стрелы треугольной формы с небольшой выемкой ($24 \times 17 \times 6$ мм); сделан из серого кремня (рис. 49—4).

Концевые скребки (27 экземпляров), размеры которых колеблются от 32×29 мм до 21×15 мм (рис. 49—5, 6); отдельные экземпляры являются двусторонними скребками (рис. 49—7). Проколки в количестве 16 экземпляров, разной величины (длиной от 58 до 23 мм; рис. 49—17). Семь ножей из кремня (рис. 49—8). Более 70 нуклеусов; среди них преобладают пирамидальные (рис. 49—20, 21) и призматические⁴ (рис. 49—23).

Более 50 ножевидных пластинок трапециевидных и треугольных в сечении (рис. 49—15, 22). Четыре мелкие пластинки со слегка ретушированными выемками (рис. 49—19). Микролиты в количестве 20 экземпляров, некоторые — с ретушью; могли служить вкладышами⁵ (рис. 49—10—12). Три отжимника (один фрагментирован); размеры целых орудий — $84 \times 15 \times 15$ мм и $106 \times 16 \times 14$ мм; все 3 экземпляра — из метаморфической кремнистой породы⁶ (рис. 49—16).

Макролитическое орудие из метаморфической кремнистой породы желтоватого цвета (рис. 49—1), вероятно, — крупное скребло; брюшко совершенно гладкое, спинка покрыта крупными сколами, которые к рабочему краю становятся мельче; форма подтреугольная, размеры — $80 \times 63 \times 31$ мм. Макролитическое, дисковидной формы, орудие из подобной же метаморфической породы; обработано с обеих сторон крупными сколами; острые края, образующие по ребру ломаную линию, стертые — следы работы; размеры — $99 \times 80 \times 59$ мм; возможно, употреблялось как скребло (рис. 49—9). Скребло из массивной пластинки метаморфической кремнистой породы; размеры — $52 \times 23 \times 6$ мм (рис. 49—13). Более мелкие скребла из кремня и метаморфической кремнистой породы (свыше 20 экземпляров). Отбойник из гальки кварцита; размеры его — 92×29 мм (рис. 50—5).

Описанные находки не были связаны с какими-либо определенными комплексами.

Большой интерес представляет кремневая мастерская — место производства орудий. Она была обнаружена в непотревоженном состоянии. Это плита сероватого песчаника неправильной формы ($31 \times 25 \times 10$ см) с рядом выбоин. К ней был прислонен пест из красноватого песчаника, изготовленный очень грубо (размеры — $122 \times 85 \times 54$ мм). Вокруг плиты найдены желваки кремня и метаморфической породы, нуклеусы, пластины, заготовки скребел (рис. 49—14) и других орудий — всего 30 предметов⁷.

Некоторые из собранных в зоне выдувания кремневых орудий (нуклеусы, концевые скребки, проколки и пр.), несомненно, повторяют характерные формы кремневых орудий эпипалеолита — неолита. Они находят параллели в орудиях из навесов Мгвимеви (Грузия)⁸, местонахождений

⁴ Призматический нуклеус, покрытый густой патиной, найден в феврале 1952 г. на пашне у въезда в сел. Серго-Кала (бывш. Дешлагар).

⁵ Все перечисленные предметы изготовлены из разных видов кремня.

⁶ Подобное орудие из кремня найдено автором близ сел. Капчугай.

⁷ Некоторые предметы первой группы (нуклеусы, вкладыши, отбойник) могут входить и во вторую группу находок. Отжимник был встречен в каменном ящике каякентско-хорочоевской культуры (I тысячелетие до н. э.) в местности Ак-Яр (исследование М. И. Пикуль).

⁸ С. Н. Замятин. Пещерные навесы Мгвимеви близ Чиатуры (Грузия). СА. III, 1937, стр. 64 и рис. 4.

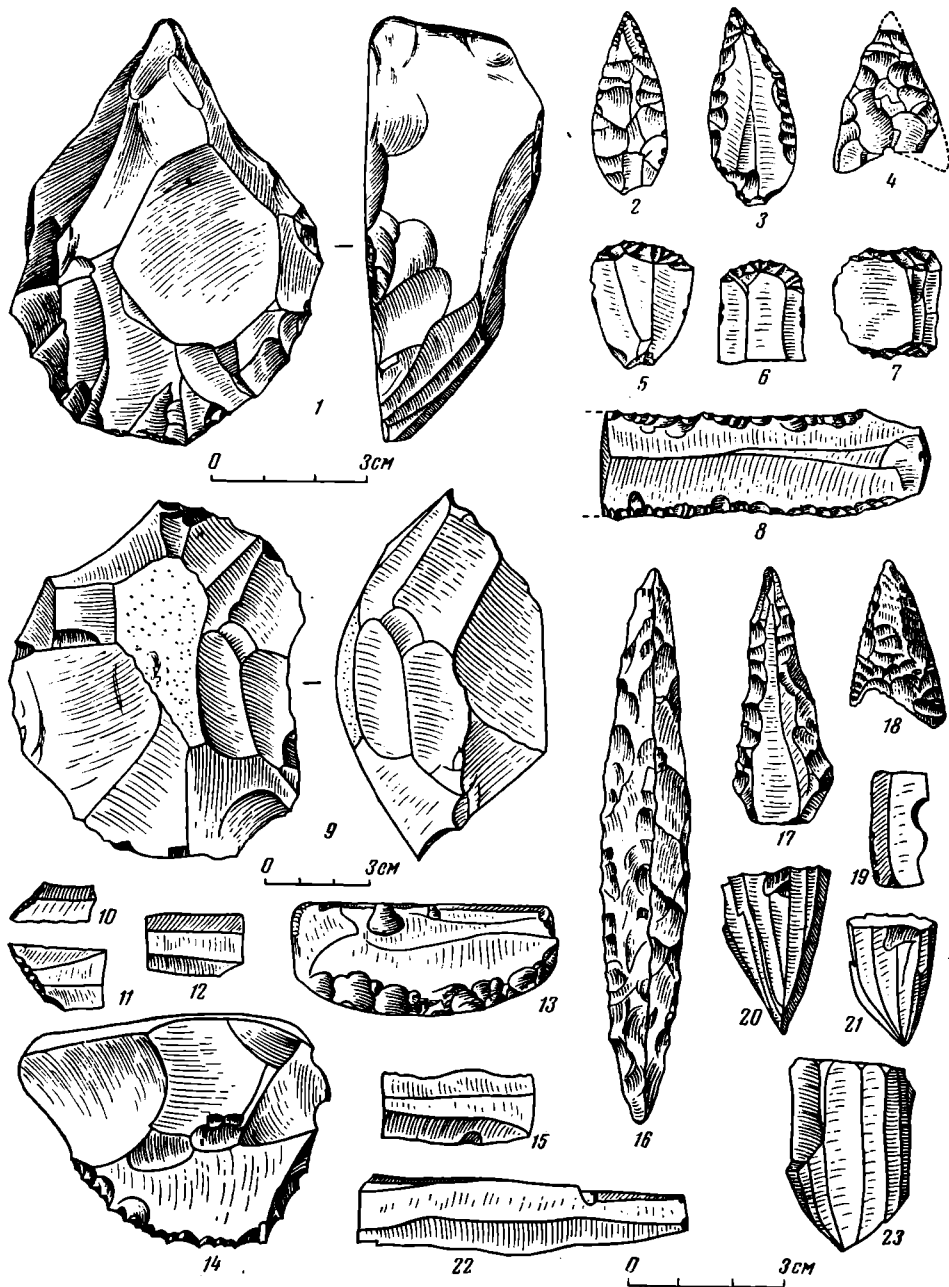

Рис. 49. Тарнаир. Кремневые орудия.

1, 9 — дисковидные орудия; 2—4, 18 — наконечники стрел; 5—7 — скребки; 8 — нож; 10—12 — микролитические вкладыши; 13 — скребло; 14 — заготовка скребка; 15, 19, 22 — пластины; 16 — отжимник; 17 — прокола; 20, 21, 23 — нуклеусы.

Джаткран, Нурнус (Армения)⁹, Агубековского поселения (Кабарда)¹⁰.

Наконечнику стрелы треугольной формы с выемом известны некоторые аналогии среди материалов из выдувов в Грозненской области¹¹ и из

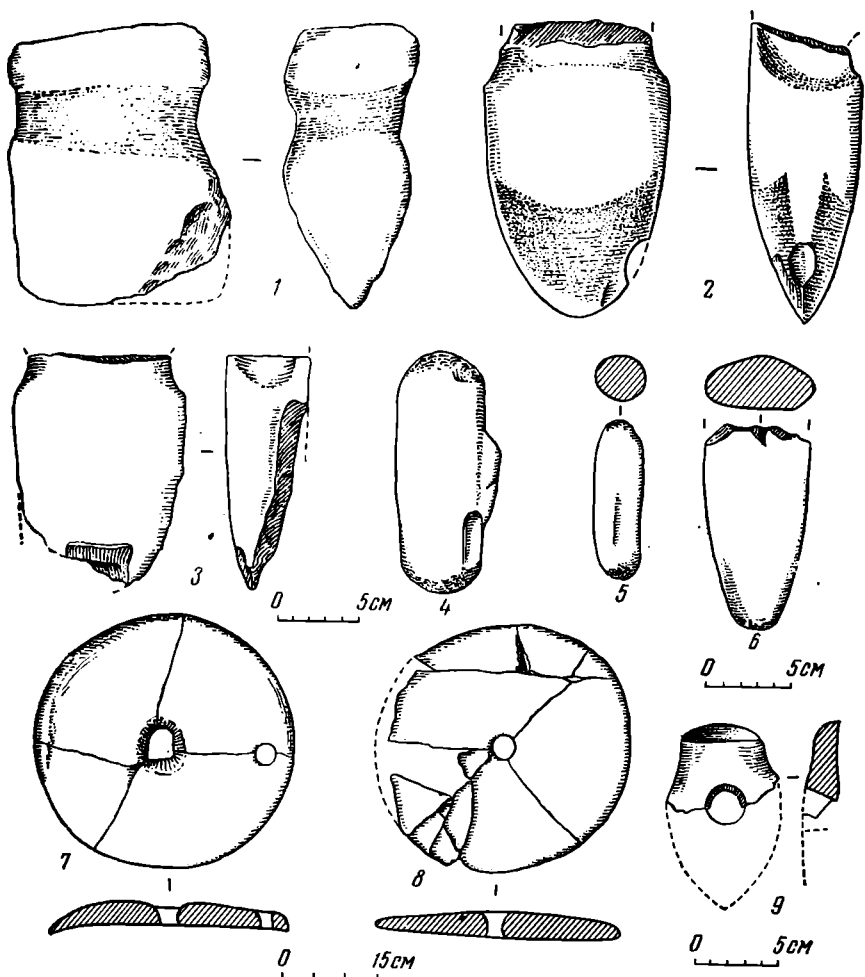

Рис. 50. Тарнаир. Каменные орудия.

1—3 — желобчатые топоры; 4, 6 — ударные орудия; 5 — отбойник; 7, 8 — мельница; 9 — обломок сверленного топора.

Агубековского поселения¹². Крупные орудия макролитического типа встречаются в сел. Одиши (Грузия)¹³.

Собранный материал, несомненно, трудно датировать, но отнесение его, в конечном итоге, к концу неолита вряд ли вызовет возражение. Геологи-

⁹ М. З. Паничкина. Палеолит Армении. Гос. Эрмитаж. Л., 1950, стр. 92—96, рис. 27.

¹⁰ Е. Ю. Кричевский и А. П. Круглов. Неолитическое поселение близ г. Нальчика. МИА № 3, 1941, стр. 55—57, рис. 4, 5.

¹¹ Е. И. Крупнов. Прикаспийская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 105 и рис. 42.

¹² Е. Ю. Кричевский и А. П. Круглов. Указ. соч., стр. 56, 57, рис. 4, 13.

¹³ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 26.

ческие особенности местности не противоречат этой датировке, так как зона выдувания находится на возвышенной древнекаспийской террасе¹⁴.

В связи с описанной группой находок необходимо остановиться на нескольких орудиях из камня:

1. Обломок обушной части сверленного шлифованного топора. Сверлина — конической формы; верхний диаметр ее — 23 мм. Изготовлен топор из зеленовато-серого кварцита. Размеры обломка — $63 \times 49 \times 18$ мм (рис. 50—9). Найден он в северной части зоны выдувания. Близкие по форме топоры, датируемые неолитом, встречаются в Армении (Эчмиадзинский музей)¹⁵; в дальнейшем они широко бытуют уже в энеолите¹⁶.

2. Желобчатый топор-молот из серого кварцита. Сильно фрагментирован — отломаны обух и часть лезвия. Неглубокие желобки охватывают орудие только с узких боковых сторон. Размеры — $128 \times 95 \times 48$ мм. Найден в северной части зоны выдувания (рис. 50—3).

3. Желобчатый топор-молот удлиненной формы, изготовленный также из серого кварцита. Лезвие округлое и искусственно подправлено с обеих сторон пунктирными ударами. Обух отломан. Желоб проходит с трех сторон. Размеры — $165 \times 110 \times 55$ мм. Найден у склона горы Тарки-Тау (рис. 50—2).

4. Желобчатый, из темного кварцита топор-молот клиновидной формы. Желоб охватывает обух со всех сторон. Размеры — $160 \times 125 \times 80$ мм. Найден на склоне горы Тарки-Тау (рис. 50—1)¹⁷.

5. Ударное орудие из прямоугольной гальки. Рабочие концы обиты. Размеры — $135 \times 46 \times 50$ мм (рис. 50—4).

6. Ударное орудие из конусовидной гальки. Подшлифовано с боков. Рабочий конец сильно затуплен. Размеры — $92 \times 56 \times 30$ мм (рис. 50—6). Оба эти орудия найдены на склонах горы Тарки-Тау.

Желобчатые орудия овальной формы (скорее — грузила) известны в Дагестане из Андрей-аула и Дербента¹⁸. Желобчатые орудия типа молотов из Килик-Дага (Азербайджан) описывает Я. И. Гуммель, приурочивая их к курганообразным насыпям из известняковых обломков. Желобчатые молоты найдены Я. И. Гуммелем вместе с макролитическими орудиями из кремня и с близкими обнаруженными нами ударными орудиями, которые исследователь называет «кулачными молотами». Он считает желобчатые орудия более древним пережитком, существовавшим и в эпоху бронзы¹⁹. Подобные топоры известны из г. Сухуми²⁰, Долинского поселения (г. Нальчик)²¹, из с. Старый Батакоюрт (Северная Осетия)²², несколько более упрощенной формы — из Худесского рудника в Карт-Джурте (Теберда)²³ и других мест.

Топоры, найденные нами, не приурочены ни к погребениям, ни к каким-либо насыпям. Вопрос о применении их как орудий для добывания руды

¹⁴ А. А. Майоров. Эоловая пустыня у подножья Дагестана. Махачкала, 1927.

¹⁵ Е. А. Байбуртян. Новые находки каменного века в Армении. СА, III, 1937, стр. 208 и рис. 3.

¹⁶ Б. Б. Пиотровский. Указ. соч., стр. 33 и табл. 2.

¹⁷ Орудие опубликовано М. И. Исаковым как происходящее из Капчугая, что не соответствует действительности. — М. И. Исаков. Новые археологические находки в Дагестане. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 183, рис. 52.

¹⁸ Первый хранится в музее г. Махачкала, второй — в музее Дербента.

¹⁹ Я. И. Гуммель. Археологическая разведка на Килик-Даге. Изв. Азербайджанского филиала Академии наук СССР, вып. 2, Баку, 1938, стр. 20—24, табл. I и II.

²⁰ Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, т. II, Тбилиси, 1950, стр. 278 и табл. 69, 3.

²¹ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика. МИА № 3, 1941, стр. 181, рис. 25.

²² Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА № 23, 1951, стр. 29, рис. 4.

²³ В. М. Сысоев. Древности по верхнему течению р. Кубани. МАК, IX, 1904, стр. 62, рис. 62 в тексте.

также отпадает, потому что в окрестностях Махачкалы и в ближайших районах нет рудников и месторождений цветных металлов.

Б. А. Куфтин считает желобчатые молоты мало обычными для Северного Кавказа и, — поскольку они сопровождаются обильным кремневым материалом, — склонен относить их к энеолиту²⁴. Я. И. Гуммель в конечном итоге относил найденные им молоты к энеолиту²⁵. И. М. Джафарзаде считает каменные молоты ярким свидетельством переживания Азербайджаном века каменной культуры²⁶. Долинское поселение у г. Нальчика, где был найден топор-молот, хронологически близко неолитическому Агубековскому поселению, будучи его последующим этапом²⁷. Каменные молоты Северной Осетии относятся к наиболее ранним памятникам (вторая половина III тысячелетия до н. э.)²⁸. Таким образом, отнесение рассмотренных нами молотов ко времени, установленному выше для кремневых находок, не является особой натяжкой.

Группа 2. Наконечник стрелы, тщательно отретушированный, асимметричной треугольной формы, с выемкой у основания (рис. 49—18); он повторяет формы стрел из Колхиды, с холма Диха Гузубе и из Очамчире, относимых к началу II тысячелетия до н. э.²⁹; подобные наконечники известны и из Грозненской области (Божиган, Ачикулак)³⁰, но в Дагестане до сих пор не встречались³¹. Узкий медный нож листовидной формы (52 × 11 мм; рис. 51—1) — вариант листовидных ножей, обнаруженных в катакомбных погребениях Дагестана (Манас, II тысячелетие до н. э.) и в могильнике Карабудахкент II, относимом к тому же времени³².

Обломок (44 × 11 мм) узкого медного кинжала с ребром посередине (рис. 51—2), вероятно, принадлежавший кинжалу со стержнем для рукояти; относится к типу, найденному у с. Первомайского (Грозненской области) и датируемому серединой II тысячелетия до н. э.³³ Навершие медной булавки с двойной волютой (рис. 51—3), аналогичное булавке из погребения II тысячелетия до н. э. в парке г. Нальчика³⁴.

Терочки (12 экземпляров; один — из песчаника) из плоских и цилиндрических галек; один использовался со всех сторон и имеет форму неправильного шара; размеры — от 123 × 103 × 42 мм до 55 × 54 × 20 мм. Подобные терочки известны из с. Тарки и Капчугая (сборы автора). В Капчугае они найдены с материалом II тысячелетия до н. э.; могли бытовать и в I тысячелетии до н. э.

Из многочисленных образцов керамики необходимо отметить 37 фрагментов венчиков сосудов. Украшены выпуклым валиком и различными вдавлениями, а некоторые экземпляры — коническими налепами³⁵. Такая

²⁴ Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 278 и сл.

²⁵ Я. И. Гуммель. Памятники древности в окрестностях Килик-Дага. Изв. Азербайджанского филиала Академии наук СССР, 1941, № 2, стр. 33, 40.

²⁶ И. М. Джафарзаде. Развитие археологических работ в Азербайджанской ССР. Изв. Академии наук Азерб. ССР, 1945, № 6, стр. 126, 127.

²⁷ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Указ. соч., стр. 197.

²⁸ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии... стр. 29.

²⁹ Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 241 и табл. 64, стр. 268 и др., табл. 72.

³⁰ Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области. КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 96, рис. 26.

³¹ В настоящее время известны в Дагестане симметричные выемчатые наконечники стрел из Капчугая и Карабудахкента, черешковый асимметричный из с. Тарки и черешковые симметричные из Карабудахкента.

³² Материалы археологической экспедиции 1951 г. под руководством К. Ф. Смирнова. Хранятся в музее г. Махачкала. Используются с любезного разрешения К. Ф. Смирнова.

³³ Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде... стр. 90, рис. 24—7, 8.

³⁴ Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика. МИА № 3, 1941, стр. 249, табл. VII, 3.

³⁵ Некоторая часть керамики с наlepным валиком и зашипами имеет скифский облик.

керамика известна из Капчугая (сборы автора), из с. Банай³⁶ и с территории Карабудахкентского поселения II тысячелетия до н. э. Сосуды с подобными орнаментальными венчиками встречены в Манасском кургане № 3 (II тысячелетие до н. э.)³⁷ и в могильнике сел. Первомайского Грозненской области (середина II тысячелетия до н. э.)³⁸. Орнаментальным валиком украшены «репчатые» сосуды эпохи бронзы с р. Маныч³⁹.

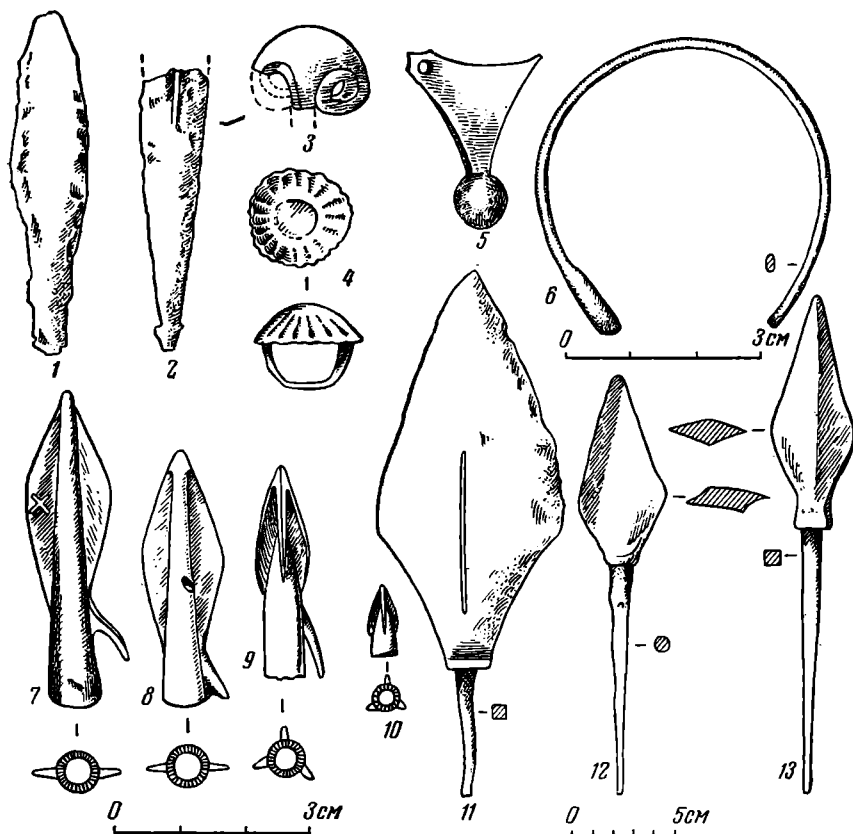

Рис. 51. Тарнаир. Предметы из меди, бронзы и железа.

1 — медный нож; 2 — обломок медного кинжала; 3 — навершие медной булавки; 4 — бронзовая бляшка; 5 — железная подвеска; 6 — бронзовый браслет; 7—10 — скифские бронзовые наконечники стрел; 11—13 — железные средневековые наконечники стрел.

Таким образом, вторая группа собранного нами материала может быть датирована II тысячелетием до н. э.

Группа 3. Фрагменты отогнутых венчиков с лощением, переходящим затем в грубую обмазку, и фрагменты узких днщ — керамика, характерная для каякентско-хорчоевской культуры⁴⁰ (типа А, по К. Ф. Смирнову).

³⁶ Материалы разведок в Северном Дагестане Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР (под руководством М. И. Пикуля).

³⁷ Материалы археологической экспедиции 1951 г. под руководством К. Ф. Смирнова.

³⁸ Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде..., стр. 92—94, 25—7.

³⁹ М. И. Артамонов. Раскопки курганов на р. Маныч в 1937 г. СА, XI, 1949, стр. 332, рис. 7.

⁴⁰ К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 248.

Обломок рубчатого браслета. Подобные браслеты обнаружены в каменных ящиках у селений Кедабек и Калакент (Азербайджан) и датируются I тысячелетием до н. э.⁴¹

Железная подвеска в виде плоского треугольника, обращенного вершиной вниз, к которой прикреплен кованый шарик. В основании треугольника сохранилось отверстие. Размеры — 30 × 22 мм, диаметр шарика — 10 мм (рис. 51—5). Аналогий подобной вещи найти трудно, хотя по форме она напоминает современные серебряные украшения дагестанок. Изготовление подвески из железа свидетельствует о большой ценности этого металла.

Медные щипчики со срединной вставкой, заклепкой и ушком для подшивания. Края пилообразно зазубрены. Размеры — 50 × 4 мм. В Дагестане такие щипчики не находят аналогий. Щипчики без срединной вставки известны из Ворнакского и Самтаврского могильников (Грузия)⁴², из сел. Кедабек (Азербайджан) и относятся к I тысячелетию до н. э.⁴³

Материал третьей группы суммарно датируется I тысячелетием до н. э. Подвеска и щипчики отнесены к данной группе условно.

Группа 4. Бронзовые наконечники скифских стрел — двухлопастные (2 экземпляра, оба с шипами; у одного из них на втулке — 3 отверстия и на лопасти — знак в виде косоугольного креста) и трехлопастные (2 экземпляра; один из них — с шипом, другой, небольшого размера, — без шипа; рис. 51—7—10). Шипастые наконечники стрел могут быть датированы первой половиной VI в. до н. э.⁴⁴, небольшой наконечник стрелы без шипа — VI—V вв. до н. э.

Бронзовая бляшка с рифленой поверхностью (рис. 51—4); подобные ей известны среди скифских древностей⁴⁵.

В зоне выдувания найдено большое количество керамики (фрагменты мисок, чаш, кубшинов и пр.), близкой к сарматской из могильников Тарки I и Карабудахкент I⁴⁶. В центре зоны, среди зольного слоя, встречены фрагменты толстостенных сосудов типа пифосов. Некоторые из них были явно врыты в землю. Тут же найдены оселки, мергелевое пряслице — материал, известный по раскопкам тех же могильников⁴⁷.

Вероятно, на территории Тарнаира во II в. до н. э.—I в. н. э. существовало поселение с сарматоидной культурой.

Группа 5. Бронзовый браслет с утолщениями на концах; один конец отломан (рис. 51—6). Каплевидная бусина-пронизка из синего стекла. Фрагменты толстостенных хумов, ручек с вдавлениями (одна — с крестообразным знаком, напоминающим знаки на керамике из Цымлянского городища⁴⁸), фрагменты тонкостенной посуды, глиняное пряслице. Весь этот материал, по аналогии с материалами из Агач-Калинского могильника, можно датировать временем Хазарского каганата⁴⁹. К средневековым предметам можно отнести также 3 железных наконечника стрел с черешками (рис. 51—11—13). Они найдены на восточном краю зоны выдувания. Тут же обнаружена ручная мельница из двух жерновов (оба

⁴¹ А. А. Ивановский. По Закавказью. МАК, 6, 1911, стр. 93, 178, табл. II, 2.

⁴² Б. Б. Пиотровский. Указ. соч., стр. 118, табл. 5.

⁴³ А. А. Ивановский. Указ. соч., стр. 107, табл. IV, 8.

⁴⁴ P. Rau. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Studien zur Chronologie der skythischen Pfeilspitze. Pokrowsk, 1929, табл. 3, 25.

⁴⁵ ИАК, вып. 14, 1905, стр. 13, рис. 26.

⁴⁶ Материалы раскопок 1948—1951 гг. под руководством К. Ф. Смирнова.

⁴⁷ Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА № 23, 1951, стр. 221—225; К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 257—272.

⁴⁸ М. И. Артамонов. Средневековые поселения на нижнем Дону. Изв. ГАИМК, вып. 131, 1935, стр. 77, рис. 36.

⁴⁹ К. Ф. Смирнов. Агач-Калинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана. КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951, стр. 118.

в обломках). Верхний жернов снабжен боковым отверстием для рукояти. Диаметр жерновов — 38 см, толщина — 4—4,5 см. Ручная мельница изготовлена из сарматского известняка (рис. 50—7, 8). Подобные мельницы бытовали довольно долго в глухих уголках Дагестана, особенно у арчин.

Вне всех перечисленных групп остаются 3 стремявидные подвески из бронзы, донная часть стеклянного сосудика с выпуклостью в центре, часть тулова тонкостенного сосудика из стекла и стеклянная подвеска. Различные бронзовые подвески, так же как и сосудики из стекла, известны из Агач-Калинского могильника. Стеклянные фрагменты из Тарнаира лучше по качеству стекла и технике изготовления, чем посуда из Агач-Кала, и в этом отношении скорее напоминают стеклянную чашу — «скифос» из Дагестана⁵⁰, датируемую II в. до н. э.⁵¹

Таким образом, на Тарнаире собран материал нескольких эпох. Большая часть найденных предметов (кремневый инвентарь, топоры-молоты, наконечники стрел и пр.) являются новостью для Дагестана, их историческую значимость нельзя не оценить.

---

⁵⁰ Музей г. Махачкала, инв. № 7005.

⁵¹ К. Ф. Смирнов. Северский курган. Труды ГИМ. «Памятники культуры». вып. XI, 1953, стр. 18—20.

М. И. ИСАКОВ

ТАЛГИНСКИЙ МОГИЛЬНИК

В сентябре 1950 г. на территории курорта Талги (в 18 км юго-западнее г. Махачкала) мной был открыт древний могильник, расположенный на террасообразной возвышенности среди гор Гиик-Салганского ущелья. Южный край могильника занят постройками лечебных источников, северный — зданиями подсобного хозяйства курорта, восточный — ограничен руслом пересохшей речки. На всей этой территории (длина ее — более 1 км, ширина — около 0,5 км) всюду прослеживаются края каменных гробниц (рис. 52).

Далее, в 1 км к северо-западу от подсобного хозяйства, на пологом склоне горы, прорезанном балками, находятся 5 курганов средней величины, в насыпях которых видны края гробниц квадратной формы.

Многочисленно расчищено 11 гробниц (погребения 1—11) в районе могильника и одна (погребение 12) — в насыпи кургана. Перекрытия у гробниц (каменных ящиков) не сохранились.

Погребение 1 (парное). Ящик был из массивных известняковых плит (0,9 × 0,8 × 0,8 м). Ориентирован с северо-востока на юго-запад. Одно захоронение — у северо-восточной стены, другое — у юго-западной; положение костяков — сидячее. Кости плохо сохранились.

Находки в погребении 1:

1. Небольшой глиняный сосуд (в обломках), грубой ручной лепки. Глина мелкозернистая, черного цвета, с примесью шамота. Обжиг слабый. Поверхность сосуда обмазана слоем глины охристого цвета. Вероятно, это сосуд баночной формы с плоским дном, прямым и немного расширяющимся кверху туловом. Венчик не выделен.

2. Массивный бронзовый кинжал (или копье) с отломанным черенком. Длина — 17 см, ширина у основания — 3,5 см (рис. 53—1).

3. Подковообразный бронзовый браслет с незамыкающимися концами; сделан из массивного круглого прута сечением 1,4 см; наибольший диаметр — 7,5 см (рис. 53—2).

4. Два височных бронзовых кольца в полтора оборота (рис. 53—4).

5. Девять бронзовых бус, из которых восемь — литых и одна — свернутая. В числе литых — 2 пронизи грушевидной формы (рис. 53—5).

6. Фрагменты бронзового браслета из прута, круглого в сечении; незамыкающиеся концы заострены; сечение — 0,8 см (рис. 53—3).

7. Бронзовый полусферический предмет диаметром 2,5 см, высотой 2 см (рис. 53—8).

8. Навершие бронзовой булавки, украшенное выпуклым орнаментом в виде конусов. Размер — 3 × 2 см, толщина — 0,3 см (рис. 53—6).

9. Глиняный сосуд (в обломках) грубой ручной лепки. Глина черная, крупнозернистая, с примесью шамота. Обжиг слабый. Внутренняя поверхность сосуда имеет подобие отпечатков ткани (полотна).

10. Несколько коренных зубов коровы.

Погребение 2. Ящик из сланцевых плит ($0,9 \times 0,8 \times 0,6$ м), ориентированный с северо-востока на юго-запад. В нем находился скелет взрослого человека в скорченном положении, головой на юго-запад. Кости очень плохо сохранились.

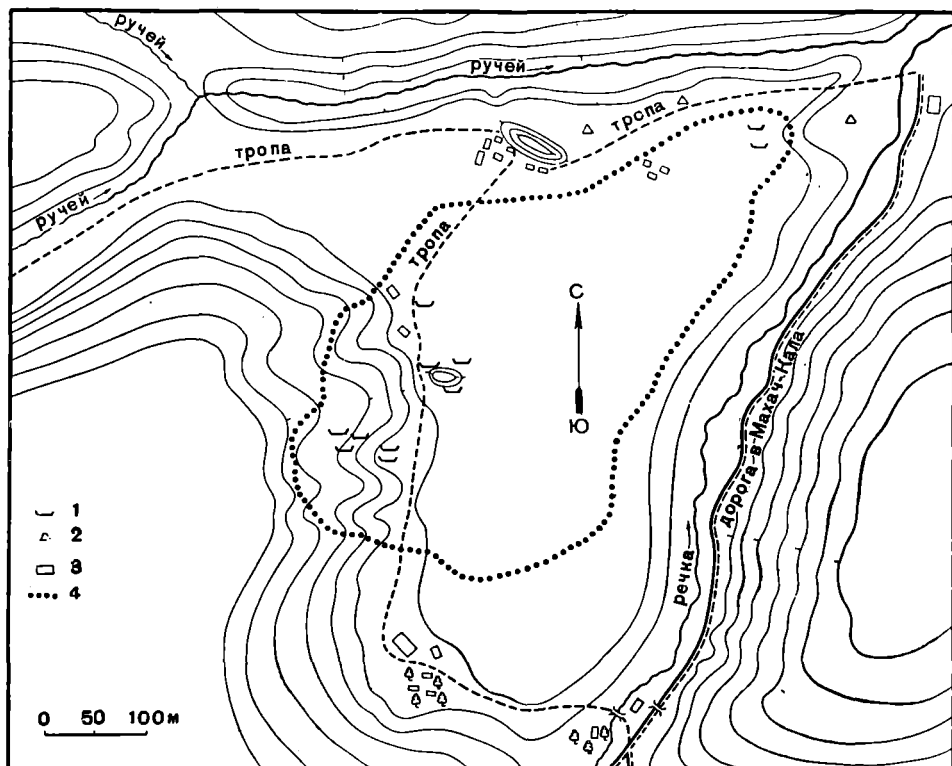

Рис. 52. План Талгинского могильника.

1 — расчищенные могилы; 2 — места находок фрагментов керамики и кремневых отщепов; 3 — постройки; 4 — условные границы могильника.

Находки в погребении 2:

1. Сосуд лепной (обломки) из черной глины с примесью шамота. Обжиг плохой. Сосуд имел форму горшка со слегка вздутым туловом, узким дном (диаметр дна—6—7 см), широким горлом и прямым венчиком.

2. Сосуд лепной (обломки) из черной глины с примесью шамота. Обжиг плохой. Сосуд—баночной формы со слегка расширяющимися кверху стенками и прямыми краями. Венчик не выделен. Стенки с обеих сторон обмазаны тонким слоем глины охристого цвета.

3. Мелкие куски бронзовой пластинки.

Погребение 3. Ящик из сланцевых плит ($0,6 \times 0,6 \times 0,6$ м), ориентированный с северо-востока на юго-запад. В нем обнаружен скелет подростка в сидячем положении у юго-западной стены могилы, лицом к северо-востоку. Кости— плохой сохранности.

Находки в погребении 3:

1. Сосуд грубой лепки, с выпуклыми боками, из черной мелкозернистой глины. Шейка не выделена, прямой венчик опоясан налепным зубчатым валиком. Поверхность рифленая и обмазана слоем глины охристого цвета. Обжиг средний. Высота — 26 см; диаметры: дна — 11 см, тулова — 25 см и горла — 21 см (рис. 54 — 1).

2. Бронзовый браслет (обломки) из пластинки с незамыкающимися и заостренными концами.

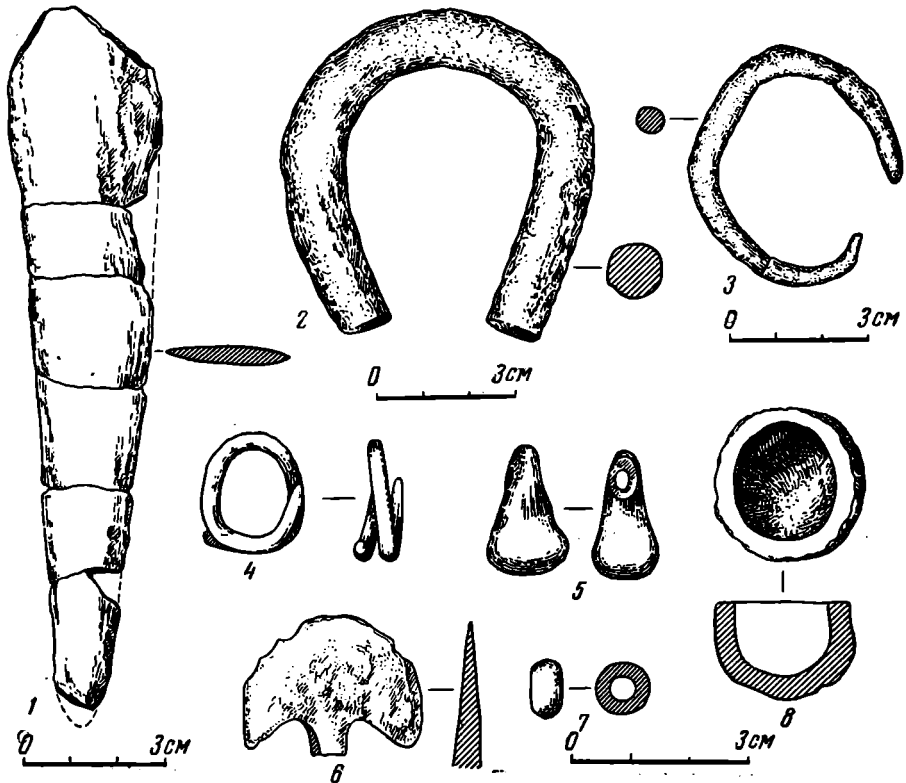

Рис. 53. Находки из погребения 1 Талгинского могильника.

1 — ножна (копье?); 2 — подковообразный браслет; 3 — фрагмент браслета; 4 — височное кольцо; 5 — провизки грушевидной формы; 6 — наперные булавки; 7 — бусина; 8 — полусферический предмет (1—8 — бронза).

3. Два бронзовых колечка из тонкой пластинки (обломки) с незамыкающимися концами.

4. Пластика бронзовая трапециевидной формы. Наибольшая длина — 5 см, ширина боковых сторон — 2 и 1 см.

5. Обломки 2 бронзовых височных колец с заходящими концами.

6. Коренные зубы барана.

Погребение 4. Ящик из массивных известняковых плит (1 × 0,9 × 0,9 м). Ориентирован с северо-востока на юго-запад. Гробница ограблена. Скелет крайне плохой сохранности находился у северо-восточной стенки могилы в нарушенном состоянии. Вероятно, погребенный был в скорченном положении.

Находки в погребении 4:

1. Фрагменты бронзового предмета в виде трубочки.

2. Обломки лепного сосудика грубой работы. Глина темно-серая, крупнозернистая. Поверхность обмазана слоем красной глины. Сосуд украшен двумя параллельно расположенными зубчатыми валиками.

3. Обломок сосуда из красной глины. Поверхность тулова рифленая (грубая обмазка). Шейка заглажена и отделяется от тулова наклепным валиком, украшенным косыми нарезками.

4. Обломок толстостенного сосуда лепной работы. Глина хорошо отмучена, но с примесью речного песка. Поверхность обмазана слоем красной глины и украшена двумя параллельными бороздчатыми линиями и выпуклостью в виде шишечки.

5. Обломок толстостенного лепного сосуда грубой работы. Глина черная, с примесью речного песка. Поверхность обмазана слоем глины охри-

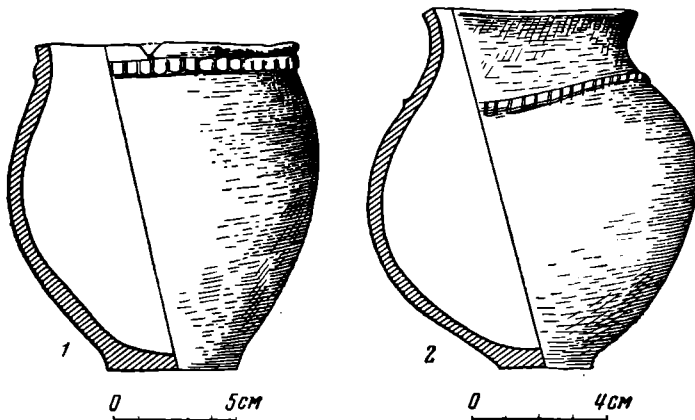

Рис. 54. Глиняные сосуды из погребений Талгинского могильника.

1 — из погребения 3; 2 — из погребения 11.

стого цвета. Украшен выпуклостями конической формы и наклепным валиком с косыми нарезками.

6. Обломок толстостенного сосуда из черной мелкозернистой глины. Поверхность обмазана слоем глины охристого цвета. Украшен вертикально расположенными бороздчатыми линиями.

Погребение 5. Ящик из сланцевых плит ($0,9 \times 0,4 \times 0,4$ м). Ориентирован с юга на север. В ящике находился скелет взрослого в скорченном положении на правом боку, головой на север. Кости очень плохо сохранились.

Находки в погребении 5:

1. Сосудик (обломки) лепной работы. Глина черная, крупнозернистая, с примесью шамота. Обжиг слабый. Вероятно, сосуд имел постепенно расширяющееся тулово; дно узкое. Шейка и венчик не выделены.

2. Браслет из круглой медной проволоки (сечение — 2 мм) с незамыкающимися концами; диаметр — 3,5 см.

3. Бронзовое кольцо из круглого прута.

Погребение 6. Ящик из сланцевых плит ($0,7 \times 0,5 \times 0,5$ м), ориентированный с севера на юг. Находившийся в нем скелет взрослого лежал скорченно у северной стенки могилы. Кости — очень плохой сохранности.

Находки в погребении 6:

1. Бронзовый копьевидный нож с продольным ребром и отломанным черенком. Длина — 15 см.

2. Бляха бронзовая, полусферической формы, диаметром 8 см. Края обломаны, за исключением одного участка, где имеются 3 сквозных отверстия.

3. Три фрагмента толстостенного лепного сосуда из черной крупнозернистой глины с примесью морского песка.

Погребение 7. Ящик трапециевидной формы из массивных известняковых плит. Ориентирован с северо-востока на юго-запад. Длина — 1,2 м; ширина северо-восточной стороны — 0,7 м, юго-восточной стороны — 1 м; глубина — 0,9 м. Остатков человеческого костяка не найдено. У юго-западной стены могилы обнаружен истлевший скелет собаки (челюстные кости с зубами). Инвентарь отсутствует. Очевидно, гробница ограблена.

Погребение 8. Ящик из сланцевых плит (0,6 × 0,5 × 0,5 м), ориентированный с северо-востока на юго-запад. Видимо, это детское погребение; костяк не сохранился. Инвентарь отсутствует.

Погребение 9. Ящик из сланцевых плит (0,6 × 0,5 × 0,5 м). Ориентирован с северо-востока на юго-запад. Детское погребение без инвентаря. Костяк не сохранился.

Погребение 10. Ящик из сланцевых плит (0,7 × 0,5 × 0,5 м), ориентированный с северо-востока на юго-запад. Могила ограблена. Погребение взрослого человека, вероятно, — скорченное. Кости перемешаны.

В погребении 10 найден верх лепного сосуда из серой, хорошо отмученной глины. Сосуд — со вздутыми плечиками и слегка отогнутым наружу венчиком. Корпус рифленый; шейка заглажена и отделяется от тулова наlepным валиком в виде веревочки. Диаметр горла — 15—16 см.

Погребение 11. Ящик из сланцевых плит (1 × 0,4 × 0,5 м). Ориентирован с северо-востока на юго-запад. Положение скелета скорченное, на правом боку, головой на юго-запад. Кости плохо сохранились.

Находки в погребении 11:

1. Сосуд лепной (обломки), из хорошо отмученной черной глины с примесью морского песка. Поверхность обмазана красной глиной. Корпус рифленый; низкая шейка со слегка отогнутым наружу венчиком хорошо заглажена. Корпус отделяется от шейки наlepным валиком с косыми нарезками. Высота сосуда — 22 см; диаметры: dna — 6 см, тулова — 20 см, горла — 13 см (рис. 54—2).

2. Фрагмент лепного сероглиняного сосуда с заглаженным верхом, петлеобразной ручкой и наlepным валиком в виде крученой веревочки.

3. Обломок лепного сероглиняного сосуда с валиком в виде веревочки.

Погребение 12. Ящик из массивных известняковых плит (0,7 × 0,5 × 0,8 м). Скелет — у северо-восточной стенки, в сидячем положении. Кости плохо сохранились. Могила, в отличие от ранее описанных, заполнена булыжником.

Находки в погребении 12:

1. Предмет из гагата, напоминающий пряслице; одна сторона выпуклая, другая — уплощенная. Диаметр — 3 см.

2. Височное кольцо из бронзы, в полтора оборота.

3. Пять бронзовых бусин.

В общем итоге можно наметить 2 типа могильных сооружений: узкие и неглубокие каменные ящики из сланцевых плит (погребения 2, 3, 5, 6, 8—11) и широкие каменные ящики большей глубины, из массивных плит известняка (погребения 1, 4, 7, 12). Обряд захоронения одинаков — сидя или скорченное. Ориентировка гробниц, независимо от типа, устойчивая — с северо-востока на юго-запад. Исключение составляют погребения 5 и 6, расположенные на западном участке могильника; они ориентированы с севера на юг¹ и, судя по инвентарю, древнее остальных погребений первого типа (№ 2, 3, 8—11). Дальнейшие изменения в ориентировке могил могли произойти под влиянием соседних культур. Гробницы второго типа и со-

¹ Многочисленные каменные ящики этого участка, не подвергшиеся раскопкам, ориентированы так же.

бренный в них инвентарь можно считать более поздними. Различия хорошо прослеживаются в могильном инвентаре, особенно в керамике.

Керамика в гробницах первого типа довольно однообразна. Это лепные средние и большие сосуды со вздутым туловом, узким дном, довольно низкой шейкой и слегка отогнутым венчиком. У некоторых шейка не выделена. Сосуды изготовлялись из черной крупнозернистой глины с примесью шамота и дресвы или из серой глины без примесей. Поверхность большинства сосудов шероховатая, обмазанная глиной охристого цвета; шейки иногда залощены. Орнамент однообразен: налепные валики в виде крученой веревочки, валики с нарезкой или зубцами.

Керамика погребений второго типа несколько отличается от описанной — это толстостенные сосуды с венчиками раструбом. С обеих сторон поверхность обмазывалась глиной охристого цвета. Для орнаментации типичны рельефные налепы — шишечки и зубчики; иногда сосуды покрывались прямыми параллельными бороздами.

В пределах Дагестана подобную керамику мы встречаем среди материалов из Кяхулайского и Таркинского курганов (окрестности г. Махачкала)², курганов близ станции Манас, датируемых второй половиной II тысячелетия до н. э.³, и особенно в памятниках восточного варианта каякентско-хорочоевской культуры начала I тысячелетия до н. э.⁴ Керамика, аналогичная талгинской, найдена на поселении, открытом летом 1948 г. в урочище Хожа-Тов-Арт (Капчугайский сельсовет, Буйнакский район) и в могильнике у станции Тарки (Махачкалинский район)⁵. Налепные валики в виде веревочки находят аналогии и в керамике из Сталинирского Гоуар-Гора (Юго-Осетия), датируемого урартской эпохой⁶.

Медный копьевидный нож (длина — 17 см) с черенком впервые был найден мной в Дагестане, в Таркинском могильнике у г. Махачкала в 1941 г. Здесь же в 1948 г. В. И. Марковиным обнаружен второй подобный копьевидный нож⁷. Три ножа близкого типа встречены экспедицией К. Ф. Смирнова в 1950—1951 гг.: в могильнике № 2 эпохи ранней бронзы у с. Карабудахкент (2 экземпляра)⁸ и в одной из катакомб курганов близ станции Манас⁹. Перечисленные находки свидетельствуют о широком распространении ножей подобного типа в Дагестане в эпоху бронзы. За пределами Дагестана аналогичные ножи известны из Ассинского ущелья в Грозненской области¹⁰, в окрестностях с. Гоуст¹¹ и из могильника Загли-Барзонд в Северной Осетии¹².

² К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг. МИА № 23, 1951, стр. 227—230.

³ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 годах. КСИИМК, вып. XLV, 1952, стр. 86—88.

⁴ Е. И. Крупнов. Каякентский могильник — памятник древней Албании. Труды ГИМ, вып. XI, 1940; его же. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА № 23, 1951, стр. 213; А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. (Тезисы кандидатской диссертации). КСИИМК, вып. XIII, 1946, стр. 130; его же. Предиксифские памятники северо-восточного Кавказа. Записки ЛГУ, вып. 13, 1948, стр. 111—128.

⁵ Открыт В. И. Марковиным в 1951 г.

⁶ Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция в 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949, табл. 47.

⁷ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки..., стр. 242 и сл., рис. 14.

⁸ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в Дагестане..., стр. 84, рис. 35.

⁹ К. Ф. Смирнов. Отчеты о результатах археологических раскопок в Дагестане в 1950—1951 гг. Архив Дагестанского музея.

¹⁰ Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области. КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 90, рис. 24—7.

¹¹ Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховья р. Терека и бассейна Сунжи. Труды ГИМ, вып. XVII, 1948, стр. 10, рис. 1.

¹² Е. И. Крупнов. Погребения эпохи бронзы в Северной Осетии. Труды ГИМ, вып. VIII, 1938, стр. 40—43, рис. 2.

Бронзовые бусины, близкие описанным нами, впервые были найдены в Дагестане А. М. Твердохлебовым в 1948 г. в одном из курганов в окрестностях г. Махачкала, а затем — экспедицией К. Ф. Смирнова в 1950 г. в упомянутой выше катакомбной могиле у станции Манас¹³. Подобные бронзовые бусины за пределами Дагестана известны из погребения 18 у сел. Кедабек¹⁴, у сел. Доланлар¹⁵ (Азербайджанская ССР), из кургана у сел. Старо-Лексена Кабардинской АССР¹⁶, из кургана № 4 (погребения 1) в Кабардинском парке г. Нальчика¹⁷, из кургана № 1 возле Осетинской Слободки под г. Орджоникидзе¹⁸. Бронзовые бусины этого типа авторами указанных источников датируются второй половиной II тысячелетия до н. э.

Бронзовый браслет подковообразной формы (погребение 1; рис. 53 — 2) находит довольно близкую аналогию в «браслете», обнаруженном экспедицией К. Ф. Смирнова в 1951 г. в катакомбной могиле у станции Манас¹⁹.

Подобные «браслеты» служили своеобразными слитками металла и довольно распространены на Кавказе²⁰.

Навершие бронзовой булавки (погребение 1; рис. 53 — 6) имеет близкое сходство с булавкой из кургана в Кабардинском парке г. Нальчика²¹. Остальные предметы Талгинского могильника (браслеты, височные кольца и пр.) довольно часто встречаются в инвентаре погребений эпохи бронзы.

Изучение материалов Талгинского могильника позволяет сделать некоторые предварительные выводы:

1. Талгинский могильник охватывает большой промежуток времени и датируется последними веками II тысячелетия и начальными веками I тысячелетия до н. э.

2. Население, оставившее могильник, было связано с соседними племенами Кавказа, что прослеживается в обществе материальной культуры.

3. Талгинский могильник, очевидно, занимает промежуточное положение между местными памятниками эпохи средней бронзы и каякентско-хорчоевскими комплексами предскифского времени.

---

¹³ К. Ф. Смирнов. Отчет о результатах работ Дагестанской археологической экспедиции Института истории материальной культуры Академии наук СССР в 1950 г. Архив Дагестанского музея.

¹⁴ А. А. Ивановский. По Закавказью. МАК, вып. 6, М., 1911, стр. 97.

¹⁵ Н. В. Минкевич-Мустафаева. Об археологических находках из сел. Доланлар. МКА, I, Баку, 1949, стр. 57.

¹⁶ Е. И. Крупнов. Отчет о работах археологической экспедиции в 1947 г. в Кабардинской АССР. Уч. записки Кабардинск. научно-исслед. ин-та, т. IV, Нальчик, 1948, стр. 284.

¹⁷ Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика. МИА № 3, 1941, стр. 228, рис. 28, 4.

¹⁸ Там же, стр. 261, рис. 40, 5.

¹⁹ К. Ф. Смирнов. Отчет Дагестанской археологической экспедиции Института истории материальной культуры Академии наук СССР в 1951 г. Архив Дагестанского музея.

²⁰ А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. Изв. ГАИМК, вып. 120, 1936, стр. 157, 158; Р. М. Мунчаев. Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана (автореферат кандидатской диссертации). М., 1953, стр. 13—15.

²¹ Б. Е. Деген. Указ. соч., стр. 221, рис. 28, 2.

III. МЕЛКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

А. П. ЧЕРНЫШ

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА
ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

В художественном творчестве позднепалеолитического времени встречаются изображения людей в виде скульптурных фигурок, гравюр на стенах пещер, на плитках камня, на кости и роге. Среди этих образцов изобразительного творчества интересующего нас времени наиболее редки изображения на так называемых «жезлах»; они известны всего лишь в нескольких экземплярах: «жезл», на котором передан образ замаскированного под животное человека¹, найденный в гроте Меж, изображение человека на «жезеле» из грота Гурдан, изображение сидящего человека на «жезеле» из пещеры Мадлен². Все эти изображения датируются мадленским временем; первые два из них переданы гравюрой, а третье — низким рельефом.

На территории СССР, где образы позднепалеолитических людей в виде скульптурных фигурок достаточно распространены (Костенки I, Гагарино, Авдеевка, Буреть, Елисеевичи, Мальта), известна только одна гравюра — изображение женщины на плитке известняка (стоянка Костенки I), а изображения на кости и роге пока не были встречены. В связи с этим каждая новая находка вызывает особый интерес.

В 1955 г. при исследовании многослойной стоянки Молодова 5, находящейся на правом берегу Днестра, у с. Молодова Кельменецкого района Черновицкой области, во время расчистки пятна скоплений находок в седьмом горизонте стоянки найдено 5 «жезлов» из рога оленя, лежавших рядом. Наиболее интересен среди них третий, на поверхности которого имеются не только следы орнамента в виде нескольких рядов тонких параллельных нарезных линий, но и изображение человека³. «Жезл» найден на глубине 3,86—3,9 м; его конец с отверстием был ориентирован на северо-восток. Размеры «жезла» — 305 × 32 × 25 мм, диаметр отверстия — 25 мм. Изображение человека расположено на внешней стороне; его размеры — 135 × 27 мм (рис. 55). Человеческий образ передан в фас низким рельефом. Отчетливо прослеживаются очертания головы, шеи, туловища и правой ноги (рис. 56); левой ноги нет, так как в древности, по-видимому, эта часть внешней поверхности рога отпала.

¹ D. Peugny. *Eléments de préhistoire*. Ussel, 1927, стр. 97, фиг. 55, рис. 2.

² L. Capitan, H. Breuil, D. Peugny. *Les Combarelles*. Paris, 1924, фиг. 98, рис. 2. Там же, фиг. 92, рис. 3.

³ А. П. Черныш. Изображение человеческой фигуры позднепалеолитического времени. КСИА, вып. 6, Киев, 1956.

Любопытны некоторые детали: глаза переданы двумя маленькими углублениями, нос — небольшим выступом, а в верхней части головы, где рельеф исчезает, заметны короткие вертикальные линии, очевидно, изображающие волосы. Таким образом, хотя очертания рук отсутствуют, но на «жезле» со стоянки Молодова 5 изображен вполне реальный человеческий образ, по своей выразительности не уступающий наиболее известным среди палеолитических памятников Западной Европы изображениям людей, переданных гравюрой или рельефом (Альтамира, Комбарель, Лурд и т. д.).

Рис. 55. «Жезл» из оленьего рога с изображением человека.

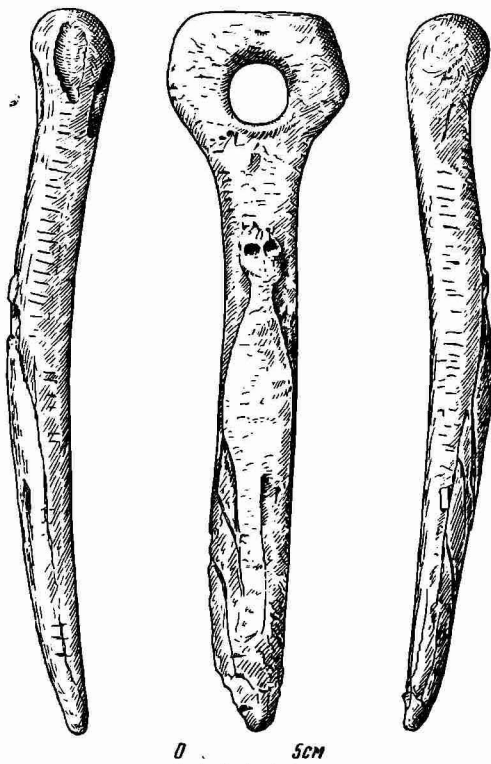

Рис. 56. «Жезл» с изображением человека (Прорисовка).

Необходимо также отметить, что кремневый инвентарь седьмого горизонта стоянки Молодова 5, по данным раскопок 1955 г. (наконечники с боковой выемкой, остря, орудия на пластинках с краевой ретушью), датируется концом солютрейского времени. Следовательно, изображение из Молодовы 5 хронологически древнее, чем на «жезлах» из гротов Меж, Гурдан и пещеры Мадлен.

Изображение человека на «жезле» со стоянки Молодова 5 — первое в СССР изображение позднепалеолитических людей, переданное техникой рельефа; оно значительно расширяет пока еще количественно небольшой круг образов людей в изобразительном творчестве позднепалеолитического времени.

А. Х. РЕПМАН

ФИГУРНЫЙ КРЕМЕНЬ С ВЫШНЕВОЛОЦКИХ
НЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК

Фигурный кремль с озерных неолитических стоянок северо-восточной части Вышневолоцкого района Калининской области (сборы Н. К. Рериха, Н. И. Гумилевского и др.) достаточно хорошо известен в археологической литературе¹.

Публикуемые в настоящей статье предметы найдены автором в комплексе с неолитическими орудиями и керамикой на Вышневолоцком водохранилище во время археологических разведок 1936—1940 гг. Многочисленные неолитические стоянки на берегах озер, входивших в систему водохранилища, были затоплены при подъеме воды, вызванном произведенной в начале XIX в. реконструкцией Вышневолоцкого гидроузла. Результатом поднятия горизонта воды явилось интенсивное размывание песчаных берегов, а вместе с ними и культурных слоев. Стоянки долгое время не попадали в поле зрения археологов и оставались неизвестными, так как только при осеннем спуске воды из водохранилища обнажались естественные берега озер, вскрывая размытые культурные слои, представлявшие собой сплошные россыпи кремневых орудий, фрагментов керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом и отходов каменной индустрии. Среди обычного для валдайских неолитических стоянок кремневого инвентаря и были встречены антропо- и зооморфные фигурки.

Описанию находок мы предпосылаем краткую характеристику местонахождения.

1. Стоянка № 5 — Багон-отмель. Расположена в западной части Городолюбского озера и вскрывается в виде отмели только при самом низком горизонте воды в водохранилище. Кремневые орудия и ямочно-гребенчатая керамика группируются вокруг небольших груд камней со следами действия огня (очаги). Здесь, в песке, была найдена в 1936 г. уникальная по мастерскому, буквально ювелирному выполнению фигурка медведя в профиль. Она изготовлена из тонкой (3—4 мм) пластинки коричневого, слегка просвечивающего кремня (рис. 57 — 1).

Контур изображения образован посредством двусторонней отжимной ретуши, фасетки которой покрывают с одной стороны всю площадь фигурки, а с противоположной располагаются по краю. Скульптор безукоризненно точно воспроизвел фигуру животного, соблюдая все пропорции. Массивная голова с торчащими ушами, выполненными в виде небольшого

¹ А. А. Спицын. Из собрания Н. К. Рериха. ЗОРСА, т. VII, вып. 2, СПб., 1907, стр. 233, 234; С. Н. Замятин. Миниатюрные кремневые скульптуры. СА, X, 1948, стр. 85—123.

треугольного выступа, плавно переходит в характерное для медведей коренастое туловище. Впечатление полуоткрытой пасти достигается благодаря фасеткам, расположенным симметрично на обеих сторонах морды. Вытянутые передние и особенно задние лапы (контуры правых и левых лап сливаются) придают скульптуре динамичность. Мастер не упустил даже такой подробности, как плоская стопа, передав ее на задней ноге ровным отколом.

2. Стоянка № 11 — Поганый Куст. Находится вблизи стоянки № 5, в западной части Городоловского озера, носящей название «Багон». Расположена на песчаном, покрытом ивняком острове, выступающем на поверхность при значительном понижении горизонта воды в водохранилище.

Подъемный материал составляют орудия макролитического вида, пластины с ретушью, скребки и фрагменты ямочно-гребенчатой керамики.

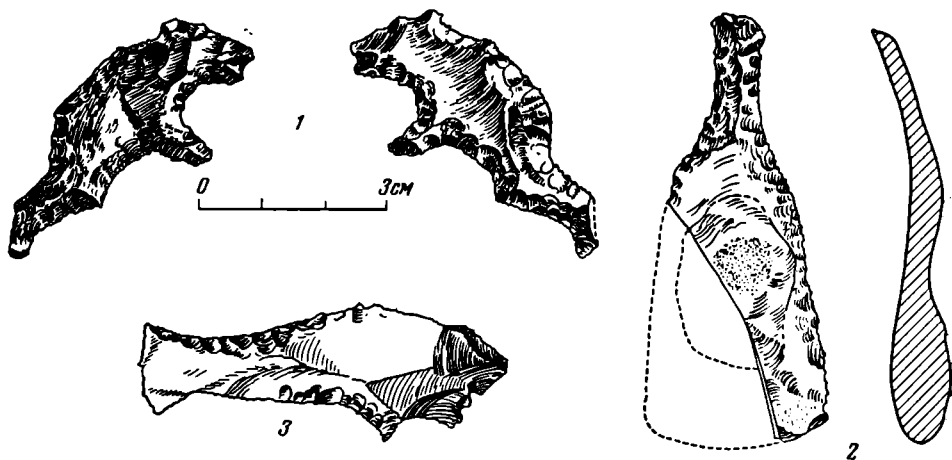

Рис. 57. Изображения из кремня.

1 — стоянка Багон-отмель; 2 — стоянка Поганый Куст; 3 — стоянка Федорова Будка.

В 1937 г. здесь была найдена поделка длиной 7 см, предположительно отнесенная к фигурному кремню. Поделка изготовлена из тонкого отщеп коричневого, непрозрачного кремня, левый нижний угол отбит, в верхней части она завершается узким (длиной 20 мм и шириной 6 мм) выступом с тупым, слегка расширенным концом. Фигурка обработана по контуру отжимной, односторонней ретушью, не заходящей на плоскость, а выступ, трехгранный в сечении, — мелкой ретушью. Брюшко поделки — без обработки; сохранилась часть ударного бугорка. В широкой части спинки — округлая выщербина. Фигурка может быть интерпретирована как подвеска (рис. 57 — 2).

3. Стоянка № 13 — Федорова Будка. Находится на южном берегу острова Лисьи Горы, образовавшегося из дюнной гряды, окаймлявшей с севера Городоловское озеро.

Кремневый инвентарь, исключительно богатый по разнообразию форм и типов, включает характерные для неолита орудия и фрагменты ямочно-гребенчатой керамики. Шлифованные орудия единичны и составляют менее 1% от общего количества.

На этой стоянке в 1937 г. найдена фигурка, изготовленная из отщеп светло-коричневого кремня. Она представляет собой натуралистически исполненное изображение рыбы. Контур туловища и хвостового оперения образован мелкой ретушью, фасетки которой в нижней хвостовой части заходят на брюшко. Голова, с выделенной на ней плоским сколом жаберной

крышкой, и выступы, обозначающие грудные плавники, выполнены крупными сколами без дополнительной подправки отжимной ретушью. Длина фигурки — 6,8 см (рис. 57 — 3).

Издаваемые в настоящей публикации фигурки из кремня и по сопровождающему их инвентарю, и по технике обработки должны быть отнесены к последней стадии развитого неолита. Необходимо отметить, что в отличие от известных ранее кремневых культур с Мстинских неолитических стоянок, они передают изображение не в фас, а в профиль. Эта особенность вышневолоцких кремневых скульптур отмечена А. Я. Брюсовым. Он пишет: «Для Вышневолоцкого района характерны изображения рыб и натуралистические изображения медведя не в фас, как в Волосовском районе, а в профиль»².

---

² А. Я. Брюсов. Свайное поселение на р. Модлоне и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области. МИА № 20, 1951, стр. 43.

А. А. ФОРМОВЗОВ

О ДАТИРОВКЕ НЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК
ЧЕРНОМОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ КАВКАЗА

За последние 15—20 лет благодаря плодотворным работам Л. Н. Соловьева, А. Н. Каландадзе, А. Л. Лукина и других исследователей был собран обильный материал о неолитических памятниках Черноморского побережья Кавказа. Материал этот уже настолько велик, что на основании его можно составить известное представление об относительной хронологии неолитических стоянок Северной Грузии и приморских районов Краснодарского края.

В основе периодизации лежит анализ каменных орудий, так как кавказская неолитическая керамика лишена орнамента и потому является плохим показателем времени. Древнейшие стоянки Черноморского побережья, — такие, как Одиши в Зугдидском районе Грузии (сборы А. Н. Каландадзе)¹, Кистрик в Абхазии (сборы А. Л. Лукина и Л. Н. Соловьева)² и недавно раскопанная Л. Н. Соловьевым Шиловская стоянка близ Адлера³, — относятся, по-видимому, к началу неолита. В них еще много орудий микролитических типов, сходных с найденными в поздне-мезолитической стоянке Холодный Грот в Абхазии⁴, напоминающей по инвентарю крымскую стоянку Мурзак-Коба. Любопытно, что в Холодном Гроде, наряду с кремневыми микролитическими орудиями, уже встречаются крупные грубые орудия из морской гальки, столь характерные для кавказского неолита. Но Холодный Грот — еще мезолитический памятник, где нет находок керамики, двусторонне обработанных и полированных орудий. В стоянках типа Одиши уже есть керамика; на них найдены не только простые трапеции, но и характерные неолитические трапеции со струганной спинкой и полированные орудия. На этих стоянках много крупных орудий из гальки, хотя формы их недостаточно выработаны и определены.

На более поздних стоянках — Мзымтинской близ Сочи (сборы А. П. Краснова)⁵, Имеретинской Бухте (раскопки Л. Н. Соловьева) и Молдовке близ Адлера (сборы Н. И. Гумилевского)⁶ — характер инвен-

¹ А. Н. Каландадзе. Остатки мезолитической и неолитической культуры в Грузии. Изв. Ин-та языка, истории и истории материальной культуры Грузинского филиала Академии наук СССР, вып. IV-3, Тбилиси, 1939 (на груз. яз.).

² А. Л. Лукин. Неолитическое селище Кистрик близ Гудаут. СА, XII, 1950.

³ Коллекция в фондах Кавказской спелеологической станции Крымского филиала Академии наук УССР в г. Адлере.

⁴ Коллекция Сухумского музея из раскопок Л. Н. Соловьева.

⁵ Коллекция Сочинского музея и Государственного Эрмитажа.

⁶ Коллекция в фондах Кавказской спелеологической станции Крымского филиала Академии наук УССР в г. Адлере.

таря заметно меняется. Микролитические формы почти полностью исчезают, а орудия из морской гальки становятся преобладающими. Наибольшим числом среди них представлены тьякообразные орудия, которые кавказские археологи называют «мотыжками». При изготовлении их плоская овальная галька раскалывалась вдоль, и на одном конце полученной заготовки грубой ретушью выделялся черешок для закрепления в рукояти. Полукруглый рабочий край на другом конце, образовавшийся при расколе гальки, дополнительной обработке не подвергался. Размеры таких орудий — 8—12 см в длину, 6—10 см в ширину. Форма их подтреугольная, если черешок выделен не четко; нередко, однако, он выделялся резко, и при переходе к рабочей части орудия образовывались уступы (рис. 58). В земледельческом назначении орудий нет полной уверенности; они слишком

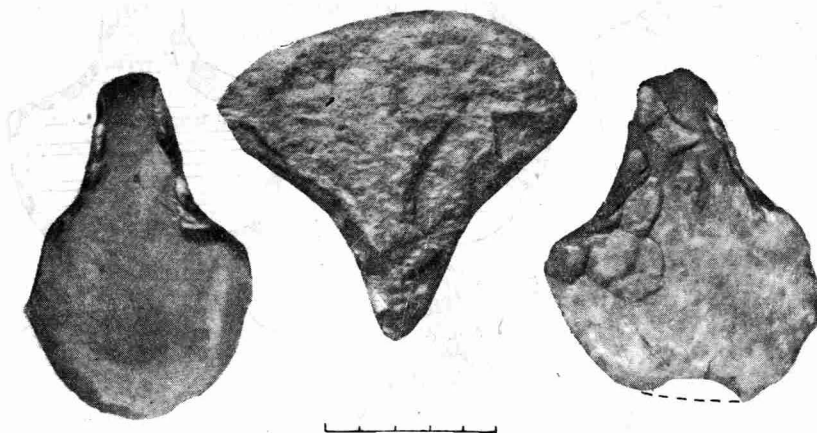

Рис. 58. Тьякообразные орудия со стоянки Молдовка близ Адлера.

легки для обработки каменистых почв Кавказа и, скорее, исполняли функции тесел. Так или иначе, это характернейший тип орудий для позднего кавказского неолита.

Стоянки типа Мзымтинской, по-видимому, непосредственно предшествуют стоянкам с лошенной керамикой, относящимся к энеолиту: Очамчирского Порту (раскопки Л. Н. Соловьева)⁷, верхним слоям Ахштырской пещеры (раскопки С. Н. Замятнина)⁸ и Воронцовской пещере (раскопки Т. Н. Высоцкой)⁹. Из каменных орудий этого времени характерны двусторонне обработанные вкладыши для серпов и небольшие, великолепно отполированные топоры. В Воронцовской пещере найден медный бесчеренковый нож. На этих стоянках орудия из морской гальки еще встречаются, но уже в небольшом числе.

Такова относительная хронология черноморских стоянок Кавказа. Значительно сложнее вопрос об абсолютной хронологии этих памятников. По сути дела, в литературе он даже не ставился. Между тем описанный специфический тип орудий из гальки, характеризующий поздний неолит Кав-

⁷ Л. Н. Соловьев. Энеолитическое селище у Очамчирского Порта в Абхазии. Сб. «Материалы по истории Абхазии». Труды АбхНИИГрузФАН, вып. 15, Сухуми, 1939; Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, т. II. Тбилиси, 1950, стр. 259—297.

⁸ Коллекция в Музее антропологии и этнографии Академии наук СССР в Ленинграде. Некоторые данные см. С. Н. Замятнин. Изучение палеолитического периода на Кавказе за 1936—1948 гг. «Материалы по четвертичному периоду», вып. 2, 1950.

⁹ Коллекция в фондах Кавказской спелеологической станции Крымского филиала Академии наук УССР в г. Адлере.

каза, имеет определенные аналогии, позволяющие подойти к решению вопроса об абсолютных датах кавказских стоянок. Тяпкообразные орудия овальных очертаний с четко выделенным черешком, не известные в памятниках Украины, Крыма, лесного неолита и т. д., находят совершенно определенные аналогии на далеком юге. При раскопках Суз I Ж. де Морганом была найдена целая серия лопатообразных топоров, как он их называет, совершенно аналогичных по размерам и форме, а также, видимо, и по приемам обработки описанным выше кавказским мотыжкам (рис. 59)¹⁰. Это такие же плоские орудия с черешком для укрепления на рукояти,

Рис. 59. Лопатовидные топоры из Суз I (По Ж. де Моргану).

с уступом, переходящим к рабочей части овальных очертаний. Грубая ретушь видна по краям черешка и только кое-где — на полукруглом рабочем крае.

В своей работе «Доисторическое человечество» Ж. де Морган специально останавливается на этом типе орудий. В составленной им интересной таблице всевозможных типов каменных топоров интересующий нас тип назван «специально эламитским»¹¹, не имеющим аналогий в других районах Передней Азии и в Европе. Находки на кавказских стоянках показывают, что ареал распространения орудий данного типа был шире пределов Элама. Промежуточным звеном между Сузами и районом Сочи—Адлера является стоянка Тетрамица близ Кутаиси¹², где найдены подобные орудия. Северные, кавказские связи Суз давно известны. В Сузах много изделий из привозного кавказского (не обязательно армянского) обсидиана¹³. Крестовидная булава из сузианского некрополя сопостав-

¹⁰ J. de Morgan. La préhistoire orientale, t. III, Paris, 1927, стр. 70, 71, рис. 89, 103, 104.

¹¹ Ж. Де Морган. Доисторическое человечество, М.—Л., 1926, табл. 39, 17, стр. 98.

¹² Н. Э. Киладзе. Памятник нового каменного века из Тетрамицы. Вестник Музея Грузии, вып. 29, Тбилиси 1951 (на груз. яз.), табл. VII. Тетрамица, по-видимому, относится к более позднему времени, чем стоянки мзымтинской группы, так как здесь встречены двусторонне обработанные вкладыши для серпов.

¹³ J. de Morgan. Указ. соч., рис. 61.

ляется с аналогичными формами каменных орудий Кавказа¹⁴ и т. д. Таким образом, устанавливаемая параллель в типах каменных орудий не является неожиданной и натянутой; она позволяет говорить, что стоянки мзымтинского типа должны быть отнесены скорее всего к последним столетиям IV тысячелетия — самому началу III тысячелетия до н. э.¹⁵ Соответственно стоянки типа Одиши относятся к V тысячелетию — началу IV тысячелетия до н. э., а Холодный Грот — ориентировочно к VI тысячелетию до н. э. Эти цифры контролируются датировкой энеолитических стоянок Кавказского побережья. Орудия типа «мотыжек» на них еще встречаются¹⁶, что позволяет предполагать непосредственную преемственность в культуре между позднеолитическими и энеолитическими памятниками. На стоянке Бочаров Ручей близ Сочи¹⁷ такие «мотыжки» обнаружены вместе с двусторонне обработанными асимметричными наконечниками стрел, известными по находкам в Больших Кубанских курганах¹⁸. Лощеная керамика с рельефным орнаментом со стоянок типа Очамчирской во многом близка энеолитической керамике Закавказья¹⁹. На основании этого энеолит Черноморского побережья можно относить к III тысячелетию до н. э., а более ранние памятники — к более древней эпохе. Наша опорная дата, стало быть, верна.

---

¹⁴ См., например, А. А. Иессен. Археологические памятники Кабарды. МИА № 3, 1941.

¹⁵ Датировка Суз I — Т. Burton Brown. Excavations in Azerbaijan. London, 1951, стр. 265.

¹⁶ Л. Н. Соловьев. Указ. соч., табл. III, 5.

¹⁷ Коллекции Сочинского музея из сборов А. П. Краснова.

¹⁸ А. А. Иессен. К хронологии Больших Кубанских курганов. СА, XII, 1950.

¹⁹ Б. А. Куфтин. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и Куро-Араксинский энеолит. Вестник Музея Грузии, т. XIII-B, Тбилиси, 1944.

И. К. НЕДОЛЯ

ОРУДИЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ ЭПОХИ НЕОЛИТА ИЗ РАЙОНА
АДЛЕРА

В археологической литературе не раз высказывалось мнение о том, что древнее земледелие было приурочено к пойменным участкам. Такой выбор почв определялся сравнительной легкостью их обработки и водообеспеченностью. Древний человек, имея весьма примитивные орудия и располагая

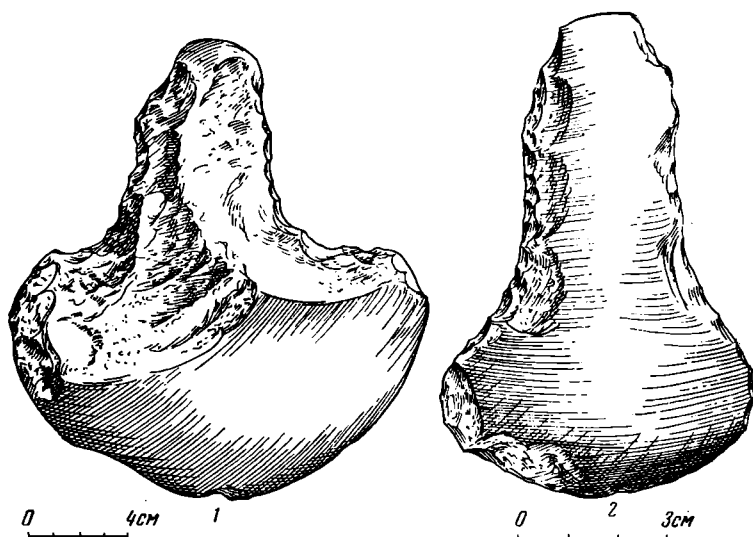

Рис. 60. Каменные мотыжки.

только мускульной силой, не мог обрабатывать под посевы тяжелые связанные почвы.

Орудия древнего земледелия изготовлялись из дерева, кости и камня. Судя по публикуемым рисункам, орудия из камня, найденные на территории Европейской части СССР, делались по типу современной кирки, были массивны и имели большей частью узкую, клиновидную форму.

В последние годы в районе Адлера Краснодарского края обнаружены орудия земледелия совершенно иного типа, схожие с современной тяпкой-мотыгой. Впервые такие мотыжки были найдены местным краеведом А. П. Красновым, около с. Казачий Брод, на приречной террасе р. Мзымты.

Позже они были встречены и в других местах, ближе к морю, но за пределами района Адлера пока нигде не обнаружены; это дало основание назвать их мотыжками адлерского типа (рис. 60 — 1, 2).

Мотыжки изготовлялись из речной или морской гальки овальной, плоской формы при помощи сильного удара по более толстому, округлому ребру гальки. Толщина отщепа была наибольшей в точке удара, а у противоположного конца сходилась на нет, образуя здесь тонкое овальное лезвие, обычно остававшееся без дальнейшей обработки; реже лезвие подвергалось легкой оправке и ретуши. На толстой части отщепа, путем грубых сколов и последующей более тонкой ретуши обрабатывалась тыльная часть орудия, представлявшая собой более или менее длинный и плоский черенок.

Каким образом крепилось орудие к рукояти, — судить трудно. Возможно, что рукоятка была изогнута под углом, и в таком случае работа производилась как современной мотыгой. Не менее вероятно, что черенок вставлялся в прямую палку, и орудием работали как лопатой. Ясно, однако, что таким орудием можно было обрабатывать легкие почвы: для тяжелых почв, — глинистых и илистых, особенно сухих, — оно было непригодно из-за легкого веса, а также потому, что лезвие было тупое и толстое.

Величина и детали формы орудий зависели от наличия подручного материала, а также от возраста работавшего. Наибольшая длина орудия равнялась 19 см, рабочая часть — 9 см, вес — 400 г. Встречались очень маленькие орудия, имевшие длину всего 7 см, ширину — 4 см и вес меньше 100 г; вероятно, такие орудия предназначались для детей.

Интересно, что в более позднюю бронзовую эпоху появились медные и бронзовые мотыжки такой же формы и размеров, известные по находкам, хранящимся в Сочинском и Сухумском музеях.

Почвы в местах массовых находок мотыжек адлерского типа различны по генезису и механическому составу, но все они легкие и легко обрабатываются: у с. Казачий Брод это наносные иловатые, со значительной примесью песка, ныне погребенные более связными наносами; на Карангатской террасе сильно оподзоленные, супесчанистые; весьма рыхлые в Имеретинской бухте, у овощного совхоза; торфо-песчанистые — на древних дюнах. Почвы междудюнных понижений — более тяжелые по составу, глинистые, но еще достаточно легкие; кроме того, вероятно, и в ту эпоху они периодически затоплялись, что значительно облегчало их обработку.

Остатки поселений неолитического человека в Имеретинской бухте — разбросанные камни фундаментов и очагов — видны и сейчас достаточно хорошо. Кроме мотыжек, там встречаются в больших количествах рыболовные грузила и остатки зернотерок.

В. И. МОШИНСКАЯ

БАЛАНДИНСКИЙ КЛАД БРОНЗОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ

В 1927 г. в Омский краеведческий музей был доставлен Ф. С. Бледновым клад бронзовых вещей, обнаруженных на пашне близ дер. Баландиной бывш. Уральского округа, на левом берегу Иртыша. Более детально обстоятельства находки не известны. В музей доставлены следующие бронзовые инструменты.

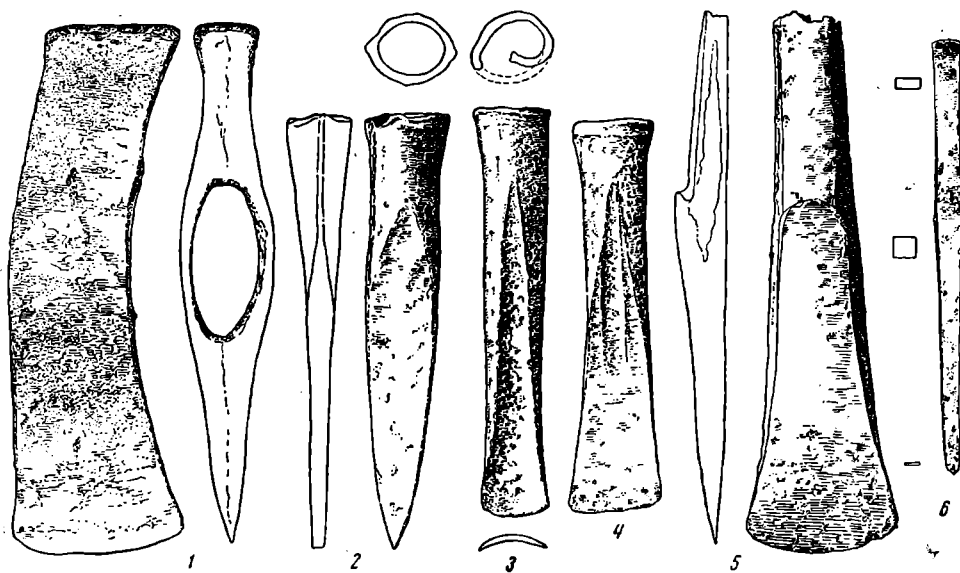

Рис. 61. Бронзовые инструменты из Баландина.

1 — топор; 2—4 — долота; 5 — тесло; 6 — стамеска.

1. Бронзовый проушный прямообушный топор (рис. 61 — 1). Проух — овальной формы. Удлиненный обушок, прямоугольный в сечении, лежит в одной плоскости с бойком топора. Лезвие отковано. Длина — 16 см, ширина — 4,3 см.

2. Бронзовое копьевидное долото с овальной втулкой (рис. 61 — 2). Рабочий конец плоский, тупые бока сходятся на острие. Длина — 13 см, ширина — 2,2 см.

3. Бронзовое желобчатое долото. Лезвие закругленное; втулка круглая, край ее согнут и сломан. Длина — 13 см, ширина — 2,3 см (рис. 61 — 3).

4. Бронзовое втульчатое долото с расширенным плоским рабочим концом (рис. 61 — 4), переделанное из желобчатого долота. Втулка овальная. Длина — 12,5 см, ширина — 2,7 см.

5. Бронзовое клиновидное тесло (рис. 61 — 5) с черешком для насадки. Одна сторона орудия плоская, другая — с выступом у черешка. Боек длинный, расширяющийся к округлому лезвию. Общая длина орудия — 16,5 см.

6. Бронзовая четырехгранная двусторонняя стамеска с утолщением в средней части (рис. 61 — 6). У рабочего конца — поперечное лезвие. Длина — 13 см, ширина — 1 см.

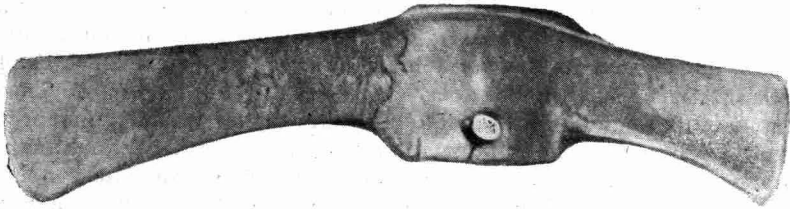

Рис. 62. Бронзовый топор из музея Томского университета.

Все орудия тщательно отделаны и все они были в употреблении. В настоящее время инструменты покрыты одинаковой блестящей темно-зеленой патиной, поверх которой много мелких, ярко-зеленых, шероховатых пятен дикой патины.

Некоторые из орудий Баландинского клада принадлежат к хорошо известным в археологии формам, например, желобчатые долота. Они распространены на обширной территории, включающей Придонье, Поволжье, Прикамье и Сибирь. Так, долота, аналогичные баландинскому, известны в кладе из Сосновой Мазы¹, в Дербеденском кладе², на Луговской стоянке³, в памятниках тагарской культуры в Южной Сибири⁴, среди находок на Алтае и в Казахстане⁵.

Формы остальных орудий менее распространены. Так, копьевидные долота, близкие баландинскому (рис. 61 — 2), известны пока, по-видимому, лишь в памятниках тагарской культуры⁶. Отметим, что А. М. Талльгрэн считал эту форму характерной для сибирской бронзы⁷.

Черешковые тесла клиновидной формы пока известны только на территории Казахстана, где встречались неоднократно. Черешковое тесло подобной формы есть среди материалов из раскопок В. В. Радлова в 1866 г. близ оз. Сары-Озек. Кроме него, в коллекцию входят бронзовый втульчатый двулопастной наконечник стрелы и обломок бронзового серпа-резака сосново-мазинского типа⁸. Полной уверенности в том, что эти вещи представляют собой комплекс, — нет, поскольку данные отчета В. В. Радлова

¹ ИАК, вып. 29, 1909, стр. 65—67.

² Н. И. Булычев. Древности из Восточной России. М., 1902, табл. VI, рис. 6.

³ Раскопки А. В. Збруевой. Хранится в Институте истории материальной культуры Академии наук СССР.

⁴ А. М. Tallgren. Collection Tovostine. Helsingfors, 1917, табл. II, рис. 15.

⁵ С. С. Черников. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алма-Ата, 1949, табл. VIII, рис. 3; I. R. Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien. Helsingfors, 1877—1884, № 244 и 245.

⁶ А. М. Tallgren. Указ. соч., табл. II, рис. 9, стр. 39, 40.

⁷ А. М. Tallgren. Collection Zaoussailov. Helsingfors, 1916, стр. 8 (таблица).

⁸ Коллекция в настоящее время хранится в ГИМ (инв. № 54322).

не ясны. М. П. Грязнов, не считая сары-озекские находки комплексом, в свое время отнес черешковые тесла с уступом к ранним этапам андроновской бронзы⁹. Такое предположение едва ли может быть принято. Это заставило бы нас теперь определить ранней датой и Баландинский клад, что едва ли возможно, так как в его состав входят желобчатое долото и другие инструменты, относящиеся к более позднему времени. Особенно интересна для нас находка близ с. Каракол. Здесь, со дна оз. Иссык-Куль подняты 3 бронзовых инструмента: клин, черешковое тесло и втульчатое копьевидное долото¹⁰. Два последних инструмента не обработаны после отливки и не были в употреблении; они представляют прямую аналогию соответствующим предметам из Баландинского клада.

Наиболее оригинальным и интересным предметом в Баландинском кладе следует считать топор, особенность которого составляют проух овальной формы и удлиненный обушок. Внешнее сходство топора со скифскими железными топорами-молотами едва ли имеет какое-нибудь значение, ибо они различаются не только по формальным признакам (железные скифские имеют гораздо менее массивный боек и несколько иной формы обушок), но и функционально. Баландинский топор представляет собой универсальное орудие, тогда как скифские топоры были, скорее всего, специализированным военным оружием. Более близкую аналогию баландинскому представляет бронзовый топор, хранящийся в музее Томского университета под № 1216 (рис. 62): проух его — как и у баландинского топора — овальный, с наибольшим диаметром в 3,5 см; общая длина орудия — 17 см, длина лезвия — 8,5 см, длина обуха — 5 см; втулка снабжена двумя боковыми отверстиями для укрепления древка. Орудие покрыто темно-зеленой патиной; оно было найдено случайно на берегу р. Томи близ дер. Кемеровой выш. Кузнецкого округа, Верхтомской волости.

Близко напоминают по форме баландинский топор многочисленные железные проушные прямообушные топоры, известные из Гляденовского костища¹¹. Несмотря на большой хронологический разрыв, близкое сходство вещей заставляет предполагать, что эта форма продолжала существовать также в железе и послужила прототипом миниатюр, известных нам по находкам в Гляденове.

Отсутствие прямообушных бронзовых топоров с указанными специфическими особенностями где-либо за пределами Западной Сибири дает возможность, несмотря на малое количество находок, говорить о том, что эта форма была характерной для Западной Сибири и, возможно, Урала.

Датировка Баландинского клада представляет некоторые затруднения. Как известно, в большинстве бронзовые орудия представляют собой случайные находки, и датировка их обычно недостаточно точна. Однако наличие в Баландинском кладе некоторых широко распространенных форм позволяет установить его дату и считать, что он относится ко времени не ранее рубежа II и I тысячелетий до н. э., вероятнее всего, — к первой трети I тысячелетия до н. э.

---

⁹ М. П. Грязнов. Казакстанский очаг бронзовой культуры. Сб. «Казакки», Л., 1930, стр. 158.

¹⁰ Коллекция хранится в Музее антропологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, № 328.

¹¹ Н. И. Новокрещенных. Гляденовское костище на р. Каме. Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии, Пермь, 1914, табл. XII, рис. 15.

IV. ХРОНИКА

А. С. МЕЛЬНИКОВА

КЛАДЫ МОНЕТ

*(зарегистрированные Государственным Историческим музеем
за 1952—1954 годы)*

Первая сводка монетных кладов, зарегистрированных Государственным Историческим музеем, была опубликована Н. Д. Мец в выпуске 52 Кратких сообщений Института истории материальной культуры Академии наук СССР¹. За последующие 3 года (1952—1954) Историческим музеем собраны дополнительные данные по монетнымкладам, которые и публикуются ниже.

Материалы сводок исходят из 2 источников: определенных кладов монет, поступивших в Исторический музей, и сообщений краеведческих музеев и частных лиц. В последнем случае сведения о составе кладов и их дальнейшей судьбе часто не полны. При описании этих находок приводится номер письма, сообщающего о кладе (письма хранятся в архиве канцелярии музея).

В сводку входят сведения о 69 кладах восточных, русских и западноевропейских монет. Из них кладов с восточными монетами² — 8 (3 — с куфическими и 5 — с джучидскими), с русскими монетами — 55 и с западноевропейскими — 6.

Из числа кладов русских монет следует отметить следующие: № 23 (ГИМ 58272), № 26 (ГИМ 83849), № 27 (ГИМ 84092), где среди монет второй половины XVI в. или даже конца XVII в. встречаются монеты, давно вышедшие из обращения (второй половины XV в.) или просто сурогаты (непробитые мордовки). Это говорит о сохранившейся до конца XVII в. известной неупорядоченности в денежном обращении. В нумизматическом отношении интересны клад № 11; в составе которого — вообще редко встречающиеся в кладах полушки, и №№ 17 (ГИМ 84213), 21 (ГИМ 84229), 24 (ГИМ 84821), с монетами, чеканенными в Ярославле в годы польско-шведской интервенции. Но, конечно, первой по значению и редчайшей находкой являются 13 сребреников Великого княжества Киевского X—XI вв. (№ 9, ГИМ 85421), переданные в Государственный Исторический музей³. Находка этих древнейших монет уже сама по себе чрезвычайно интересна. Найденные монеты дают в руки исследователей новый материал о древнейшем периоде русской чеканки.

¹ Н. Д. Мец. Клады монет, зарегистрированные Государственным Историческим музеем за 1945—1952 гг. КСИИМК, вып. 52, 1953.

² Определение кладов восточных монет сделано сотрудником отдела нумизматики ГИМ С. А. Яниной.

³ Пользуемся случаем выразить благодарность директору Брянского музея тов. Школьникову за содействие в передаче сребреников в ГИМ.

Среди восточных кладов особый интерес представляют клад № 1 — первый клад куфических монет, обнаруженный в условиях археологических раскопок, и № 4 (ГИМ 84750), в котором оказались ранние монеты, чекана Великого княжества Рязанского ⁴.

Топография кладов приведена по административному делению СССР на 1954 г. ⁵

1. КЛАДЫ КУФИЧЕСКИХ МОНЕТ РСФСР

Новгородская область

№ 1, г. Новгород. 14 августа 1953 г. при раскопках Новгородской археологической экспедиции на Неревском конце Великого Новгорода найден клад куфических серебряных монет X в. Монеты находились в берестяном туесе, лежавшем внутри сруба на слое материкового песка, покрывавшего пол помещения (30-й пласт).

Клад состоял из 60 целых и 811 обрезков дирхемов (общий вес — 577,43 г), одной лунницы (0,42 г) и набора разновесов (6 железных сферических гирек, обтянутых медным листом с обозначением кратности веса на плоскостях; 2 вспомогательных свинцовых гирек и 2 хрустальных бузин — сферической многогранной и призматической).

Из общего количества монет и их обрезков удалось определить 327 экземпляров. Представлены монеты 7 восточных династий: арабских наместников Табаристана — 1 экземпляр, Аббасидов — 16 экземпляров, Саманидов — 284 экземпляра, Бувейхидов — 7 экземпляров, Зияридов — 3 экземпляра, Хорезмшахов — 1 экземпляр, Хамданидов — 2 экземпляра, подражания монетам Саманидов — 13 экземпляров.

Самая ранняя монета — трижды пробитый обломок полудрахмы наместника Табаристана Омара (или Саида) — 772—778 гг., наиболее поздняя — дирхем Саманида Мансура ибн-Нуха, чеканенный в 361 г. х. (971/972) ⁶.

БССР

Гомельская область

№ 2, Кормянский район, дер. Рудня. В июне 1954 г. найден клад куфических монет VIII в. — начала IX в. Дальнейшая судьба клада не известна. Сообщил П. А. Гуца, письмо № 666 от 19 июля 1954 г.

№ 37, ГИМ 85372. Кормянский район, дер. Литвиновичи, 5 августа 1954 г. В. А. Юрочкин обнаружил клад из 99 куфических монет VIII в. — начала IX в., лежавших в земле столбцом. Основная масса монет разошлась среди населения, часть (39 экземпляров) поступила в Государственный Исторический музей (общий вес — 111 г). Состав сохранившейся части клада: монеты Аббасидов — 38 экземпляров [самая ранняя — дирхем ас-Саффаха, 132 г. х. (749/750), самая поздняя — дирхем ал-Мамуна, 200 г. х. (815/816)] и монета Тахиридов — 1 экземпляр [дирхем Тальхи, 208 г. х. (823/824)].

⁴ См. В. Л. Янин и С. А. Янина. Начальный период рязанской монетной чеканки. Труды ГИМ, вып. XXV. Нумизматический сборник, ч. 1. М., 1955.

⁵ СССР. Административно-территориальное деление союзных республик. Изд-во «Известия Советов депутатов трудящихся СССР», 1954.

⁶ Предварительные сведения о кладе были опубликованы А. В. Арциховским, см. А. В. Арциховский. Раскопки 1953 г. в Новгороде. «Вопросы истории», 1954 г., № 3, стр. 110, 111. Подробно клад разобран С. А. Яниной, см. С. А. Янина. Неревский клад куфических монет X в. МИА № 55, 1956, стр. 180—207.

⁷ Возможно, П. А. Гуца (см. № 2) сообщил о находке именно этого клада (ГИМ 85372), судя по близости времени и места находки, а также по составу клада. Точно установить это не удалось.

2. КЛАДЫ ДЖУЧИДСКИХ МОНЕТ РСФСР

Московская область

№ 4, ГИМ 84750, Донской район, Дубовский сельсовет, дер. Дубовка⁸. 5 мая 1949 г. на левом берегу Иваньковского ручья (левый приток Дона, на склоне балки Крутовского леса) найден клад джучидских монет в количестве 433 экземпляра. Он обнаружен при разработке карьера, под каменной плитой на глубине 0,5 м. В Государственный Исторический музей поступили 385 экземпляров (общий вес — 534,9 г). Самая ранняя монета — дирхем 710 г. х. (1310/1311) Токты, самая поздняя — дирхем 796 г. х. (1393/1394) Бек-Пулада. В кладе содержатся также ранние монеты Великого княжества Рязанского — джучидские дирхемы и подражания им с надчеканкой русских букв (29 экземпляров) и с надчеканкой рязанской тамги (13 экземпляров).

Рязанская область

№ 5, ГИМ 84751, Каверинский район, дер. Подсосенки. В 1949 или 1950 гг. найден клад джучидских монет XIV в. Из них 109 экземпляров (общий вес — 152,93 г) позднее поступили в Государственный Исторический музей. Представлены монеты следующих ханов: Узбека — 11 экземпляров, Джанибека — 38 экземпляров, Бердибека — 6 экземпляров, Кульны — 1 экземпляр, Науруза — 2 экземпляра, Хызра — 10 экземпляров, Ордумелика — 1 экземпляр, Мюрида — 2 экземпляра, Абдуллаха — 5 экземпляров, Азиз-Шейха — 1 экземпляр, Джанибека II и Пулад-Тимура — 1 экземпляр, Мухаммед-Булака — 7 экземпляров, Токтамыша — 16 экземпляров, подражаний — 8 экземпляров. Самая ранняя монета чеканена от имени Узбека в 716 г. х. (1316/1317), самая поздняя от имени Токтамыша — в 784 г. х. (1386/1387).

Сталинградская область

№ 6, ГИМ 85105, Камышинский район, совхоз Буерачный. В 1954 г. на дне оврага обнаружен клад джучидских монет. В Государственный Исторический музей поступили 2403 экз., общий вес которых 3461,74 г. Незначительная часть клада утеряна. Самая ранняя монета относится к 743 г. х. (1342/1343), самая поздняя — к 789 г. х. (1387).

Тульская область

№ 7, ГИМ 85104, Крапивенский район, Левинский сельсовет, дер. Жевелевка. Осенью 1953 г. на опушке Таракановского леса при вспашке поля найден клад джучидских монет в черном горшке. Общий вес клада — около 4 кг. Судя по поступившим в Государственный Исторический музей образцам, клад относился к началу XV в.: монеты Шадибека (1399—1407 гг.) — 5 экземпляров, Пулада (1407—1410 гг.) — 4 экземпляра, Чекре (1414—1416 гг.) — 2 экземпляра.

⁸ Клад отмечен в выпуске 52 КСИИМК (1953 г.) под № 21 как хранящийся в музее Подмосковного бассейна. В настоящее время клад поступил в ГИМ под № 84750.

Мордовская АССР

№ 8, Больше-Березниковский район, с. Петровка. В июле 1951 г. Е. А. Фефелкиной найден клад джучидских монет начала XV в. (общий вес — 312 г). Хранится в музее г. Саранска. Сведения о кладе поступили в 1952 г.

3. КЛАДЫ РУССКИХ МОНЕТ РСФСР

Брянская область

№ 9, ГИМ 85421, Брянская область, Климовский район, с. Митьковка. Летом 1954 г. при пахоте найдены остатки курганного погребения. Среди находок были монеты, использованные в качестве украшений: 13 киевских сребреников и 2 восточные монеты Саманидов. Состав монетной находки (по классификации И. И. Толстого)⁹: монеты Владимира Святославича — 8 экземпляров (I типа — 3 экземпляра, II типа — 5 экземпляров); Святополка — 4 экземпляра, Ярослава — 1 экземпляр (I тип). Восточные монеты относятся к династии Саманидов: дирхем Абдалмелика аш-Шаги, 350 г. х. (961/962) и дирхем Мансура ибн-Нуха, 355 или 358 г. х. (965/966 или 968/969).

№ 10, ГИМ 84029, Брасовский район, с. Брасово Поле, урочище Вытинка. 10 августа 1952 г. Н. В. Симбирев обнаружил на вспаханном поле клад русских монет, помещавшийся в кубышке. Клад вместе с кубышкой был передан в Государственный Исторический музей. Общее количество монет — 210 экземпляров, общий вес — 122 г. Состав клада: монеты Ивана IV — 150 экземпляров, Федора Ивановича — 30 экземпляров, Бориса Федоровича Годунова — 30 экземпляров.

Великолукская область

№ 11 г. Великие Луки, пл. Тимирязева. В октябре 1952 г. при разборке разрушенного во время войны собора группа рабочих обнаружила на глубине 3—4 м кубышку с русскими монетами. Клад был прислан на определение в Государственный Исторический музей, после чего поступил в Великолукский краеведческий музей. Описание клада хранится в отделе нумизматики Государственного Исторического музея. Количество монет — 2322 экземпляра. Состав клада: монеты Великого Новгорода (после 1478 г.) — 1 экземпляр (полушка); Пскова (после 1510 г.) — 6 экземпляров (из них — 5 полушек); Ивана III — 1 экземпляр; монеты без имени, относящиеся ко времени Ивана III и Василия III, — 12 экземпляров; Ивана IV — 1940 экземпляров; Федора Ивановича — 360 экземпляров; Бориса Федоровича Годунова — 2 экземпляра.

№ 12, г. Великие Луки, ул. Ленина. В январе 1953 г. при разборке разрушенного дома на глубине 3 м найдена кубышка с русскими монетами. Большая часть клада разошлась по рукам. Оставшиеся 56 монет присланы на определение в Государственный Исторический музей. Клад хранится в Великолукском краеведческом музее; описание клада — в отделе нумизматики Государственного Исторического музея. Состав сохранившейся части клада: монеты Ивана IV — 15 экземпляров, Федора Ивановича — 9 экземпляров, Бориса Федоровича Годунова — 29 экземпляров, монеты, не определенные по стертости, — 3 экземпляра.

⁹ И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского. СПб., 1882.

Владимирская область

№ 13, с. Красное (близ Владимира). В августе 1953 г. при ремонте дома обнаружена глиняная корчага с кладом медных русских монет середины XVIII в., весом около 40 кг. Дальнейшая судьба клада не указана. [Сообщение газеты «Призыв» (г. Владимир) от 5 августа 1953 г.; № 152].

№ 14, с. Вешки. Осенью 1945 г. колхозники с. Вешки при полевых работах обнаружили кубышку с русскими монетами начала XVI в. (очевидно, Василия Ивановича — 1505—1533 гг.). Количество и вес найденных монет не указаны. Клад передан во Владимирский краеведческий музей. (Сообщение газеты «Вечерняя Москва» от 1 декабря 1945 г., № 6647).

Вологодская область

№ 15, Чагодощенский район, пос. Сазоново. Осенью 1953 г. при полевых работах найдены остатки кубышки с небольшим количеством монет (около 100). Судя по присланному в Государственный Исторический музей образцам, клад состоял, главным образом, из монет Михаила Федоровича. Сообщено школьниками Покровской заводской школы, членами исторического кружка (письмо от 28 ноября 1953 г., № 1032).

Калининская область

№ 16, ГИМ 84244, Калязинский район, дер. Аверково. Летом 1952 г. Ю. М. Толмачев обнаружил на поле кубышку с кладом русских монет. Общее количество и вес найденных монет не известны, так как в музей поступила часть клада без кубышки (передана П. А. Комковым); остальные монеты растеряны. Количество оставшихся монет — 146 экземпляров, общий вес — 79,75 г. Состав сохранившейся части: монеты Ивана IV — 73 экземпляра, Федора Ивановича — 17 экземпляров, Бориса Федоровича Годунова — 40 экземпляров, Дмитрия Ивановича — 6 экземпляров, Василия Ивановича Шуйского — 10 экземпляров.

№ 17, ГИМ 84213, Кимрский район, дер. Крюково. 10 июля 1953 г. И. Д. Гуниным найден клад русских монет в кубышке, спрятанный под дерном, на глубине 4—5 см. Поступил в Государственный Исторический музей целиком, вместе с обломками кубышки. Количество монет — 1049 экземпляров, общий вес — 790 г. Состав клада: монеты Ивана IV — 2 экземпляра, Федора Ивановича — 4 экземпляра, Василия Ивановича Шуйского — 13 экземпляров, Владислава — 2 экземпляра, Михаила Федоровича — 1028 экземпляров.

№ 18, ГИМ 82435, г. Торжок¹⁰. В 1948 г. С. И. Шмаков при обработке огорода нашел клад русских монет в кубышке. Передан в Государственный Исторический музей вместе с кубышкой. Количество монет — 278 экземпляров, общий вес — 130 г. Состав клада: монеты Василия Ивановича Шуйского — 4 экземпляра, Михаила Федоровича — 274 экземпляра.

Калужская область

№ 19, Детчинский район, деревня не указана. Летом 1954 г. при вспашке поля найдена кубышка с кладом. Судя по принесенному образцу (копейка Ивана IV), клад состоял, очевидно, из монет второй половины XVI в. Общее количество и вес найденных монет не известны. Клад по-

¹⁰ Клад № 18 и далее публикуемые клады № 23, 29, 31, 40 и 59 не отмечены в предыдущих сводках (см. КСИИМК, вып. XXIV, 1949; КСИИМК, вып. 52, 1953).

ступил в Калужский краеведческий музей. Сообщил посетитель К. Ю. Славолюбов.

№ 20, ГИМ 84818, Тарусский район. Весной 1954 г. музеем у частного лица была куплена часть клада, найденного в 1910 г., близ дер. Сукремель (см. А. А. Ильин. Топография кладов древних русских монет и монет удельного периода. Л., 1924, стр. 34, № 33). Состав части клада: монеты Великого Новгорода — 88 экземпляров; Пскова — 103 экземпляра; Великого княжества Рязанского, Василия Ивановича — 1 экземпляр; Ивана III — 127 экземпляров; Василия III — 102 экземпляра; Ивана III или Василия III — 4 экземпляра. Всего — 425 экземпляров.

Костромская область

№ 21, ГИМ 84229, колхоз им. Сталина, дер. Шосково (в 4 км от Костромы). В августе 1952 г. при вспашке зяби тракторист Н. Д. Адугин нашел клад русских монет. Кубышки или остатков ее не обнаружено. Клад передан в Государственный Исторический музей. Количество монет — 501 экземпляр, общий вес — 243,03 г. Состав клада: монеты Ивана IV — 9 экземпляров, Федора Ивановича — 6 экземпляров, Бориса Федоровича Годунова — 10 экземпляров, Василия Ивановича Шуйского — 9 экземпляров, Владислава Сигизмундовича — 4 экземпляра, Михаила Федоровича — 463 экземпляра.

Московская область

№ 22, ГИМ 84212, Бронницкий район, дер. Бельково. В августе 1953 г. при вспашке целины на глубине 50 см В. Н. Ларьковым обнаружен клад в кубышке, которая разбилась. Вместе с обломком кубышки клад поступил в Государственный Исторический музей. Количество монет — 2728, общий вес — 755,7 г. Состав клада: монеты Михаила Федоровича — 20 экземпляров, Алексея Михайловича — 9 экземпляров, Федора Алексеевича — 12 экземпляров, Ивана Алексеевича — 12 экземпляров, Петра Алексеевича (серебряные копейки) — 2665 экземпляров, стертых монет — 10 экземпляров.

№ 23, ГИМ 58272, Волоколамский район, с. Криково. В августе 1926 г. найден клад в кубышке, который вместе с кубышкой поступил в Государственный Исторический музей. Количество монет — 445 экземпляров, общий вес — 200 г. Состав клада: монеты Ивана III — 1 экземпляр, Ивана IV — 3 экземпляра, Федора Ивановича — 1 экземпляр, Василия Ивановича Шуйского — 4 экземпляра, Михаила Федоровича — 212 экземпляров, Алексея Михайловича — 110 экземпляров, Федора Алексеевича — 13 экземпляров, Петра Алексеевича (серебряные копейки) — 2 экземпляра, монеты, не определенные по стертости, — 9 экземпляров.

№ 24, ГИМ 84821, Коломенский район, дер. Барановка. 16 октября 1953 г. А. И. Пылаевым на берегу старого пруда, расположенного среди деревни, на глубине 0,5 м была найдена кубышка с кладом. Кубышка и часть (небольшая) монет поступила в Коломенский краеведческий музей, остальные переданы в Государственный Исторический музей. Количество монет — 3345 экземпляров, общий вес — 1,6 кг. Состав клада: монеты Ивана IV — 13 экземпляров, Федора Ивановича — 9 экземпляров, Бориса Федоровича Годунова — 9 экземпляров, Дмитрия Ивановича — 2 экземпляра, Василия Ивановича Шуйского — 46 экземпляров, Владислава Сигизмундовича — 13 экземпляров, Михаила Федоровича — 3252 экземпляра, копейка датского короля Христиана IV, чеканенная для торговли с Русью, — 1 экземпляр.

№ 25, Коробовский район, дер. Шарاپово. 25 мая 1954 г. учениками Шараповской семилетней школы найден глиняный кувшин с русскими медными монетами второй половины XVIII в., общим весом 16 кг. Клад был передан в районное отделение милиции. Сообщил 15 июня 1954 г. учитель Шараповской семилетней школы В. М. Микулин.

№ 26, ГИМ 83849, Красно-Полянский район, дер. Кузьяево. 4 июля 1952 г. колхозницей Комоцковой при обработке приусадебного участка на глубине 0,4 м обнаружен клад в кубышке. Вместе с кубышкой он поступил в Государственный Исторический музей. Количество монет — 393 экземпляра, общий вес — 219 г. Состав клада: монеты Великого Новгорода (до 1478 г.) — 1 экземпляр, Ивана IV — 372 экземпляра, Федора Ивановича — 16 экземпляров, Бориса Федоровича Годунова — 4 экземпляра.

№ 27, ГИМ 84092, Луховицкий район, дер. Зекзюдино. В Государственный Исторический музей поступила часть клада, найденного в 1943 г. колхозницей Е. Ф. Козыревой. Клад, обнаруженный на глубине 0,3—0,4 м, помещался в кубышке. Общее количество и вес найденных монет не известны. Количество оставшихся монет — 82 экземпляра, общий вес — 25,54 г. Состав сохранившейся части: монеты Михаила Федоровича — 1 экземпляр, Алексея Михайловича — 6 экземпляров, Федора Алексеевича — 2 экземпляра, Иоанна Алексеевича — 3 экземпляра, Петра Алексеевича (серебряные копейки) — 69 экземпляров, мордовка не пробитая — 1 экземпляр.

№ 28, Можайский район, дер. Лубенки (между деревнями Горки и Глазово). 8 июля 1952 г. найден клад в кубышке, на глубине 0,2 м. Общий вес клада — около 1,5 кг. Состав клада, судя по присланным образцам, — монеты Ивана IV, Федора Ивановича, Бориса Федоровича Годунова. Судьба клада не известна. Сообщил П. Н. Рапасов.

№ 29, ГИМ 80980, Можайский район, дер. Ясенево. Осенью 1941 г. рабочим батальоном при рытье окопов найден клад в кубышке. Вместе с кубышкой он поступил в Государственный Исторический музей. Количество монет — 499 экземпляров, общий вес — 232,56 г. Состав клада: монеты Ивана IV (до 1547 г.) — 1 экземпляр, Бориса Федоровича Годунова — 2 экземпляра, Василия Ивановича Шуйского — 1 экземпляр, Михаила Федоровича — 495 экземпляров.

№ 30, ГИМ 84006, г. Москва, Калужская ул., около дома № 8. 5 ноября 1952 г. при земляных работах И. Н. Зуйков обнаружил клад в кубышке, разбившейся от удара. Клад поступил в Государственный Исторический музей (без кубышки). Количество монет — 458 экземпляров, общий вес — 247,87 г. Состав клада: монеты Ивана IV — 287 экземпляров, Федора Ивановича — 104 экземпляра, Бориса Федоровича Годунова — 67 экземпляров.

№ 31, ГИМ 83432, Москва, 3-й Голутвинский пер., дом № 3. 10 мая 1951 г. при прокладке газовых труб обнаружены клад и остатки стеклянного сосуда (очевидно, — дно штофа). В музей доставлена часть клада, вместе с осколком от сосуда. Количество поступивших монет — 83 экземпляра, общий вес — 48,58 г. Состав сохранившейся части: монеты Михаила Федоровича — 52 экземпляра, Алексея Михайловича — 29 экземпляров, Федора Алексеевича — 2 экземпляра.

№ 32, г. Москва, ул. Алексея Толстого, дом № 26. Летом 1952 г. при прокладке газовых труб найден клад в кубышке, очевидно, состоявший из русских монет XVI в. — начала XVII в. Клад разошелся по рукам. Общее количество и вес найденных монет не известны. Сообщил ученик 7-го класса 114-й школы Леонид Блох.

№ 33, ГИМ 85370, г. Москва, ул. Арбат, дом № 2. 7 декабря 1954 г. во время подвальных работ при реконструкции ресторана «Прага» т. Англичанов обнаружил на глубине 2,8 м клад в кубышке. За исключе-

нием незначительной части, клад вместе с кубышкой передан на хранение в Государственный Исторический музей.

Количество монет — 1476 экземпляров, общий вес — 618 г. Состав клада — монеты Ивана IV — 1 экземпляр (деньга — до 1547 г.), Бориса Федоровича Годунова — 1 экземпляр, Василия Ивановича — 3 экземпляра, Владислава Сигизмундовича — 1 экземпляр, Михаила Федоровича — 594 экземпляра, Алексея Михайловича — 340 экземпляров, Федора Алексеевича — 182 экземпляра, Ивана Алексеевича — 106 экземпляров, Петра Алексеевича — 157 экземпляров (серебряные копейки), монеты, не определенные из-за плохой сохранности, — 91 экземпляр.

№ 34, ГИМ 84874, Раменский район, г. Жуковский. 9 июня 1954 г. при земляных работах найден клад русских монет XVI в. (монеты Ивана IV) в кубышке, которая разбилась от удара. Часть клада разошлась по рукам, часть передана в Государственный Исторический музей. Количество оставшихся монет — 370 экземпляров, вес — 166,7 г. Состав клада: монеты Ивана IV до и после 1547 г.

№ 35, ГИМ 85086, Рыбновский район (относится к Рязанской обл.), с. Кузьминское. Летом 1954 г. при прокладке труб обнаружен клад в большой кубышке. Основная часть клада и кубышка разошлись по рукам. В Государственный Исторический музей поступило 356 монет, общий вес — 173,3 г. Первоначальное количество и вес монет не известны. Состав сохранившейся части: монеты Ивана IV — 27 экземпляров, Федора Ивановича — 10 экземпляров, Бориса Федоровича Годунова — 12 экземпляров, Дмитрия Ивановича — 3 экземпляра, Василия Ивановича Шуйского — 11 экземпляров, Владислава Сигизмундовича — 1 экземпляр, Михаила Федоровича — 280 экземпляров, не определенных монет — 12 экземпляров.

№ 36, ГИМ 84080, Серпуховский район, дер. Селино. Весной 1952 г. гр. Лазарева при обработке огорода обнаружила клад в кубышке. Монет в кладе было свыше сотни. В музей поступила часть клада (16 экземпляров), без кубышки. Состав сохранившейся части клада: монеты Ивана IV — 6 экземпляров, Федора Ивановича — 5 экземпляров, Бориса Федоровича Годунова — 5 экземпляров.

№ 37, Сталиногорский район, станция Ключевка Московско-Донской ж. д. 2 июня 1954 г. при вспашке приусадебного участка под большим камнем обнаружен клад русских серебряных монет XVIII в. — от Петра I до Екатерины II. Всего найдено 69 экземпляров. Клад передан в Донской краеведческий музей. Сообщила т. Кузнецова, инспектор Исполкома Мособлсовета по охране исторических памятников, 15 июня 1954 г.

№ 38, станция Катуар Киевской ж. д. В октябре 1954 г. Ф. Ф. Дмитриев при посадке деревьев обнаружил на глубине 0,6—1 м клад медных русских монет (1730—1861 гг.), которые помещались в жестяной коробке, завернутой в древесную кору. Общий вес найденных монет — около 5 кг. Сообщила нашедший клад Ф. Ф. Дмитриев. Клад находится у него.

№ 39, ГИМ 83978, станция Силикатная Курской ж. д., с. Андреевское. В декабре 1952 г. от Г. А. Лонгвиненко поступила часть клада (28 монет) без кубышки. Общее число и вес найденных монет не известны. В сохранившейся части: монеты Михаила Федоровича — 25 экземпляров, Алексея Михайловича — 3 экземпляра.

Новгородская область

№ 40, ГИМ 81139, Мстинский район, дер. Тостцы. В июле 1941 г. на восточном берегу оз. Ильмень найден клад в кубышке. Общее количество и вес найденных монет не известны. В Государственный Исторический музей поступила часть клада без кубышки — монеты Ивана IV в количестве 34 экземпляров. Общий вес — 22,18 г.

№ 41¹¹. В мае 1954 г. в Новгороде при вспашке огорода во дворе дома № 7 по Малой Московской ул. (за валом) обнаружен клад серебряных русских монет XVIII в. — Петра I и Екатерины II. Монета Петра I — рубль АШ (1710 г.), Екатерины II — рубли 1764, 1766 (2 экземпляра), 1767, 1768 (2 экземпляра), 1769, 1771, 1773, 1774 (2 экземпляра), 1775 (2 экземпляра), 1776 (2 экземпляра), 1777, 1778, 1780, 1781, 1782, 1783, 1786 и 1787 гг.; гривенник 1784 г.; пятнадцатикопеечники 1771, 1781, 1784, 1785 (2 экземпляра), 17. . гг. (2 экземпляра). Всего в составе клада — 24 рублевые монеты, 7 пятнадцатикопеечников и 1 гривенник. Клад поступил в Новгородский музей (инв. № 9688).

№ 42. В 1936 г. в дер. Хутын обнаружен клад русских серебряных монет XVI—XVII вв. Количество — 1875 экземпляров, общий вес — 557,2 г. Хранится в Новгородском музее.

№ 43. В стене Борисоглебской церкви на Торговой стороне Новгорода был найден клад русских монет XVI—XVII вв. Количество — 12 969 экземпляров (в том числе — 127 медных), общий вес — 5490,3 г. Хранится в Новгородском музее (найден до 1941 г.).

№ 44. На Рождественском кладбище в Новгороде в 1930 г. обнаружен клад новгородских серебряных монет XV в. Количество — 1813 экземпляров. Общий вес — 1413 г. Хранится в Новгородском музее.

№ 45. В 1947 г. в Новгороде, по улице Александра Невского, на правой стороне Федорова ручья найден клад из 151 западноевропейской монеты (талеров) XVI—XVII вв. (наиболее поздняя монета — 1649 г.) и 2 серебряных ложек. Общий вес монет — 4096,5 г. Хранится в Новгородском музее вместе с подробным описанием.

№ 46. 16 мая 1948 г. близ Юрьева монастыря под Новгородом найден клад из 43 русских серебряных монет XVIII в. Общий вес клада — 1072,39 г. Хранится в Новгородском музее.

№ 47. В 1947 г. близ развалин Спаса-Нередицы обнаружен клад русских серебряных монет XVI—XVII вв. в количестве 2358 экземпляров. Общий вес — 1578 г. Хранится в Новгородском музее.

№ 48. В 1947 г. в развалинах Спаса-Нередицы обнаружен клад новгородских серебряных монет XV в. в количестве 533 экземпляров. Общий вес — 402,8 г. Хранится в Новгородском музее.

№ 49. В августе 1952 г. в колхозе «Победа» Мстинского района Новгородской области обнаружен клад русских серебряных монет XVI—XVII вв. В Новгородский музей поступило 398 экземпляров монет этого клада, общим весом 220,7 г, вместе с обломками кубышки.

№ 50. В июне 1954 г. в дер. Рахмыже Чудовского района Новгородской области при вспашке огорода обнаружен клад русских серебряных монет XVIII в. В состав клада входили монеты Петра I, Анны Ивановны и Елизаветы Петровны: Петра I — рубли 1718, 1720, 1721 гг., Анны Ивановны — рубли 1730, 1731, 1732 (6 экземпляров), 1733 (3 экземпляра), 1734 (8 экземпляров), 1735 (2 экземпляра), 1736 (2 экземпляра), 1737, 1738 (6 экземпляров), 1739 гг. (3 экземпляра), Елизаветы Петровны — рубли 1742 и 1743 гг. Всего в составе клада — 38 рублевых монет. Клад поступил в Новгородский музей (инв. № 9697).

Вместе с кладом найден глиняный сосуд, низкий, с широким горлом и слегка отогнутым венчиком и короткой полой ручкой.

№ 51. В 1946 г. близ с. Мшага Шимского района Новгородской области найден клад медных монет XVII в. в количестве 4750 экземпляров. Общий вес — 2210 г. Хранится в Новгородском музее.

---

¹¹ Сведения о кладах, хранящихся в Новгородском музее (№ 41—55), любезно сообщены В. Л. Яниным в ноябре 1954 г.

Кроме того, в Новгородском музее хранятся следующие, найденные до 1941 г. клады, утратившие паспорт:

№ 52. Клад русских серебряных монет XVI—XVII вв. в количестве 5100 экземпляров. Общий вес — 3380 г.

№ 53. Клад новгородских серебряных монет XV в. в количестве 897 экземпляров. Общий вес — 700,6 г.

№ 54. Клад серебряных новгородских монет XV в. в количестве 495 экземпляров. Общий вес — 362,79 г.

№ 55. Клад русских серебряных монет XVI—XVII вв. в количестве 1045 экземпляров. Общий вес — 408 г.

Возможно, некоторые из этих кладов попали в сводку Р. Р. Фасмера в 1-м списке¹², но количество монет ни в одном случае не совпадает.

Орловская область

№ 56. Задонский район, с. Ржавец, колхоз имени Жданова. Летом 1953 г. найден клад русских монет XVI—XVII вв. общим весом около 5 кг. Дальнейшая судьба клада не известна. Записано со слов частных лиц.

№ 57, Шаблыкинский район, с. Гавриловское. Весной 1950 г. найден клад, состоящий, судя по присланным образцам, из монет Ивана IV, Федора Ивановича, Бориса Федоровича Годунова. Клад находился в кубышке, общий вес — около 200—300 г. Сообщила учительница Герасимовской школы т. Демьяненко.

Смоленская область

№ 58, Демидовский район дер. Пердунье. В мае 1952 г. найдены русские медные монеты второй половины XVIII в., в количестве 150—200 экземпляров. Сообщил 30 мая 1952 г. нашедший клад А. Я. Храбровицкий.

№ 59, г. Смоленск. В 1951 г. при земляных работах обнаружен в кубышке клад общим весом около 2 кг. Клад состоял из монет Ивана IV, Федора Ивановича, Бориса Федоровича Годунова, Дмитрия Ивановича, Василия Ивановича Шуйского. Основная часть клада разошлась по рукам. Монеты весом 175 г сданы в Смоленский областной музей. Сообщение частных лиц.

Тульская область

№ 60, ГИМ 84091, Товарковский район, Кузовский сельсовет, с. Кузовка, сельскохозяйственная артель им. Тельмана. 30 апреля 1953 г. В. А. Морсин обнаружил на своем приусадебном участке клад, помещавшийся в 2 сосудах — стеклянном и глиняном, обломки которых поступили в музей вместе с кладом. Количество монет — 23 993 экземпляра, общий вес — около 6,5 кг. Состав клада — серебряные копейки Петра Алексеевича.

Ярославская область

№ 61, ГИМ 85445, Переславль-Залесский. В сентябре 1954 г. на вспаханном поле обнаружены рассыпанные монеты, очевидно, остатки клада. Первоначальное количество и вес найденных монет не известны. Одна

¹² Р. Р. Фасмер. Список монетных находок, зарегистрированных секцией нумизматики и глиптики Академии истории материальной культуры в 1920—1925 гг. Сообщения ГАИМК, I, Л., 1926, стр. 287—308.

часть клада (340 экземпляров) была передана в Переславский краеведческий музей, другая (276 экземпляров, общим весом 125,22 г) поступила в Государственный Исторический музей. Состав оставшейся части — монеты Михаила Федоровича.

Мордовская АССР

№ 62. Около деревни Васильевки (область или район не указаны). 25 июля 1954 г. И. Э. Сошенко обнаружил в поле клад русских монет XVI в. в количестве около 350 экземпляров. Судя по присланным образцам, клад состоял из монет Ивана IV, Федора Ивановича и Бориса Федоровича Годунова. Клад находится у И. Э. Сошенко, который и сообщил о нем письмом № 1087 от 29 ноября 1954 г.

Татарская АССР

№ 63. ГИМ 84819, Верхне-Услонский район (Нижне-Услонский сельсовет). Весной 1954 г. музеем у частного лица куплена часть так называемого Азбабского клада¹³, найденного в 1899 г. Состав части клада: монеты Великого Новгорода — 36 экземпляров, Пскова — 69 экземпляров, Великого княжества Рязанского — 2 экземпляра, Великого княжества Тверского — 1 экземпляр, удельного княжества Серпуховского — 1 экземпляр, Василия Темного — 17 экземпляров, Ивана III — 116 экземпляров, Василия III — 32 экземпляра, Ивана III и Василия III — 72 экземпляра, не определенных монет — 12 экземпляров. Всего 339 экземпляров. Приобретенные музеем монеты в работе С. И. Чинова не опубликованы.

4. КЛАДЫ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ МОНЕТ

РСФСР

№ 64. Ленинградская область, Кингисеппский район, дер. Получье. В 1952 г. П. Ф. Филипповым найден клад шведских медных монет XVII в. общим весом около 35 кг. Судьба клада не известна. Сообщил К. П. Филиппов (письмо № 642 от 3 июля 1954 г.).

БССР

№ 65. Минская обл., Гресский район, Гресская МТС. В августе 1953 г. работниками Гресской МТС при рытье канавы по высохшему руслу р. Лахнея, на глубине 0,3—0,4 м обнаружен клад польско-литовских и шведских монет XVII в. в количестве около 500 экземпляров. Судьба клада не известна. Сообщил ученик Пуховской школы Гресского района В. Прудник (письмо от 28 августа 1953 г.).

№ 66. Гродненская область, Скидельский район, дер. Дубно. В 1953 г. ученик М. Корень обнаружил на обрывистом берегу р. Неман горшок с кладом польско-литовских и прусских монет XVI в. общим весом около 2 кг. Клад находится у В. А. Дедолко, жителя дер. Дубно, сообщившего о находке клада (письмо № 699 от 30 июля 1954 г.).

№ 67. Гомельская обл., Василевичский район, дер. Бабичи. В марте 1953 г. найден клад польско-литовских монет XVII в. в количестве около 100 экземпляров, общим весом 400—500 г. Клад разошелся по рукам. Сообщил А. Кулага.

¹³ С. И. Чинов. Азбабский клад. М., 1911; А. А. Ильин. Топография кладов древних русских монет X—XI вв. и монет удельного периода. Л., 1924, стр. 32, № 24.

№ 68. Дрогобычская область, Стрыйский район, с. Великие Дедушичи. В 1952 г. крестьянином Бойко при обработке огорода на глубине 1—1,5 м обнаружен клад общим весом около 3 кг. Клад находился в горшке и состоял из польских и прусских монет XV—XVI вв. Одна часть клада поступила в Львовский музей, другая — разошлась по рукам. Записано со слов частных лиц.

№ 69. Житомирская область, Базарский район, с. Калиновка. В 1953 г. колхозники с. Калиновка нашли клад, помещавшийся в металлическом ящичке. Клад состоял из польских серебряных и золотых монет XVII в. Общий вес клада — около 4 кг. Основная часть клада разошлась по рукам. Сообщил В. А. Шутенко (г. Чкалов, Степная ул., дом № 16).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы
АП — Археологічні пам'ятки УРСР
АС — Археологический съезд
ВДИ — Вестник древней истории
ВУАК — Всеукраинский археологический комитет
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный Исторический музей
ЗОРСА — Записки Отделения русско-славянской археологии Русского археологического общества
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИРГО — Известия Русского географического общества
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР
ЛГУ — Ленинградский государственный университет имени А. А. Жданова
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры Академии наук СССР
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАО — Московское археологическое общество
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МКА — Материальная культура Азербайджана
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
ХГУ — Харьковский государственный университет имени А. М. Горького.
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
-

СОДЕРЖАНИЕ

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

А. И. Тереножкин. Луницкая культура и культуры Среднего Поднепровья	3
Б. А. Шрамко. Новые памятники предскифского времени на Северном Донце	17
С. С. Березанская. Новые памятники эпохи бронзы и раннего железа в бассейне Сейма	28
Т. А. Бунятов. Из истории хозяйства в древнем Азербайджане. (К вопросу об изготовлении молочных продуктов)	36

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. П. Черныш. Многослойная стоянка Молодова 5	45
И. И. Гохман. Палеолитическая стоянка «Пещера» на Бухтарме	54
Г. Ф. Коробкова. Тарденуазская стоянка Гребеники в Нижнем Поднестровье	59
Ф. М. Заверняев. Поселения мезолитического времени на Соже и Десне	63
Ф. М. Заверняев. Неолитическая стоянка Черепеньки под Брянском	65
Э. А. Абрамова. Неолитическая «мастерская» кремневых орудий на Волге близ Костромы	71
В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев. Неолитическая стоянка близ города Буйнакса (Дагестан)	78
К. В. Сальников. Новые памятники абашевской культуры в Южной Башкирии	83
А. А. Щепинский. Новые памятники кизил-кобинской культуры в Крыму	89
О. Г. Шапошникова. Поселение раннебронзового времени у села Волошского	94
Ю. Н. Захарук. Поселение культуры воронковидных сосудов на Вольни	97
Г. И. Смирнова. Работы Западно-Украинской экспедиции в 1954 году	101
А. М. Лесков. Седьмой симферопольский курган	109
В. И. Марковин. Археологические находки с территории Тарнаира (Дагестан)	117
М. И. Исаков. Талгинский могильник	126

III. МЕЛКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

А. П. Черныш. Изображение человека позднепалеолитического времени	133
А. Х. Репман. Фигурный кремьень с вышневолоцких неолитических стоянок	135
А. А. Формозов. О датировке неолитических стоянок Черноморского побережья Кавказа	138
И. К. Недоля. Орудия земледелия эпохи неолита из района Адлера	142
В. И. Мошайнская. Баландинский клад бронзовых инструментов	144

IV. ХРОНИКА

А. С. Мельникова. Клады монет (зарегистрированные Государственным Историческим музеем за 1952—1954 годы)	147
Список сокращений	159

Краткие сообщения Института истории материальной культуры Вып. 67

Утверждено к печати Институтом истории материальной культуры Академии наук СССР

Редактор издательства М. Г. Воробьева, Технический редактор Г. А. Астафьева

РИСО АН СССР № 124—83В. Сдано в набор 11/II 1957 г. Подписано к печати 27/V 1957 г.
Формат 70 × 108¹/₁₆. Печ. л. 10 = 13,70. Уч.-изд. л. 13,1. Тираж 1700 экз. Т-05019.

Изд. № 1976. Тип. зак. № 34.

Цена 7 р. 85 к.

Издательство Академии наук СССР. Москва Б-64, Подсосенский пер., 21

1-я типография Издательства АН СССР. Ленинград, В-34, 9-я линия, 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
10	2 сн.	О. И. Мельниковская	О. Н. Мельниковская
13	6 сн.	Ф. Покровська	Е. Ф. Покровська
26	20 сн.	на богу	на боку
35	4—5 сн.	В. Подгаецкий	Г. В. Подгаецкий
38	9 сн.	Арналы	Арпалы
39	сн.	Арналы	Арпалы
132	27 сн.	обществе	общности

Краткие сообщения ИИМК, вып. 67.